

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Б.П. Гуселетов

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРОСОЮЗОМ И КИТАЕМ
В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

А.В. Скиперских, М. Епремян

АРМЕНИЯ В 1990-Х ГГ.:
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

О.Е. Гришин, А.В. Канушкин

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ
КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ
ДЛЯ НЕМЕЦКИХ ПРОФСОЮЗОВ

И.В. Юрченко, П.П. Зети-Катич, О.А. Завьялова

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

<p>Главный редактор</p> <p>ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Зам. главного редактора</p> <p>СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент</p> <p>Ответственный секретарь</p> <p>НИКИФОРОВА Ирина Владимировна</p> <p>Перевод</p> <p>ОРЛОВА Елена Геннадьевна</p> <p>Учредитель / Издатель</p> <p>НИИ общественных и политических наук</p>	<p style="text-align: right;">16+</p> <p>Научная редакция</p> <p>ЕФРЕМОВ Олег Юрьевич кандидат философских наук, доцент</p> <p>ЗЛАТАНОВ Благой Георгиев кандидат философских наук, доцент</p> <p>КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент</p> <p>АРУТЮНОВ Антон Георгиевич научный сотрудник</p>
<p>Председатель Редакколлегии номера</p> <p>СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович доктор политических наук</p> <p>Редакционная коллегия</p> <p>АЛЕКСЕЕВ С.В. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань)</p> <p>БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно)</p> <p>ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ИЛЬМАРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин)</p> <p>КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван)</p> <p>КОЗЛОВА Н.Н. доктор политических наук, профессор (Тверь)</p> <p>КУРИЛЛА И.И. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)</p> <p>ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер)</p> <p>ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)</p>	<p>МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы)</p> <p>ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва)</p> <p>ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва)</p> <p>ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага)</p> <p>СЕРГЕВНИН В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб)</p> <p>СКИПЕРСКИХ А.В. – доктор политических наук, профессор (Елец)</p> <p>СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль)</p> <p>ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва)</p> <p>ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва)</p> <p>ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул)</p> <p>ШИРОКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)</p> <p>ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)</p>

<p>Editor in Chief</p> <p>SHUMILOV Andrei</p> <p>Executive Secretary</p> <p>NIKIFOROVA Irina</p> <p>Translate</p> <p>ORLOVA Elena</p> <p>Design</p> <p>PAVLUNIN Dmitriy</p>	<p>Deputy Editor</p> <p>SKOVIKOV Alexey</p> <p>Editors</p> <p>EFREMOV Oleg</p> <p>ZLATANOV Blagoy</p> <p>KASIMOV Evgeniy</p> <p>ARUTYUNOV Anton</p> <p>Publisher</p> <p>Institute of Social and Political Sciences</p>
<p>Chairman of the Editorial board</p> <p>SKIPERSKIH Aleksander Prof.</p> <p>Editorial Board</p> <p>ALEKSEEV S. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>BOLSHAKOV A. Prof. (Kazan)</p> <p>BORSHCHEVSKY G. Prof. (Moscow)</p> <p>BRONNIKOV I. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>VATYL V. Prof. (Grodno)</p> <p>GRISHIN O. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>ILMJARV M. PhD (Tallinn)</p> <p>HORINA G. Prof. (Moscow)</p> <p>KAPITSYN V. Prof. (Moscow)</p> <p>KERYAN G. Prof. (Yerevan)</p> <p>KURILLA I. Prof. (Saint-Petersburg)</p> <p>LEONTIEVA O. Assoc. Prof. (Tiraspol)</p>	<p>LEDYAEV V. Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow)</p> <p>MINEEVA E. Prof. (Cheboksary)</p> <p>NASIMOVA G. Prof. (Almaty)</p> <p>OMELCHENKO N. Prof. (Moscow)</p> <p>PASTUHOVA L. Assoc. Prof. (Moscow)</p> <p>PROROK V. PhD (Prague)</p> <p>SERGEVNIN V. Prof. (Macomb)</p> <p>SKIPERSKIH A. Prof. (Yelets)</p> <p>SHIROKOV O. Prof. (Cheboksary)</p> <p>SOKOLOV A. Assoc. Prof. (Yaroslavl)</p> <p>TUROVSKY R. Prof. (Moscow)</p> <p>CHERNYSHOV Y. Prof. (Barnaul)</p> <p>YURCHENKO S. Prof. (Simferopol)</p>

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Б.П. Гуселетов

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРОСОЮЗОМ И КИТАЕМ
В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

6

И.В. Юрченко, П.П. Зети-Катич, О.А. Завьялова

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)

23

А.В. Кирка, Е.П. Казбан, Н.Н. Соколов

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

43

С.В. Бирюков, С.Н. Чирун, А.В. Андреев

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ
УКРАИНСКОЙ ЭЛИТЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ С РОССИЕЙ

66

А.В. Скиперских, М. Епремян

АРМЕНИЯ В 1990-Х ГГ.: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

87

О.Е. Гришин, А.В. Канушкин

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАК СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ДЛЯ НЕМЕЦКИХ ПРОФСОЮЗОВ

107

СТАТЬИ

М.В. Кирчанов

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ИСЛАМА В ИНДОНЕЗИИ
В НАЧАЛЕ 2020-Х ГГ.

120

А.С. Чертков

ОРИЕНТАЛИСТСКИЙ КОНЦЕПТ «ВОСТОК-ЗАПАД» В КОНТЕКСТЕ ТРАВЕЛОГА
А.С. ГРИБОЕДОВА

141

Е.И. Макарова, Д.В. Грицких

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ЭТНИЧЕСКУЮ И РЕГИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ
ЖИТЕЛЕЙ ЛУГАНЩИНЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

151

У.А. Кукина

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИУДАИЗМ»

165

РЕЦЕНЗИИ

Е.С. Шевченко, М.А. Бурда, М.А. Бочанов

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

178

Наши авторы

194

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

Б.П. Гуселетов

B. Guseletov

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРОСОЮЗОМ И КИТАЕМ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

RELATIONS BETWEEN EUROPEAN UNION AND CHINA AT PRESENT STAGE

Аннотация

В статье представлены результаты анализа состояния взаимоотношений между Европейским союзом и Китайской народной республикой в экономической и политической областях. Отмечено, что в последние годы Китай стал ведущим торгово-экономическим партнером Евросоюза и намерен дальше развивать, и укреплять эти связи. В свою очередь представители европейского бизнеса, в первую очередь из его ведущих стран: Германии, Франции, Италии, так же проявляют большой интерес к сохранению и укреплению своих позиций на китайском рынке, пользуясь поддержкой руководства своих стран. Особое значение приобрело в последние годы сотрудничество Китая со странами Центральной и Восточной Европы в формате 17+1. Эпидемия COVID, которая в Китае сопровождалась политикой полной закрытости страны, серьезно ослабила его экономические связи с европейским бизнесом. С осени 2022 года Китай стал открываться, что вселило в его партнеров из ЕС определенные надежды. Но в политической области отношения ЕС-КНР остаются напряженными, в первую очередь из-за опасений европейских политиков за то, что Китай начал приобретать излишнее влияние на сферу безопасности. Заметное влияние на них оказывают США, которые не хотят слишком сильного сближения европейцев с Китаем и используют конфликт между КНР и Тайванем для усиления давления на ЕС, чтобы он включился в этот конфликт на их стороне. Китай в свою очередь заявил о готовности сыграть роль посредника в украин-

Abstract

The article presents the results of the analysis of the state of relations between the European Union and the People's Republic of China in the economic and political fields. It was noted that in recent years China has become a leading trade and economic partner of the European Union and intends to further develop and strengthen these ties. In turn, representatives of European business. First of all, from its leading countries: Germany, France, Italy, also show great interest in maintaining and strengthening their positions in the Chinese market, using the support of the leadership of these countries. China's cooperation with the countries of Central and Eastern Europe in the 17+1 format has gained particular importance in recent years. The COVID epidemic, which in China was accompanied by a policy of complete closure of the country, seriously weakened its economic ties with European business. But since the autumn of 2022, China has been opening up, which has given its EU partners some hope. But in the political sphere, EU-China relations remain tense, primarily due to the fears of European politicians that China has begun to acquire excessive influence on the security sphere. A noticeable influence on them is exerted by the United States, which does not want too strong rapprochement of Europeans with China and uses the conflict between China and Taiwan to increase pressure on the EU to get involved in this conflict on its side. China, in turn, declared its readiness to play the role of mediator in the Ukrainian conflict, which was cautiously supported by the parties

ском конфликте, что было осторожно поддержано сторонами конфликта и руководством ЕС. to the conflict and the EU leadership.

Ключевые слова:

Евросоюз, Китай, экономика, политика, безопасность, Тайвань, права человека.

Key words:

Europe, China, Economics, Politics, Security, Taiwan, Human Rights.

Отношения между Евросоюзом и Китаем в последние годы отличаются нестабильностью и противоречивостью [4, с. 144]. Пандемия коронавируса и специальная военная операция России на Украине еще больше их усложнили. Кроме того, на эти отношения в последние годы большое влияние оказывало осложнение взаимоотношений между Китаем и США, начавшиеся в период Президентства Д. Трампа с торгово-экономических войн [12; 5, с. 11] и затронувшие в эпоху Президентства Дж. Байдена политическую сферу, особенно в связи с ситуацией вокруг Тайваня [3].

Торгово-экономические отношения: небывалый подъем и новые ограничения

В 2020 году Китай впервые в истории стал крупнейшим торгово-экономическим партнером Евросоюза, опередив США. В этом году объем торговли ЕС с Китаем достиг € 586 млрд (\$ 711 млрд) по сравнению с € 555 млрд (\$ 673 млрд) с США. Согласно данным Евростата, Китай является третьим по величине направлением экспорта товаров из ЕС, на долю которого приходилось 10% от его общего объема. При этом Китай остается самым большим импортером в Европу, на долю в которого в 2021 году пришлось 22% от его объема. Большая часть товаров, которыми торгуют ЕС и Китай, — это машины, транспортные средства, химикаты и другие промышленные товары. По этому поводу президент Торговой палаты ЕС в Китае (EUCCC) Й. Вуттке в своем сентябрьском отчете отметил, что «Значение европейского рынка как пункта назначения для китайского экспорта примерно в два раза выше, чем значение китайского рынка для европейцев». Генеральный секретарь EUCCC А. Даннетт считает, что европейские компании добились в Китае очень хороших результатов, и в целом долгосрочные перспективы очень позитивны, поэтому он ожидает, что их доходы на этом рынке будут продолжать расти в течение следующего десятилетия. А. Даннетт отметил, что есть ряд отраслей, в которых Европа существенно зависит от Пекина: поставки редкоземельных металлов, которые требуются для производства гибридных и электромобилей, а также

ветряных турбин, производство солнечных батарей и пр. Но, по его мнению, эту зависимость не стоит преувеличивать.

По мнению заместителя директора Европейского политического центра Р. Борхес де Кастро «Любые проблемы, возникающие на политическом и стратегическом уровне (между ЕС и Китаем), имеют тенденцию распространяться на экономическую сферу».

Тем не менее, он уверен, что отношения между ЕС и КНР «слишком велики, чтобы потерпеть неудачу» и поэтому Европа не намерена уходить с прибыльного китайского рынка. «Я не считаю, что стратегия ЕС должна быть направлена на разъединение. Я думаю, что стратегия ЕС на данный момент — это стратегия диверсификации... урок из отношений с Россией заключается в том, что у вас не может быть одного поставщика», считает Борхес де Кастро [10].

Тем не менее, в последние годы экономические связи между ЕС и КНР в некоторых областях по ряду причин стали ослабевать. Многие политики и эксперты считают, что европейская экономика слишком сильно зависит от Китая, хотя многие ведущие компании Европы намерены продолжать вкладывать инвестиции в китайскую экономику, даже несмотря на некоторые проблемы, которые возникли из-за проводимой в последние годы руководством этой страны политики нулевой терпимости к Covid. Например, по мнению, Р. Пантуччи, являющегося сотрудником ведущего мозгового центра Великобритании в области обороны и безопасности Королевского института объединенных служб, бизнес-среда в Китае становится все менее предсказуемой и хотя крупные европейские компании сохраняют желание в ней работать, учитывая их размер и потенциал, большинство малых и средних компаний вынуждены уйти [30].

По данным исследовательской компании Rhodium Group, в 2021 году китайские прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Евросоюз снизились до уровня 2013 года, ниже которого они были только в 2020 году. Суммарно с 2016 года они упали практически на 78%. Директор Rhodium Group А. Крац считает, что в настоящее время уровень китайских инвестиций в Европе находится на самом низком уровне за десятилетие из-за усиления контроля со стороны Пекина за движением капитала, а также более пристального внимания к этим инвестициям со стороны регулирующих органов ЕС. При этом европейские ПИИ в Китай стали более точечными. По данным той же Rhodium Group с 2018 по 2021 гг. 10 крупнейших европейских ин-

весторов в Китае, включая представителей Великобритании, вложили почти 80% от общего объема ПИИ в эту страну. Причем инвестиции всего четырех немецких компаний: BASF, BMW, Daimler и Volkswagen, составили более трети всех европейских ПИИ за эти четыре года [21].

В 2021 году было отложено всеобъемлющее инвестиционное соглашение между Пекином и Брюсселем после того, как депутаты Европарламента ввели санкции против китайских чиновников в связи с «нарушениями прав человека в Китае» на что Китай ответил своими контрсанкциями [28]. Это соглашение было направлено на то, чтобы уравнивать правила игры для работающих в Китае европейских компаний, которые были недовольны тем, что их китайские конкуренты благодаря государственным субсидиям находились в более благоприятных условиях. После многолетних переговоров соглашение было в принципе согласовано обеими сторонами, но из-за политических разногласий так и не ратифицировано.

В начале октября 2022 года США, запретившие китайским компаниям покупать без лицензии их чипы и оборудование для их производства, стали оказывать давление на своих европейских партнеров с тем, чтобы принудить их следовать примеру Вашингтона. Руководитель нидерландской фирмы производителя чипов ASM International Б. Лох заявил, что США "оказывали серьезное давление" на правительство его страны, чтобы оно заняло жесткую позицию в отношении Китая.

В ноябре 2022 года правительство Германии заблокировало сделку по продаже акций двух своих ведущих предприятий по производству чипов Elmos и ERS Electronic китайской технологической компании Sai Microelectronics из соображений безопасности. Министр экономики ФРГ Р. Хабек, комментируя это решение, заявил, что «Мы должны внимательно следить за поглощениями компаний, когда речь идет о важной инфраструктуре или когда существует опасность того, что технологии перейдут к покупателям из стран, не входящих в ЕС».

Эти события произошли через неделю после того, как Канцлер ФРГ О. Шольц с группой германских бизнесменов посетил Китай. В ходе переговоров с китайским руководством он попытался найти баланс между стремлением немецких компаний получить доступ на китайский рынок и решением проблем безопасности и снижения торговой зависимости его страны от Китая. О. Шольц заявил, что любое отделение от Китая контрпродуктивно, а также подчеркнул, что Германия заинтересована в дивер-

сификации торговли на азиатском направлении и должна отстаивать свои стратегические интересы для расширения деловых отношений. Ранее Канцлер ФРГ, несмотря на сопротивление ряда членов его правительства, разрешил китайской компании выкупить миноритарный пакет акций терминала в крупнейшем порту Германии. И это его решение вызвало гневную реакцию министерства иностранных дел, которое предупредило, что эти инвестиции непропорционально расширили стратегическое влияние Китая [31].

Определенные сложности возникли и у проекта сотрудничества Китая с странами Центральной и Восточной Европы, который был основан в 2012 г. в формате "16+1" (16 стран ЦВЕ и КНР) для расширения сотрудничества в области инфраструктуры, транспорта и логистики, торговли и инвестиций и продвижения китайской инициативы «Один пояс, один путь» [32]. В 2019 г. к нему присоединилась Греция, но в 2021 году из проекта вышла Литва из-за дипломатической ссоры между этой страной и Китаем в связи с ситуацией вокруг Тайваня и проблем с соблюдением прав человека [27]. А в 2022 году к ней присоединились Латвия и Эстония [13]. Литву поддержали Посол ЕС в Китае Н. Шапюи и Президент Торговой палаты ЕС в Китае Й. Вуттке, т.к. от этого конфликта пострадал ряд крупнейших германских, французских и шведских компаний [26]. После этого ряд стран ЦВЕ, которые пока остаются участниками этого проекта, например, Чехия, намерены серьезно пересмотреть своих отношения с Китаем в сторону их сокращения [2].

Политические отношения: конкуренция усиливается

В апреле 2022 года дипломатическая служба ЕС опубликовала на своем сайте информационный бюллетень об отношениях между ЕС и КНР, в котором было указано, что "за последний год двусторонние отношения между ЕС и Китаем ухудшились в связи с контрмерами Китая против санкций ЕС в отношении прав человека, торгово-экономическими действиями против единого рынка, а также позиционированием Китая в отношении конфликта на Украине". При этом отмечалось, что "ЕС по-прежнему привержен сотрудничеству с Китаем, учитывая его ключевую роль в решении глобальных и региональных проблем... ЕС продолжает относиться к Китаю одновременно как к партнеру по сотрудничеству и переговорам, экономическому конкуренту и системному сопернику" [14].

По мнению директора Института европейских исследований Китайской академии общественных наук и Президента Института Китай-ЦВЕ ФЭН Чжунпина «В последнее время лидеры европейских стран и ЕС неоднократно сигнализировали о том, что они надеются на продолжение сотрудничества с Китаем. Это, несомненно, связано с новой ситуацией и новыми соображениями в Европе» [17].

В начале декабря 2022 года Китай посетил Президент Европейского совета Ш. Мишель, который встретился с Председателем КНР Си Цзиньпином. Премьер-министром Ли Кэцяном и спикером парламента Ли Чжаньшу. По итогам визита Мишель отметил, что отношения между ЕС и Китаем критически важны, но вместе с тем, он заявил, что указал китайскому руководству на то, что сохраняются «трудности, с которыми сталкиваются компании и инвесторы из ЕС. В Европе доступ к рынку остается очень открытым, в то время как в Китае несколько секторов остаются гораздо более закрытыми. Нам нужна большая взаимность, более сбалансированные отношения без чрезмерной зависимости, реальное игровое поле для наших компаний... Переход к «самостоятельности» несет в себе опасности не только для Китая и ЕС, но и для всего мира в целом» [31].

Критическую позицию в отношении Китая занимают практически все политические группы в Европарламенте (ЕП). Ведущая группа Европейской народной партии (ЕНП) приняла в марте 2021 года стратегический документ по отношениям ЕС и Китая. В нем подчеркивалось, что «группа ЕНП поддерживает взаимодействие с Китаем, которое должно быть принципиальным и прагматичным, и призывает европейские институты и государства-члены ЕС использовать все средства для того, чтобы убедить китайское руководство превратить свою страну в ответственного члена международного сообщества». Депутат ЕП от ЕНП Р. Сикорский заявил после принятия этого документа, что «политика ЕС в отношении Китая должна основываться на следующих принципах: сотрудничать, где возможно, конкурировать, где нужно, противостоять, где необходимо» [11].

Вторая по численности группа «Социалистов и Демократов» (Сид) в ЕП в 2022 году дважды выступила с заявлениями по поводу Китая. В конце января Сид поддержала иск со стороны ЕС во Всемирную торговую организацию против Китая за дискриминационную торговую практику против Литвы. Председатель комитета ЕП по международной торговле Б. Ланге (Сид) заявил по этому поводу, что: «Китайские действия — это

атака на внутренний рынок ЕС и глобальные цепочки поставок, поэтому решение ЕС передать дело в ВТО является правильным шагом» [16].

В марте 2022 года группа Сид поддержала отчет специального комитета ЕП по иностранному вмешательству в демократические процессы в ЕС (INGE) под председательством депутата Р. Глюксманна (Сид). Этот отчет содержал обвинения в адрес Ирана, Китая, России и Саудовской Аравии в том, что они вмешивались в европейские дела через незаконное финансирование политических партий, организацию фейковых новостей и дезинформации, кибератаки, инвестиции в стратегические отрасли, угрожающие независимости и безопасности европейцев [15].

Группа «Обновим Европу!» в сентябре 2021 г. также приняла свой стратегический документ об отношениях ЕС и КНР, в котором заявила, что Евросоюз должен обеспечить защиту своих интересов и соблюдение Китаем «мирового порядка, основанного на правилах» [29].

Группа «Европейские консерваторы и реформисты» в октябре 2022 года выступила с заявлением о том, что отказ от ископаемого топлива и переход на электромобили делает Европу более зависимой от Китая «возможно, даже в большей степени, чем до сих пор мы зависели от России в отношении газа» [18].

17 февраля 2023 года в ходе 38-го заседания диалога по правам человека между КНР и ЕС представители Европейской службы внешних связей вновь подняли вопрос о преследовании правозащитников, юристов и журналистов в Синьцзяне, районах Тибета, а также в Гонконге и Внутренней Монголии. Они призвал Китай прекратить нарушения прав человека и международного права, выразив обеспокоенность случаями их незаконного задержания, пыток и жестокого обращения, и потребовали немедленно освободить тех, кто задержан в нарушение правовых процедур [9].

Понимая все эти сложности китайское руководство решило предпринять серьезные усилия для восстановления диалога с Евросоюзом и по глобальным вопросам (таким как поиск формулы политического урегулирования украинского кризиса), и на двусторонней основе, в первую очередь с целью укрепления торгово-экономических связей. С этой целью в феврале 2023 года Европу посетил бывший министр иностранных дел КНР, ныне глава канцелярии комиссии ЦК КПК по иностранным делам Ван И, который принял участие в Мюнхенской конференции по безопасности и провел ряд двухсторонних встреч с лидерами ведущих госу-

дарств-членов ЕС. По итогам встречи Ван И с президентом Франции Э. Макроном и министром иностранных дел К. Колонна было отмечено желание обеих сторон укреплять взаимное сотрудничество, восстановить научный и культурные обмены, а также поддерживать процесс становления многополярности. На встрече Ван И с канцлером ФРГ О. Шольцем и министром иностранных дел А. Бербок была подтверждена взаимная заинтересованность в дальнейшем развитии торгово-экономических отношений и укреплении сотрудничества в международной сфере. Наиболее трудными для китайского дипломата были переговоры с вице-премьером и министром иностранных дел Италии А. Таяни. Ван И подтвердил, что КНР настроен увеличить объемы импорта из Италии, на что итальянский вице-премьер заявил, что Италия намерена восстановить двухсторонние связи и провести в ближайшее время заседание совместной итало-китайской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству [7].

18 февраля 2023 года Ван И встретился с главой дипломатии Евросоюза Ж. Боррелем для обсуждения в том числе и перспектив урегулирования конфликта на Украине. 20 февраля 2023 года накануне заседания Совета ЕС по иностранным делам, в котором участвовали министры иностранных дел всех стран-членов, Ж. Боррель рассказал о содержании своего разговора с Ван И., отметив, что он «выразил серьезную озабоченность по поводу поставок вооружения России со стороны Китая и попросил не делать этого и проинформировал, что для наших отношений это станет красной линией». Ж. Боррель подтвердил, что китайский высокопоставленный дипломат заверил его, что «они не собираются этого делать», но уточнил, что Евросоюз «должен будет сохранять бдительность». Другие министры иностранных дел ЕС, присутствовавшие на заседании Совета по иностранным делам в Брюсселе, поддержали позицию Ж. Борреля и в свою очередь предостерегли Пекин от пересечения этой линии. министр иностранных дел Швеции, председательствующей в Совете ЕС, Т. Бильстрём заявил, что «если такое решение Китаем будет принято, оно, безусловно, будет иметь последствия» [23].

По итогам всех этих встреч Ван И предупредил европейских коллег о том, что затягивание конфликта вокруг Украины может нанести еще им больший ущерб, подобный взрывам на «Северных потоках», и заявил, что 24 февраля Китай обнародует свой мирный план его урегулирования [19]. И действительно 24 февраля Министерство иностранных дел

КНР опубликовало на своем сайте этот материал, который включает 12 пунктов, включая прекращение огня, соблюдение законных интересов всех стран в области безопасности, урегулирование гуманитарного кризиса на Украине, обмен военнопленными, а также отказ от введения односторонних санкций без соответствующего решения Совета Безопасности ООН. Диалог и переговоры были названы «единственным путем для урегулирования кризиса на Украине», и подчеркивалось, что мировое сообщество должно создавать условия и предоставить платформу для возобновления переговоров.

Через несколько дней Ж. Боррель заявил, что Евросоюз проанализирует план Китая по урегулированию конфликта на Украине, но отметил, что в нем не хватает некоторых важных моментов. Глава европейской дипломатии указал в своем Твиттере, что «это не мирный план, и в основном он повторяет хорошо известные позиции Китая, некоторые из которых мы разделяем, а важные отсутствуют... но уже сейчас понятно, что ключевая проблема в том, что он не очень отличает агрессора от жертвы, ставя стороны на один уровень» [1].

Российское руководство по словам пресс-секретаря Президента РФ Д. Песков вполне позитивно отнеслось к китайскому плану по урегулированию конфликта на Украине. Песков заявил, что «Китай — мощнейшая страна, интересы которой игнорировать не может позволить себе ни один игрок на международной арене, Китай озвучил свой голос, любая попытка сформулировать тезисы для выхода на мирные рельсы урегулирования проблемы приветствуется, но, конечно же, важны нюансы» [8].

Подобная реакция представителей конфликтующих сторон и руководства ЕС вселяют осторожную уверенность в том, что представленный Китаем план урегулирования должен сыграть свою позитивную роль и повысить роль и влияние Китая на текущую ситуацию в Европе.

Прошедший 5-7 апреля 2023 года визит президента Франции Э. Макрона и главы Еврокомиссии У. фон дер Ляйен в Китай подтвердил представленные выше рассуждения об отношениях между ЕС и КНР. Он оказался достаточно успешным для французского президента, т.к. он сумел договориться с лидером КНР Си Цзиньпином о дальнейшем развитии экономических и гуманитарных связей между Китаем и Францией, а также содействовал подписанию ряда серьезных экономических соглашений между ведущими французскими и китайскими компаниям. Однако попыт-

ки У. фон дер Ляйен оказать влияние на руководства Китая в вопросах Тайваня и поддержки России в ее конфликте с Украиной не нашли никакой поддержки у китайского лидера. Результаты этого визита показали, что Китай заинтересован в более тесном сотрудничестве с ЕС, особенно в вопросе противостояния блоковой политике, проводимой США. Эту позицию руководства КНР поддержал Э. Макрон, заявивший о необходимости усиления стратегической автономии Евросоюза и его ведущих стран в деле укрепления взаимовыгодного международного сотрудничества с ключевыми мировыми экономическими и политическими акторами [22].

Итак, в настоящее время отношения между Китаем и Евросоюзом можно характеризовать как двойственные, т.к. в экономической сфере они находятся на достаточно высоком уровне, но в политическом плане эти отношения переживают период турбулентности. Это связано с взаимными претензиями сторон по таким вопросам, как справедливый и равный доступ участников экономической деятельности на рынки, соответственно, ЕС и КНР; обеспокоенностью сторон вопросом безопасности; разночтениями в отношении проблемы соблюдения прав человека и др. Кроме того, серьезное влияние на эти отношения пытаются оказывать Соединенные Штаты Америки, которые стремятся не допустить слишком сильного сближения Китая и Евросоюза, особенно в экономической области.

Тем не менее, руководство Китая, а в последнее время и Евросоюза, достаточно ясно демонстрируют стремление играть самостоятельную роль на международной арене и отстаивать собственные экономические и политические интересы. Свидетельством этого стала попытка Китая выдвинуть собственный план урегулирования конфликта на Украине, который негативным образом влияет на социально-экономическую ситуацию и в Европе, и в мире в целом, особенно в энергетической области и сфере безопасности. И то, что обе стороны конфликта: Россия и Украина, а также Евросоюз проявили сдержанный интерес к этому плану свидетельствует о том, что роль и влияние Китая в Европе в ближайшем будущем может заметно вырасти.

Литература

1. Боррель заявил, что Евросоюз изучит план Китая по Украине. По словам главы дипломатии ЕС, Евросоюз считает, что важных моментов в документе не хватает. Mail.ru. 26.02.2023. URL: <https://news.mail.ru/politics/55208579/?frommail=1> (дата обращения 05.04.2023).
2. Ведерников М.В. Динамика отношений с Китаем: ценностный подход во внешней политике Чехии // Современная Европа. №6. С. 82-97.
3. Волошина А.В. Конец политики «стратегической неопределённости» США в отношении Тайваня? // Россия и Америка в XXI веке. Спецвыпуск. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760023892-8-1/> (дата обращения 05.04.2023).
4. Гуселетов Б.П. Отношения между ЕС и КНР на фоне пандемии коронавируса // Европейский союз: факты и комментарии. 2020. №100. С. 143-149.
5. Гуселетов Б.П. Влияние торговой войны между США и Китаем на Европейский союз // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2019. №3. С. 10-18.
6. Импорт и экспорт Китая. Tadviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Импорт_и_экспорт_Китая (дата обращения 05.04.2023).
7. Мельникова Ю. Многополярность по-китайски. РСМД. 20.02.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolisy/mnogopolyarnost-po-kitayski/> (дата обращения 05.04.2023).
8. Песков прокомментировал план КНР по урегулированию конфликта на Украине. Известия. 28.02.2023. URL: <https://iz.ru/1476188/2023-02-28/peskov-prokommentiroval-plan-knr-po-uregulirovaniu-konflikta-na-ukraine> (дата обращения 05.04.2023).
9. China: 38th Human Rights Dialogue with the European Union takes place in Brussels. The Diplomatic Service of the European Union. 17.02.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/china-38th-human-rights-dialogue-european-union-takes-place-brussels_en (дата обращения 05.04.2023).
10. Cooban A. Huge trade partner and 'systemic rival.' Europe has a China problem. CNN Business. 30.11.2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/11/30/economy/europe-china-trade-tension/index.html> (дата обращения 05.04.2023).

11. Cooperate, compete and confront China. EPPgroup. 09.03.2021. URL: <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/cooperate-compete-and-confront-china> (дата обращения 05.04.2023).

12. Dadush U., Gao T. and Dominguez-Jimenez M. The state of China-European Union economic relations. Brugel working paper. 20.11.2019. URL: <https://www.bruegel.org/working-paper/state-china-european-union-economic-relations> (дата обращения 05.04.2023).

13. Estonia, Latvia withdrawing from China's 16+1 cooperation format. ERR. 11.08.2022. URL: <https://news.err.ee/1608682231/estonia-latvia-withdrawing-from-china-s-16-1-cooperation-format> (дата обращения 05.04.2023).

14. EU-China Relations factsheet. EEAS. 20.04.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-china-relations-factsheet_en (дата обращения 05.04.2023).

15. EU fights foreign interference Russia and China. S&Dgroup. 09.03.2022. <https://www.socialistsanddemocrats.eu/channel/eu-fights-foreign-interference-russia-and-china> (дата обращения 05.04.2023).

16. EU's WTO lawsuit against China SD's call further strengthening EU's trade defences and reform. S&Dgroup. 27.01.2022. URL: <https://www.socialistsanddemocrats.eu/newsroom/eus-wto-lawsuit-against-china-sds-call-further-strengthening-eus-trade-defences-and-reform> (дата обращения 05.04.2023).

17. Feng Z. China-EU Relations Expected to Stabilize. China-CCE Institute. China Watch Vol. 3, No. 3, January 2023. URL: <https://china-see.eu/2023/01/18/china-eu-relations-expected-to-stabilize/> (дата обращения 05.04.2023).

18. Fianza: All-electric philosophy may be making us more dependent on China. ECRgroup. 19.10.2022. URL: https://ecrgroup.eu/article/fianza_all_electric_philosophy_may_be_making_us_more_dependent_on_china (дата обращения 05.04.2023).

19. Gan N. and McCarthy S. China calls for Russia-Ukraine ceasefire as claims to neutrality questioned. CNN. 24.02.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/23/china/china-position-political-settlement-ukraine-intl-hnk/index.html> (дата обращения 05.04.2023).

20. Goujon R., Dudley L., Kleinhans J.-P., Kratz A. Freeze-in-Place: The Impact of US Tech Controls on China. Rhodium Group. 21.10.2022. URL: <https://rhg.com/research/freeze-in-place/> (дата обращения 05.04.2023).

21. Hanemann T., Witzke M., Yu Y. Cutting Through the Fog: FDI in China Since COVID-19. Rhodium Group. 13.12.2022. URL: <https://rhg.com/research/cutting-through-the-fog/> (дата обращения 05.04.2023).

22. Lau S. Von der Leyen warns Xi not to arm Russia with Chinese weapons. 06.04.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-warn-xi-jinping-not-arm-russia-chinese-weapons-china/> (дата обращения: 05.04.2023)

23. Lau S. EU top diplomat says China will cross 'red line' if it sends arms to Russia. Politico. 20.02.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-diplomat-josep-borrel-china-russia-ukraine-war/> (дата обращения 05.04.2023).

24. Lau S., Mon der Burcharf H., Bayer L. China talks 'peace,' woos Europe and trashes Biden in Munich. Politico. 18.02.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/china-wang-yi-peace-europe-joe-biden-munich-security-conference/> (дата обращения 05.04.2023).

25. Lau S. What happens to Europe when the balloon goes up? Politico. 06.02.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/china-us-spy-balloon-europe-ties-fragile/> (дата обращения 05.04.2023).

26. Lau S., Moens B. China's trade attack on Lithuania exposes EU's powerlessness. Politico. 16.12.2021. URL: <https://www.politico.eu/article/china-trade-attack-on-lithuania-exposes-eu-powerlessness/> (дата обращения 05.04.2023).

27. Lithuania mulls leaving China's 17+1 forum, expanding links with Taiwan. Lithuanian National Radio and Television. 02.03.2021. URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1356107/lithuania-mulls-leaving-china-s-17plus1-forum-expanding-links-with-taiwan> (дата обращения 05.04.2023).

28. MEPs refuse any agreement with China whilst sanctions are in place. European Parliament. 20.05.2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210517IPR04123/meps-refuse-any-agreement-with-china-whilst-sanctions-are-in-place> (дата обращения 05.04.2023).

29. New strategy EU-China. RenewEuropegroup. 27.09.2021. URL: <https://www.reneweuropegroup.eu/events/2021-09-20/a-new-eu-china-strategy> (дата обращения 05.04.2023).

30. Pantucci R., Petersen A. Sinostan: China's Inadvertent Empire. Oxford University Press. 336 p.

31. Remarks by President Charles Michel following the meeting with Chinese President Xi Jinping. 01.12.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/12/01/remarks-by-president-charles-michel-following-his-visit-to-china/> (дата обращения 05.04.2023).

32. Rinke A., Murray M. Germany blocks Chinese stake in two chipmakers over security concerns. Reuters. 10.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/deals/germany-block-chinese-takeover-semiconductor-firm-ers-electronic-handelsblatt-2022-11-09/> (дата обращения 05.04.2023).

33. Szunomár Á. Cooperation between China and Central and Eastern Europe: Promising Start, Doubtful Outlook, China-US Focus, 06.12.2017. URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/cooperation-between-china-and-central-and-eastern-europe-promising-start-doubtful-outlook> (дата обращения 05.04.2023).

References

1. Borrel' zayavil, chto Evrosoyuz izuchit plan Kitaya po Ukraine. Po slovam glavy diplomatii ES, Evrosoyuz schitaet, chto vazhnykh momentov v dokumente ne khvataet. Mail.ru. 26.02.2023. URL: <https://news.mail.ru/politics/55208579/?frommail=1> (дата обращения 05.04.2023).

2. Vedernikov M.V. Dinamika otnoshenii s Kitaem: tsennostnyi podkhod vo vneshnei politike Chekhii // Sovremennaya Evropa. №6. S. 82-97.

3. Voloshina A.V. Konets politiki «strategicheskoi neopredelennosti» SShA v otnoshenii Taivanya? // Rossiya i Amerika v XXI veke. Spetsvyпуск. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760023892-8-1/> (дата обращения 05.04.2023).

4. Guseletov B.P. Otnosheniya mezhdru ES i KNR na fone pandemii koronavirusa // Evropeiskii soyuz: Fakty i kommentarii (Elektronnoe izdanie). Moskva, mart-mai 2020. № 100. S. 143-149.

5. Guseletov B.P. Vliyanie torgovoi voyny mezhdru SShA i Kitaem na Evropeiskii soyuz // Nauchnyi zhurnal Vestnik RGGU. Seriya «Evraziiskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya». №3. S. 10-18.

6. Import i eksport Kitaya. Tadviser. 01.17.2023. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ya:Import_i_eksport_Kitaya (data obrashcheniya 05.04.2023).

7. Mel'nikova Yu. Mnogopolyarnost' po-kitaiski. RSMD. 20.02.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/mnogopolyarnost-po-kitayski/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

8. Peskov prokomentiroval plan KNR po uregulirovaniyu konflikta na Ukraine. Izvestiya. 28.02.2023. URL: <https://iz.ru/1476188/2023-02-28/peskov-prokomentiroval-plan-knr-po-uregulirovaniyu-konflikta-na-ukraine> (data obrashcheniya 05.04.2023).

9. China: 38th Human Rights Dialogue with the European Union takes place in Brussels. The Diplomatic Service of the European Union. 17.02.2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/china-38th-human-rights-dialogue-european-union-takes-place-brussels_en (data obrashcheniya 05.04.2023).

10. Cooban A. Huge trade partner and 'systemic rival.' Europe has a China problem. CNN Business. 30.11.2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/11/30/economy/europe-china-trade-tension/index.html> (data obrashcheniya 05.04.2023).

11. Cooperate, compete and confront China. EPPgroup. 09.03.2021. URL: <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/cooperate-compete-and-confront-china> (data obrashcheniya 05.04.2023).

12. Dadush U., Gao T. and Dominguez-Jimenez M. The state of China-European Union economic relations. Brugel working paper. 20.11.2019. URL: <https://www.bruegel.org/working-paper/state-china-european-union-economic-relations> (data obrashcheniya 05.04.2023).

13. Estonia, Latvia withdrawing from China's 16+1 cooperation format. ERR. 11.08.2022. URL: <https://news.err.ee/1608682231/estonia-latvia-withdrawing-from-china-s-16-1-cooperation-format> (data obrashcheniya 05.04.2023).

14. EU-China Relations factsheet. EEAS. 20.04.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-china-relations-factsheet_en (data obrashcheniya 05.04.2023).

15. EU fights foreign interference Russia and China. S&Dgroup. 09.03.2022. <https://www.socialistsanddemocrats.eu/channel/eu-fights-foreign-interference-russia-and-china> (data obrashcheniya 05.04.2023).

16. EU's WTO lawsuit against China SD's call further strengthening EU's trade defences and reform. S&Dgroup. 27.01.2022. URL: <https://www.socialistsanddemocrats.eu/newsroom/eus-wto-lawsuit-against-china-sds-call-further-strengthening-eus-trade-defences-and-reform> (data obrashcheniya 05.04.2023).

17. Feng Z. China-EU Relations Expected to Stabilize. China-CCE Institute. China Watch Vol. 3, №3. January 2023. URL: <https://china-cee.eu/2023/01/18/china-eu-relations-expected-to-stabilize/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

18. Fianza: All-electric philosophy may be making us more dependent on China. ECRgroup. 19.10.2022. URL: https://ecrgroup.eu/article/fianza_all_electric_philosophy_may_be_making_us_more_dependent_on_china (data obrashcheniya 05.04.2023).

19. Gan N., McCarthy S. China calls for Russia-Ukraine ceasefire as claims to neutrality questioned. CNN. 24.02.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/02/23/china/china-position-political-settlement-ukraine-intl-hnk/index.html> (data obrashcheniya 05.04.2023).

20. Goujon R., Dudley L., Kleinhans J.-P., Kratz A. Freeze-in-Place: The Impact of US Tech Controls on China. Rhodium Group. 21.10.2022. URL: <https://rhg.com/research/freeze-in-place/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

21. Hanemann T., Witzke M., Yu Y. Cutting Through the Fog: FDI in China Since COVID-19. Rhodium Group. 13.12.2022. URL: <https://rhg.com/research/cutting-through-the-fog/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

22. Lau S. Von der Leyen warns Xi not to arm Russia with Chinese weapons. 06.04.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-warn-xi-jinping-not-arm-russia-chinese-weapons-china/> (data obrashcheniya: 05.04.2023)

23. Lau S. EU top diplomat says China will cross 'red line' if it sends arms to Russia. Politico. 20.02.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/eu-diplomat-josep-borrel-china-russia-ukraine-war/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

24. Lau S., Mon der Burcharf H., Bayer L. China talks 'peace,' woos Europe and trashes Biden in Munich. Politico. 18.02.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/china-wang-yi-peace-europe-joe-biden-munich-security-conference/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

25. Lau S. What happens to Europe when the balloon goes up? Politico. 06.02.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/china-us-spy-balloon-europe-ties-fragile/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

26. Lau S., Moens B. China's trade attack on Lithuania exposes EU's powerlessness. Politico. 16.12.2021. URL: <https://www.politico.eu/article/china-trade-attack-on-lithuania-exposes-eu-powerlessness/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

27. Lithuania mulls leaving China's 17+1 forum, expanding links with Taiwan. Lithuanian National Radio and Television. 02.03.2021. URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1356107/lithuania-mulls-leaving-china-s-17plus1-forum-expanding-links-with-taiwan> (data obrashcheniya 05.04.2023).

28. MEPs refuse any agreement with China whilst sanctions are in place. European Parliament. 20.05.2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210517IPR04123/meps-refuse-any-agreement-with-china-whilst-sanctions-are-in-place> (data obrashcheniya 05.04.2023).

29. New strategy EU-China. RenewEuropegroup. 27.09.2021. URL: <https://www.reneweuropegroup.eu/events/2021-09-20/a-new-eu-china-strategy> (data obrashcheniya 05.04.2023).

30. Pantucci R., Petersen A. Sinostan: China's Inadvertent Empire. Oxford University Press. 336 p.

31. Remarks by President Charles Michel following the meeting with Chinese President Xi Jinping. 01.12.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/12/01/remarks-by-president-charles-michel-following-his-visit-to-china/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

32. Rinke A., Murray M. Germany blocks Chinese stake in two chip-makers over security concerns. Reuters. 10.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/deals/germany-block-chinese-takeover-semiconductor-firm-ers-electronic-handelsblatt-2022-11-09/> (data obrashcheniya 05.04.2023).

33. Szunomár Á. Cooperation between China and Central and Eastern Europe: Promising Start, Doubtful Outlook, China-US Focus, 06.12.2017. URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/cooperation-between-china-and-central-and-eastern-europe-promising-start-doubtful-outlook> (data obrashcheniya 05.04.2023).

**И.В. Юрченко,
П.П. Зети-Катич,
О.А. Завьялова**

**I. Yurchenko,
P. Zeti-Katic,
O. Zavyalova**

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-
ОТВЕТСТВЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КОНФЛИКТОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
И РЕСПУБЛИКИ
АДЫГЕЯ) ***

**THE PROBLEM OF
SOCIALLY RESPONSIBLE
POLITICAL BEHAVIOR OF
YOUTH IN CONDITIONS
OF MODERN POLITICAL
CONFLICTS (BASED ON
THE MATERIALS OF THE
KRASNODAR TERRITORY
AND THE REPUBLIC OF
ADYGEA)**

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельностного концептуального подхода к исследованию проблемы социально-ответственного поведения молодежи в условиях современных политических конфликтов и кризисов. Региональные рамки определены в соответствии с актуализацией территориальной специфики субъектов Федерации в контексте геополитической значимости Краснодарского края и Республики Адыгея как полиэтничных сообществ, имеющих стратегическое значение для Южных границ Российской Федерации. В работе обосновывается идея о том, что исследование социально-ответственного политического поведения молодежи во многом связано с изучением ценностных ориентаций и понимания значения чувства патриотизма. Все эти концепты анализируются в контексте повышения социальной напряженности, роста конфликтности и ценностной поляризации в политико-информационном пространстве на глобальном уровне.

Abstract

The article deals with some aspects of the activity-based conceptual approach to the study of the problem of socially responsible behavior of young people in the context of modern political conflicts and crises. The regional framework is determined in accordance with the actualization of the territorial specifics of the subjects of the Federation in the context of the geopolitical significance of the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea as multi-ethnic communities of strategic importance for the southern borders of the Russian Federation. The paper substantiates the idea that the study of the socially responsible political behavior of young people is largely associated with the study of value orientations and understanding the meaning of the feeling of patriotism. All these concepts are analyzed in the context of increasing social tension, the growth of conflict and value polarization in the political and information space at the global level.

Ключевые слова:

политические конфликты, Юг России, молодежь, социально-ответственное поведение, ценностные ориентации, патриотизм, деятельностный подход.

Key words:

political conflicts, South of Russia, youth, socially responsible behavior, value orientations, patriotism, activity approach.

* Статья подготовлена в рамках Государственного задания ФИЦ ЮНЦ РАН № гос. регистрации 122020100306-9 «Конфликтологический анализ проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России в третьем десятилетии XXI века».

Основные тренды современной мировой политики с опорой на силовой компонент и происходящий распад старого мирового порядка в результате крупномасштабных геополитических трансформаций и резкого роста уровня конфликтности между центрами силы создают принципиально новые условия, к которым приходится адаптироваться молодому поколению нашей страны. Изучение состояния и тенденций развития человеческого потенциала на Юге России (Краснодарский край и Республика Адыгея), определение факторов интеграции и повышения социальной ответственности молодежи в контексте новых геополитических вызовов – актуальная теоретическая и практическая проблема политической науки. В процессе разрушения сложившихся в XX веке международных политико-экономических институтов, вызванного санкционной (по отношению к России и ряду других стран) политикой коллективного Запада, происходит ускоренная деформация и распад всей институциональной архитектуры международных отношений.

Основная проблема политического поведения молодежи в современном обществе – это непонимание или недостаточное понимание значимости социальной ответственности за свои поступки, свои высказывания и свои действия. Что же необходимо понимать под самим концептом «социально-ответственного поведения» в широком смысле слова, имея в виду участие молодежи в экономических, трудовых, социокультурных отношениях и в целом в повседневном общении с окружающими, знакомыми и незнакомыми людьми. Прежде всего, это знание и понимание всех требований, которые предъявляются к человеку тем коллективом, в котором он учится или работает, а также, главное, – это ответственность человека, как гражданина, перед обществом и государством. Кроме знания и понимания требований законов, необходимы и соответствующие действия, а во многих случаях и инициатива, умение взять дополнительную ответственность на себя в соответствии с интересами своей страны и своего народа. Хорошо известно, что в людях, их взглядах и поведенческих установках есть как коллективистские, так и индивидуалистические проявления. Социально признаваемые принципы, обеспечивающие согласие

в обществе и в социальных группах по основным проблемам взаимодействия, наличие общих представлений о целях, о желательном и наилучшем типе развития являются политические ценности. Политические ценности непосредственно влияют на политическое поведение и выбор его моделей. В современном информационном обществе на политическое поведение молодежи особое влияние оказывают особенности транслирования политических ценностей в различных молодежных сообществах. Так, масштабное эмпирическое исследование с целью определения политических ценностей молодежи, которые транслируются в социальных сетях, на основе использования методов ивент-анализа, кейс-стади и контент-анализа, описано в работе А.В. Соколова и С.В. Мироновой «Особенности транслирования политических ценностей в молодежных сообществах социальной сети «ВКонтакте» [1]. Анализ типов патриотического поведения молодых граждан проводят О.В. Гордякова и А.Н. Лебедев [2]. Проблемы вовлеченности молодежи в конструктивные социально-политические практики рассматриваются в работах И.В. Самаркиной, И.В. Мирошниченко, О.А. Бориско [3] и др., которые на основе теоретического анализа описывают концептуальную модель субъективного пространства молодежной политики, определяют структуру и механизмы взаимодействия институциональных практик и неинституциональных аспектов современной молодежной политики. По результатам эмпирического исследования молодежи Краснодарского края авторы смогли описать семантический профиль российской государственной молодежной политики. В частности, они зафиксировали некоторое отчуждение молодежи от ряда реальных направлений молодежной политики, что приводит к оторванности интересов и потребностей молодежи от декларируемых социальных проблем. Авторами был сделан вывод о том, что возможности вовлечения молодых людей в решение практических социальных задач обусловлены социальным проектированием, в особенности реализация проектов территориального развития. Социально-ответственное политическое поведение молодежи особенно ярко проявляется в специфике организационных форматов, реализующих возможности самоуправления и творческого отношения к работе. Об общественных объединениях российской молодежи и их роли в современных политических процессах, особенно на региональном уровне размышляет А.Д. Пилипенко [4]. Влияние цифровизации, с одной стороны, и усиление информационного противоборства – с другой, показывают важность соотнесения аксиологических и бихевиористских аспектов исследования демографических факторов сферы политики в условиях резкого роста конфликтности. Исходя из того, что для изуче-

ния социально-ответственного политического поведения молодежи в условиях новой информационной эпохи и непредсказуемой глобальной турбулентности необходимо особое внимание уделить ценностно-поведенческим и дискурсивным практикам молодежной активности, мы обозначили региональные рамки данного исследования территорией со сложной этноконфессиональной структурой населения: Юг России и, в частности, Краснодарский край и Республика Адыгея. В обилии глубинных трансформаций геополитического пространства и происходящих тектонических процессов, меняющих мировой порядок, молодежи достаточно трудно определиться с собственными установками и встроиться в политическую реальность. Но осознание необходимости приобщения к политическим ценностям своей страны, своего региона, позволяет ориентироваться в постоянно изменяющейся политической ситуации. Поэтому тематика исследования социально-ответственного политического поведения молодежи во многом связана с изучением ценностных ориентаций и понимания значения чувства патриотизма, а также типов патриотического поведения молодых граждан. Особую актуальность представляет исследование регионального уровня перечисленных проблем, в связи с тем, что современные политические конфликты сконцентрированы в региональном измерении. За основу изучения проблем социально-ответственного политического поведения молодежи в условиях современных политических конфликтов, политических процессов в Южном Федеральном округе были взяты Краснодарский край и Республика Адыгея, с акцентом на студенчество конкретного вуза, крупнейшего в регионе – Кубанского государственного университета.

Для Краснодарского края, как приграничного региона Российской Федерации, имеющего важное геополитическое значение (Азово-Черноморское побережье, находящееся в эпицентре конфликта), а также Республики Адыгея с её географическим расположением внутри Краснодарского края и национально-культурными особенностями, отражающими сложносоставной этноконфессиональный характер населения. Все вышеперечисленное имеет особое значение, как для регионального социально-экономического и политического развития, так и национальной безопасности страны в целом. Также необходимо учесть традиционно высокую привлекательность Краснодарского края для внутренних мигрантов и трудовой миграции из сопредельных республик. Обратимся к статистике, 1 декабря 2021 года население Краснодарского края составляло 7 миллионов 130 тыс. человек, согласно первичным данным Всероссийской пере-

писи населения-2021 [5]. А по итогам переписи 2010 года в крае проживало 5 миллионов 226 тысяч человек [6], или на 27% меньше.

Для исследования проблемы социально-ответственного политического поведения молодежи в условиях современных политических конфликтов необходимо рассмотреть сущность политических ценностей, которая состоит в том, что они определяют образную картину мира и ее эмоциональную составляющую. Политическая система является весьма подвижной и представляет собой результат интериоризации политической сферы как части общественной как в сознании отдельного индивида, так и в коллективном, также. Интериоризация представляет собой формирование внутренних структурных элементов психики человека с помощью приобретения опыта социальной деятельности. Политическая картина мира является составляющей политического сознания индивида, которая отражает актуальные образы политических субъектов, поведенческие модели, а также те ценности, которые представляют особую значимость и актуальность [7].

Система политических ценностей производится различными политическими институтами, такими как государство, президент, политические партии и др. Стоит отметить, что важную роль при изучении восприятия массовым сознанием продуцируемых политических ценностей, является способ их транслирования и то, с помощью каких средств они распространяются. Современные тенденции таковы, что на сегодняшний день весьма значимую роль играют массовые коммуникации, посредством которых происходит артикуляция и тиражирование политических ценностей в сети Интернет. Современным политическим акторам весьма важно уметь не только пользоваться, но и грамотно использовать данные сетевые ресурсы [8]. Внедрение информационно-телекоммуникационных технологий повлияло на все сферы общественной жизни, особенно на политическую. По результатам исследования международного союза электросвязи за 2017 год число индивидуальных пользователей Интернета достигло 48% от всего населения Земли, а в развитых странах это значение достигает 82% [9]. К настоящему времени эти показатели продолжали расти. Но кроме социальных сетей молодежь проявляет себя и в реальных инициативах, например, таких организаций как Ресурсный центр добровольчества Краснодарского края, созданный в 2020 году на базе государственного казенного учреждения Краснодарского края «Центр молодежных инициатив», который входит в состав организации «Ассоциация волонтерских центров» [10].

В контексте рассмотрения данной тематики необходимо обратиться к реализации индивидуальных научно-исследовательских проектов, которые по своей личной инициативе проводят студенты. Фактически подтверждается вывод о том, что социальные сети сегодня являются новым механизмом консолидации и сплочения индивидов в группы. Данный механизм реализуется через сетевую и реальную идентичность, так как объединяясь в группы, руководствуясь при этом исключительно личными мотивами и интересами и вступая в коммуникацию с другими пользователями, у людей формируется и усиливается определенная идентичность [11]. Но кроме социально-сетевых форматов, молодежь Кубани проявляет активность и в реальных практиках волонтерского движения, работы ресурсного центра добровольчества Краснодарского края, студенческого трудового движения, развития молодежной инфраструктуры, а также инициативы ресурсного центра Российского движения школьников и др. [12]. Культурно-патриотический час, в рамках акции «Всероссийский день заботы о памятниках истории и культуры» прошел в Краснодаре 17 апреля 2023 года [13]. На сайте Молодежного центра развития личности Краснодарского края дана формулировка понятия публичной молодежной политики, «которое означает, что молодежь будет выступать не объектом, на который направлена молодежная политика, а субъектом, самостоятельно определяющим содержание и приоритеты этой политики и участвующим в ее реализации. Субъектная позиция молодежи значительно повышает мотивацию общественного участия, актуализирует и стимулирует установки социально-преобразовательной активности молодежи» [14]. В Центре гражданского воспитания молодежи Кубани создана интернет-приемная, которая является дополнительным средством для обращения граждан, которые подлежат рассмотрению в порядке, установленном действующим Федеральным законом от 2006 года №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и Законом Краснодарского края от 28.06.2007 №1270-КЗ «дополнительных гарантиях реализации права граждан на обращение в Краснодарском крае» [15]. Интересными площадками для формирования социально-ответственного поведения молодежи в Краснодарском крае являются также «Центр публичной молодежной политики», «Школа молодого предпринимателя. Бизнес молодых» и др.

Для Республики Адыгея установлена позитивная динамика развития этнополитической ситуации в первой половине третьего десятилетия XXI века. Социально-политическая стабильность в республике поддерживается посредством тесного взаимодействия институтов власти, право-

охранительных органов и структур гражданского общества, в работе которых принимает активное участие и молодёжь региона.

В данном исследовании территория Краснодарского края и Республики Адыгея вслед за А.В. Барановым рассматривается как регион с общими историческими условиями межэтнических и межконфессиональных отношений [16, с. 42], а также находящимся в едином экономическом и социально-культурном пространстве [17]. Это обуславливает общность подходов в управлении регионами и направлений сотрудничества в политической, социально-экономической и культурной сфере, совместное решение вопросов укрепления межнационального согласия, реализации молодёжной политики.

Результаты проводимых эмпирических исследований этнополитической ситуации в Республике Адыгея и в Краснодарском крае в 2016-2019 гг. И.В. Юрченко, М.В. Донцовой, Н.Н. Юрченко свидетельствуют, что в развитии этнополитических отношений на Юге России наблюдается тенденция к формированию этнополитического согласия, роста гражданского самосознания и общероссийской идентичности [18, с. 97-104], что сохраняется за исследуемый период в 2022-2023 гг. Источниками анализа геополитических и внешнеполитических факторов динамики этнополитических процессов в Краснодарском крае и Республике Адыгея в 2022 году являются опубликованные материалы государственной статистики, выступления представителей органов государственной власти и общественных объединений, материалы СМИ и социальных сетей.

Учёными выделяется несколько факторов, которые несут в себе конфликтный потенциал. Они сходны и взаимосвязаны в Краснодарском крае и Республике Адыгея. Среди них: изменения этнического и конфессионального состава населения, миграционные процессы, неравенство уровня заработной платы и безработицы, состояние общественного мнения [16 с. 45].

Миграция и мобильность населения являются непосредственным отражением и внутривнутриполитической ситуации, и событий, происходящих на геополитической арене. В Республике Адыгея миграционный ресурс используется для регулирования состояния рынка труда, демографических процессов и управления миграционной ситуацией. На территории республики пересекаются различные миграционные потоки: межрегиональная миграция, миграция из стран СНГ, миграция из стран дальнего зарубежья. Основное направление миграции – межрегиональное. Так, по данным Министерства внутренних дел по Республике Адыгея, в 2022 году в республике на миграционный учет поставлено свыше 36 тыс. иностранных

граждан и лиц без гражданства. Снято с миграционного учета более 30 тыс. иностранных граждан. По фактам нарушений миграционного законодательства зарегистрировано 108 преступлений, что на 23,4% ниже по сравнению с 2021 годом. Выдворен за пределы Российской Федерации 71 иностранный гражданин, здесь отмечается значительный прирост по сравнению с 2021 годом. Отмечен рост числа преступлений, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства (на 6,8%) и снижение числа преступлений, совершенных в отношении них (на 2,7%). Вместе с тем, зафиксирован рост преступлений, совершёнными несовершеннолетними гражданами [19]. Это подтверждает важность проведения системной профилактической работы среди подрастающего поколения всеми структурами власти, образовательных учреждений с привлечением молодёжных объединений.

Новые геополитические, внешнеполитические и экономические вызовы также влияют на миграционную сферу, увеличивается число вынужденных мигрантов. Так, по состоянию на март 2023 года, Республика Адыгея приняла свыше 2,8 тыс. человек, которые были вынуждены покинуть Украину, а также Луганскую, Донецкую народные республики, Запорожскую и Херсонскую области [20]. Все прибывшие граждане получили установленные для данной категории лиц меры социальной поддержки, всестороннюю помощь по их адаптации, среди населения ведётся и профилактическая работа.

Поэтому вопрос сохранения достигнутой миграционной стабильности в Республике Адыгея в условиях напряженной международной обстановки в настоящее время требует особого внимания и находится под контролем органов государственной власти.

В целом по данным Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея, миграционная обстановка на территории Республики Адыгея остается стабильной, конфликтных ситуаций между представителями различных национальностей не возникало, фактов проявления ксенофобии со стороны принимающего общества, случаев этноконфессиональной напряженности на территории с компактным проживанием мигрантов не зафиксировано [21]. Такая же ситуация отражается и в материалах средств массовой информации [22].

По информации Управления по миграционным вопросам администрации Краснодарского края в муниципальных образованиях Краснодарского края межведомственными рабочими группами по профилактике правонарушений в сфере миграции реализуется механизм мониторинга соблюдения миграционного законодательства, направленный на выявление

ние фактов его нарушения и пресечение нелегальной трудовой деятельности иностранных граждан на территории Краснодарского края [23]. Для пресечения преступлений и правонарушений в сфере миграции, а также выявления иностранных граждан, незаконно пребывающих на территории Краснодарского края, проводится ряд мероприятий.

Краснодарский край и Республика Адыгея солидарно выступают с законопроектами об ужесточении миграционной политики [16, с. 44], актуальным является корректирование Концепции миграционной политики в стране с учётом новых реалий и вызовов. В частности, ужесточение миграционного контроля и ответственности иностранцев за нарушение правил пребывания в стране в современных условиях [21].

По данным Министерства внутренних дел по Республике Адыгея по итогам 2022 года Адыгея входит в десятку субъектов Российской Федерации с наибольшими темпами прироста числа выявленных лиц, совершивших преступления. Также наблюдается снижение числа зарегистрированных фактов преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, мошенничеств, разбойных нападений. Также Республика Адыгея занимает второе место среди регионов с наименьшим удельным весом преступлений, совершенных в общественных местах, и девятое место среди регионов с максимальными темпами снижения числа преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах [19].

Республика Адыгея принимает участие в восстановлении жизнедеятельности и решении первоочередных задач в подшефном Геническом районе Херсонской области [25]. Приоритетными направлениями работы является выполнение всех мероприятий по оказанию помощи участникам специальной военной операции и их семьям, организация благотворительных акций в рамках поддержки подшефного Генического района Херсонской области, а также предоставление мер социальной поддержки гражданам, прибывшим в экстренном порядке из Херсонской области в Республику Адыгея [26]. В этом задействованы государственные структуры, общественные, молодёжные организации, волонтёры и данная деятельность свидетельствует о высокой степени консолидации населения в поддержании проводимой политики.

К фактору риска эскалации напряжённости на межэтнической почве можно отнести проявления этнической нетерпимости по отношению к представителям других национальностей и приезжим в регион, а также критики действий властей в связи со специальной военной операцией на Украине, что в основном проявляется в комментариях в социальных сетях. В частности, такого рода комментарии можно встретить под многими

публикациями популярного паблика «Типичный Краснодар» в социальной сети «ВКонтакте» [27] и в Телеграм-канале «Типичный Краснодар» [28]. Также правоохранительными органами Краснодарского края и Республики Адыгея выявляются случаи размещения пользователями социальных сетей на своих страницах и в комментариях к другим публикациям призывов к враждебным действиям к группам лиц, которые выделены по политическому, идеологическому, национальному, религиозному и расовому признакам.

Вместе с тем, в связи с ЧП на Крымском мосту в октябре 2022 года, по состоянию на март 2023 года в Темрюкском районе Краснодарского края сохраняется «жёлтый» уровень террористической опасности [29]. Взаимодействуют антитеррористические комиссии Краснодарского края и Республики Адыгея по вопросам усиления антитеррористической защищенности объектов критической инфраструктуры [30]. В целом по состоянию на начало 2023 года на территории Краснодарского края и Республики Адыгея усилены меры безопасности, оперативные и спасательные службы работают в режиме повышенной готовности, усилен контроль за соблюдением миграционного законодательства, но этнополитическая ситуация и обстановка регионов стабильная, жизнедеятельность сохраняется на привычном уровне.

Можно сделать вывод, что этнополитические процессы в Краснодарском крае и Республике Адыгея в анализируемом периоде находятся под воздействием обострения российско-украинских отношений. Текущая ситуация явилась как консолидирующим фактором в межэтнических отношениях, так и фактором риска эскалации напряжённости, что особенно проявляется в медиaprостранстве социальных сетей. Однако, уровень безопасности и порядка находится на должном уровне и в регионах отмечается устойчивое развитие по ряду показателей.

Для оценки социально-политических позиций и установок представителей студенческой молодежи был проведен пилотажный опрос по теме: «Ценностные ориентации студенческой молодежи в политико-информационном пространстве (на материалах Кубанского государственного университета)». В пилотажном исследовании приняло участие 107 респондентов, которые являются студентами Кубанского государственного университета (в основном социально-гуманитарных направлений подготовки). Была использована google-форма для проведения анкетного опроса. 67,3% представительницы женского пола, и 32,7% – представители мужского пола. Приведем некоторые результаты, пилотажного анкетного опроса:

Рисунок 1 – Какое место в вашей жизни занимает политика?

Одна из тенденций, которая была выявлена в ходе анализа результатов анкетного опроса – одинаковое количество респондентов (по 15%) при выборе ответа на данный вопрос отметили, что они крайне редко интересуются и смотрят политические программы и новости, либо вообще не проявляют интереса к политике (рис. 1). Таким образом, можно говорить о том, что у студенческой молодежи социально-гуманитарных направлений подготовки преобладает высокий интерес к политической сфере, а также к тем событиям, явлениям и процессам, которые в ней происходят. В то же время, примерно для трети опрошенных респондентов политика не занимает важное место в их жизни, и они не проявляют интереса к политическим новостям, событиям, процессам и явлениям.

Для выявления возможности участия в деятельности политических партий (одной из возможных и наиболее популярных форм политического участия) респондентам был задан вопрос: «Хотели бы вы стать членом какой-либо политической партии или молодежной организации?». Нами были получены следующие результаты:

- большая часть опрашиваемых респондентов не хочет в такой форме принимать участие в политической деятельности, т.е. не стремится к членству в политической партии или молодежной организации (49,5%);
- среди опрашиваемых респондентов около 30% – это те, кто стремится к членству в политической партии или молодежной организации;

– менее 10% респондентов ответили, что уже являются членами политических партий или каких-либо общественных организаций и движений. Таким образом, стоит отметить, что среди молодежи существует тенденция пассивного политического участия в современном российском обществе (рис. 2).

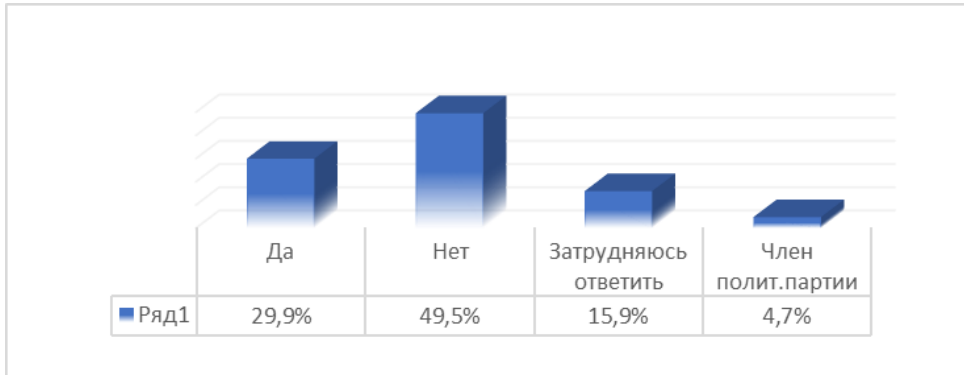

Рисунок 2 – Хотели бы вы стать членом политической партии или молодёжной организации

Для выявления ценностных ориентаций опрашиваемых студентов нам было важно выявить их отношение к существующим ценностям, распространенные в современном российском обществе. Большая часть респондентов (62,4%) разделяет и одобряет сегодняшние ценности российского государства. Однако примерно 10% респондентов убеждены в том, что на сегодняшний день в Российской Федерации ценности идеологически не оформлены или они отсутствуют.

Рисунок 3 – Выберите ценности, которые, на ваш взгляд, являются ключевыми для российского государства

По мнению респондентов, ключевыми для российского государства являются: «державность» – 33,6% и патриотизм 62,6%. Можно предположить, что выбор респондентов данной ценности в качестве ключевой для российского государства свидетельствует о консервативной направленности их восприятия российских политических ценностей. Другими популярными вариантами стали «справедливость» (50,5%), а также «патриотизм» (45,8%). Самым непопулярным стал вариант «ориентация на западные ценности» (8,4%). Данный факт свидетельствует о том, что в восприятии респондентов существует разграничение между российскими ценностями и западными. И при этом западные ценности не характерны для современного российского государства и его политической системы (Рис. 3), с точки зрения студентов КубГУ, которые приняли участие в опросе.

Таким образом, политические ценности являются обобщенным комплексом идей и убеждений, отражающим проблему социально-ответственного политического поведения молодежи в условиях современных конфликтных политических процессов на Юге России. Представители молодого поколения имеют свои взгляды о совершенствовании отношений в сфере политической деятельности, которые являются для них некоторыми ориентирами для различных политических оценок, а также структурными компонентами политического сознания и поведения. В современности

менном российском обществе существует единая система групповых политических ценностей. Потребность в безопасности (личной, экономической, политической), которая отражается в ценностях безопасности», или в материалистических ценностях, является характерной для всех поколений российского общества. Этот вывод представляет особую ценность, так как, с одной стороны, это свидетельствует о наличии в нашем государстве глубинных кризисных явлений и процессов экономического и социально-политического характера, а с другой – определяет ценностный контент российского этико-культурного поля.

Учитывая несформированное политическое сознание, а также тот факт, что в силу своей юности и отсутствия должного опыта (политического участия, действий, выбора и т.д.), молодежь представляет собой ту демографическую группу, которая склонна менять вектор своего развития и свою приверженность политическим ценностям. На процесс формирования политических ценностей у представителей современной молодежи влияют различные моменты, например, глобализация, урбанизация, информатизация, современные технологии и всеобщая популяризация сети интернет.

Существуют различные понимания того, что же выступает проблемой формирования социально-ответственного политического поведения молодежи в условиях современных политических конфликтов. Одним из причин являются отдаленные последствия развала Советского Союза и наступившее в обществе на достаточно длительный период времени состояние аномии. В качестве другой причины следует выделить влияние враждебно настроенных против России СМИ и современных онлайн-технологий, которые используются в информационной войне, в условиях кризисного состояния международных отношений и глобальной турбулентности.

Литература

1. Соколов А.В., Миронова С.В. Особенности транслирования политических ценностей в молодежных сообществах социальной сети «ВКонтакте» // PolitBook. 2023. №1. С. 6-45.
2. Гордякова О.В., Лебедев А.Н. Личность в системе маркетинговых коммуникаций. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 303 с.
3. Самаркина И.В., Мирошниченко И.В., Бориско О.А. Субъективное пространство молодежной политики: теоретическая модель и региональная

проекция (на примере Краснодарского края) // Полис. Политические исследования. 2022. №5. С. 99-116.

4. Пилипенко А.Д. Молодежные общественные объединения в социально-политических процессах современной России: на примере Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. №1. С. 172–185.

5. Юркова А. Население Краснодарского края выросло до 7,1 млн человек // Российская газета: электронная версия. 01.12.2021. URL: <https://rg.ru/2021/12/01/reg-ufo/naselenie-krasnodarskogo-kraia-vyroslo-do-71-mln-chelovek.html> (дата обращения 30.12.2022).

6. Всероссийская перепись населения 2010 // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. URL: <https://krsdstat.gks.ru/vpn2010?print=1> (дата обращения 30.12.2022).

7. Селезнёва А.В. Методология исследования политических представлений и ценностей // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2011. №2. С. 43–57.

8. Володенков С.В. Информационно-технологическое проектирование политических ценностей в российском сегменте интернет-пространства: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. №5. С. 113–126.

9. Николаенко Г.А., Федорова А.А. Нереактивная стратегия: применимость незаметных методов сбора социологической информации в условиях WEB 2.0 на примере цифровой этнографии и Big Data // Социология власти. 2017. №4. С. 36–54.

10. Ассоциация волонтерских центров. URL: <https://dobro.ru/organizations/7/info> (дата обращения 18.04.2023)

11. Фадеева Л.А. Сетевая идентичность // Идентичность как категория политической науки. Москва, 2012.

12. Ресурсный центр добровольчества Краснодарского края. URL: <https://dobro.ru/organizations/7/info> (дата обращения 18.04.2023).

13. Волонтеры Кубани. URL: <https://dobro.ru/organizations/10002127/info> (дата обращения 18.01.2023).

14. Молодежный центр развития личности. Публичная молодёжная политика. URL: <https://мол-центр.рф/> (дата обращения 18.03.2023).

15. Центр гражданского воспитания молодежи Кубани // <https://patriotkuban.ru/> (дата обращения 18.03.2023).

16. Баранов А.В. Картографирование факторов риска этнических конфликтов (по материалам Краснодарского края и Республики Адыгея) // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Том 5(15). Вып. 3. С. 41-50.

17. Мурат Кумпилов и Вениамин Кондратьев обсудили сотрудничество Адыгеи и Кубани // Российская газета. – 2022. – 15 сентября. URL: <https://rg.ru/2022/09/15/reg-ufo/murat-kumpilov-i-veniamin-kondratev-obsudili-sotrudnichestvo-adygei-i-kubani.html> (дата обращения 17.10.2022).

18. Юрченко И.В., Юрченко Н.Н., Донцова М.В. Развитие этнополитических отношений на Юге России (на материалах Краснодарского края и Республики Адыгея) // Вестник Брянского государственного университета. 2019. №3. С. 97-104.

19. Адыгея по-прежнему в десятке наиболее благоприятных регионов страны и занимает лидирующие позиции в рейтингах ЮФО по важным показателям безопасности // Государственный Совет-Хасэ Республики Адыгея. URL: https://www.gshra.ru/adygeya-po-prezhnemu-v-desyatke-naibolee-blagopriyatnyh-regionov-strany-i-zanimaet-lidiruyuschie-pozitsii-v-reytingah-yufo-po-vazhnym-pokazatelyam-bezopasnosti_29-03-2023.html (дата обращения 16.04.2023).

20. Глава Адыгеи провёл заседание антитеррористической комиссии в Республике Адыгея // Официальный Интернет-сайт исполнительных органов государственной власти Республики Адыгея. URL: <http://www.adygheya.ru/about/news/glava-adygei-provyel-zasedanie-antiterroristicheskoy-komissii-v-respublike-adygeya/> (дата обращения 18.04.2023).

21. О миграционной ситуации в Республике Адыгея за январь-август 2022 года // Аналитические материалы Государственного Совета-Хасэ Республики Адыгея. URL: <https://gshra.ru/socially/o-migratsionnoy-situatsii-v-respublike-adygeya-za-yanvar--avgust-2022-goda.html> (дата обращения 10.11.2022).

22. Зети-Катич П.П. Тенденции социально-политического развития и динамика этнополитических процессов в Республике Адыгея в 2022 г. // Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России: материалы

Междунар. науч. форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2023. С. 268-272.

23. Прогноз социально-экономического развития Краснодарского края на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов // Официальный сайт администрации Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1137/show/661900/> (дата обращения 20.11.2022).

24. Информация о принятых решениях краевой координационной комиссии по профилактике правонарушений от 7 апреля, 28 июля 2022 года // Официальный сайт администрации Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1149/show/667696/> (дата обращения 20.11.2022).

25. За нами – правда, за нами – Россия! // Аналитические материалы Государственного Совета-Хасэ Республики Адыгея. URL: <https://gshra.ru/socially/za-nami--pravda-za-nami--rossiya.html> (дата обращения 02.11.2022).

26. Глава Адыгеи: «В приоритете - поддержка участников СВО и переселенцев» // Официальный интернет-сайт исполнительных органов государственной власти Республики Адыгея. URL: <http://www.adygheya.ru/press-room/news/glava-adygei-v-prioritete-podderzhka-uchastnikov-svo-i-pereselentsev/> (дата обращения 26.11.2022).

27. Типичный Краснодар // «ВКонтакте». URL: https://vk.com/typical_krd (дата обращения 24.11.2022).

28. Типичный Краснодар // Телеграмм. URL: https://t.me/krd_tipich_ru (дата обращения 24.11.2022).

29. В Темрюкском районе бессрочно установили «желтый» уровень террористической опасности // Официальный сайт муниципального образования Темрюкский район. URL: <https://www.temryuk.ru/presscenter/news/v-temryukskom-rayone-bessrochno-ustanovili-zheltyy-uroven-terroristicheskoy-opasnosti/> (дата обращения 18.04.2022).

30. В Майкопе прошла рабочая встреча представителей антитеррористических комиссий Краснодарского края и Республики Адыгеи Официальный сайт администрации Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1323/show/666488/> (дата обращения 30.11.2022).

References

1. Sokolov A.V., Mironova S.V. Osobennosti translirovaniya politicheskikh tsennostei v molodezhnykh soobshchestvakh sotsial'noi seti «VKontakte» // PolitBook. 2023. №1. S. 6-45.
2. Gordyakova O.V., Lebedev A.N. Lichnost' v sisteme marketingovykh kommunikatsii. Moskva: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2015. 303 s.
3. Samarkina I.V., Miroshnichenko I.V., Borisko O.A. Sub"ektivnoe prostranstvo molodezhnoi politiki: teoreticheskaya model' i regional'naya proektsiya (na primere Krasnodarskogo kraia) // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. №5. S. 99-116.
4. Pilipenko A.D. Molodezhnye obshchestvennye ob"edineniya v sotsial'no-politicheskikh protsessakh sovremennoi Rossii: na primere Krasnodarskogo kraia // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. 2021. T. 23. № 1. S. 172–185.
5. Yurkova A. Naselenie Krasnodarskogo kraia vyroslo do 7,1 mln chelovek // Rossiiskaya gazeta: elektronnyaya versiya. 01.12.2021. URL: <https://rg.ru/2021/12/01/reg-ufo/naselenie-krasnodarskogo-kraia-vyroslo-do-71-mln-chelovek.html> (data obrashcheniya 30.12.2021).
6. Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 // Upravlenie Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Krasnodarskomu kraiu i Respublike Adygeya. URL: <https://krsdstat.gks.ru/vpn2010?print=1> (data obrashcheniya 30.12.2021).
7. Selezneva A.V. Metodologiya issledovaniya politicheskikh predstavlenii i tsennostei // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2011. №2. S. 43–57.
8. Volodenkov S.V. Informatsionno-tehnologicheskoe proektirovanie politicheskikh tsennostei v rossiiskom segmente internet-prostranstva: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2014. №5. S. 113–126.
9. Nikolaenko G.A., Fedorova A.A. Nereaktivnaya strategiya: primenimost' nezametnykh metodov sbora sotsiologicheskoi informatsii v usloviyakh WEB 2.0 na primere tsifrovoi etnografii i Big Data // Sotsiologiya vlasti. 2017. №4. S. 36–54.
10. Assotsiatsiya volonterskikh tsentrov // <https://dobro.ru/organizations/7/info> (data obrashcheniya 18.04.2023)
11. Fadeeva L.A. Setevaya identichnost' // Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki. Moskva, 2012.

12. Resursnyi tsentr dobrovol'chestva Krasnodarskogo kraja. URL: <https://dobro.ru/organizations/7/info> (data obrashcheniya 18.04.2023).
13. Volontery Kubani // <https://dobro.ru/organizations/10002127/info> (data obrashcheniya 18.01.2023).
14. Molodezhnyi tsentr razvitiya lichnosti. Publichnaya molodezhnaya politika. URL: <https://mol-tsentr.rf/> (data obrashcheniya 18.03.2023).
15. Tsentr grazhdanskogo vospitaniya molodezhi Kubani // <https://patriotkuban.ru/> (data obrashcheniya 18.03.2023).
16. Baranov A.V. Kartografirovaniye faktorov riska etnicheskikh konfliktov (po materialam Krasnodarskogo kraja i Respubliki Adygeya) // Geo-politika i ekogeodinamika regionov. 2019. Tom 5(15). Vyp. 3. S. 41-50.
17. Murat Kumpilov i Veniamin Kondrat'ev obsudili sotrudnichestvo Adygei i Kubani // Rossiiskaya gazeta. – 2022. – 15 sentyabrya. URL: <https://rg.ru/2022/09/15/reg-ufo/murat-kumpilov-i-veniamin-kondratev-obsudili-sotrudnichestvo-adygei-i-kubani.html> (data obrashcheniya 17.10.2022).
18. Yurchenko I.V., Yurchenko N.N., Dontsova M.V. Razvitie etnopoliticheskikh otnoshenii na Yuge Rossii (na materialakh Krasnodarskogo kraja i Respubliki Adygeya) // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. №3. S. 97-104.
19. Adygeya po-prezhnemu v desyatke naibolee blagopriyatnykh regionov strany i zanimaet lideruyushchie pozitsii v reitingakh YuFO po vazhnym pokazatelyam bezopasnosti // Gosudarstvennyi Sovet-Khase Respubliki Adygeya. URL: https://www.gshra.ru/adygeya-po-prezhnemu-v-desyatke-naibolee-blagopriyatnyh-regionov-strany-i-zanimaet-lidiruyushchie-pozitsii-v-reytingah-yufo-po-vazhnym-pokazatelyam-bezopasnosti_29-03-2023.html (data obrashcheniya 16.04.2023).
20. Glava Adygei provel zasedanie antiterroristicheskoi komissii v Respublike Adygeya // Ofitsial'nyi Internet-sait ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti Respubliki Adygeya. URL: <http://www.adygheya.ru/about/news/glava-adygei-provvel-zasedanie-antiterroristicheskoy-komissii-v-respublike-adygeya/> (data obrashcheniya 18.04.2023).
21. O migratsionnoi situatsii v Respublike Adygeya za yanvar'-avgust 2022 goda // Analiticheskie materialy Gosudarstvennogo Soveta-Khase Respubliki Adygeya. URL: <https://gshra.ru/socially/o-migratsionnoy-situatsii-v-respublike-adygeya-za-yanvar--avgust-2022-goda.html> (data obrashcheniya 10.11.2022).

22. Zeti-Katich P.P. Tendentsii sotsial'no-politicheskogo razvitiya i dinamika etnopoliticheskikh protsessov v Respublike Adygeya v 2022 g. // Fundamental'nye issledovaniya, innovatsionnye tekhnologii i peredovye razrabotki v interesakh dolgosrochnogo razvitiya Yuga Rossii: materialy Mezhdunar. nauch. foruma, posvyashchennogo 20-letiyu YuNTs RAN. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 2023. S. 268-272.

23. Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Krasnodarskogo kraya na 2023 god i na planovyi period 2024 i 2025 godov // Ofitsial'nyi sait administratsii Krasnodarskogo kraya. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1137/show/661900/> (data obrashcheniya 20.11.2022).

24. Informatsiya o prinyatykh resheniyakh kraevoi koordinatsionnoi komissii po profilaktike pravonarushenii ot 7 aprelya, 28 iyulya 2022 goda // Ofitsial'nyi sait administratsii Krasnodarskogo kraya. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1149/show/667696/> (data obrashcheniya 20.11.2022).

25. Za nami – pravda, za nami – Rossiya! // Analiticheskie materialy Gosudarstvennogo Soveta-Khase Respubliki Adygeya. URL: <https://gshra.ru/socially/za-nami--pravda-za-nami--rossiya.html> (data obrashcheniya 02.11.2022).

26. Glava Adygei: «V prioritete - podderzhka uchastnikov SVO i pereselentsev» // Ofitsial'nyi Internet-sait ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoi vlasti Respubliki Adygeya. URL: <http://www.adygheya.ru/press-room/news/glava-adygei-v-prioritete-podderzhka-uchastnikov-svo-i-pereselentsev/> (data obrashcheniya 26.11.2022).

27. Tipichnyi Krasnodar // VKontakte. URL: https://vk.com/typical_krd (data obrashcheniya 24.11.2022).

28. Tipichnyi Krasnodar // Telegramm. URL: https://t.me/krd_tipich_ru (data obrashcheniya 24.11.2022).

29. V Temryukskom raione bessrochno ustanovili «zheltyi» uroven' terroristicheskoi opasnosti // Ofitsial'nyi sait munitsipal'nogo obrazovaniya Temryukskii raion. URL: <https://www.temryuk.ru/presscenter/news/v-temryukskom-rayone-bessrochno-ustanovili-zheltyy-uroven-terroristicheskoy-opasnosti/> (data obrashcheniya 18.04.2022).

30. V Maikope proshla rabochaya vstrecha predstavitelei antiterroristicheskikh komissii Krasnodarskogo kraya i Respubliki Adygei Ofitsial'nyi sait administratsii Krasnodarskogo kraya. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/content/1323/show/666488/> (data obrashcheniya 30.11.2022).

**А.В. Кирка,
Е.П. Казбан,
Н.Н. Соколов**

**A. Kirka,
E. Kazban,
N. Sokolov**

**ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И
КОММУНИКАТИВНЫЕ
АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ**

**INFORMATION
TECHNOLOGY AND
COMMUNICATION
ASPECTS OF ENSURING
RUSSIA'S POLITICAL
SECURITY IN MODERN
CONDITIONS**

Аннотация

Статья посвящена оценке информационно-технологических и коммуникативных аспектов обеспечения политической безопасности России в современных условиях высокой геополитической напряженности. Начало специальной военной операции России на Украине, многократное усиление геополитической конфронтации российского государства с коллективным Западом актуализировали вопросы обеспечения информационной безопасности, защиты информационных ресурсов и инфраструктуры, борьбы с киберпреступностью и информационными угрозами, защиты от негативного информационного воздействия и формирования благоприятного имиджа государства, его институтов как на внутривнутриполитическом треке, так и на международной арене. В статье проведен ретроспективный анализ, а также структурная и содержательная классификация информационных атак, которым подвергалось российское информационное поле в последний год в рамках коммуникационного сервиса Telegram, как наиболее популярной информационной площадки, используемой для распространения политического контента в России. Рассмотрены ключевые специфические особенности организации

Abstract

The article is devoted to the assessment of information technology and communication aspects of ensuring Russia's political security in modern conditions of high geopolitical tension. The beginning of Russia's special military operation in Ukraine, the multiple intensification of the geopolitical confrontation between the Russian state and the collective West have actualized the issues of ensuring information security, protecting information resources and infrastructure, combating cybercrime and information threats, protecting against negative information impact and forming a favorable image of the state and its institutions both on the domestic political track and on the international arena. The article provides a retrospective analysis, as well as a structural and substantive classification of information attacks that the Russian information field has been subjected to in the last year as part of the Telegram communication service, as the most popular information platform used to distribute political content in Russia. The key specific features of the organization of the attacking communication work of the pro-Ukrainian forces, which were identified during the analysis, are considered. The main structural characteristics of information attacks from a substantive

атакующей коммуникационной работы проукраинских сил, которые были выявлены в ходе проведенного анализа. Детально раскрыты основные структурные характеристики информационных атак с содержательной точки зрения, проведена соответствующая концептуальная оценка, выявлен ряд дифференцированных с точки зрения реципиентов ключевых направлений, содержательно нацеленных на поражение России в информационном поле, ее маргинализацию, нарушение внутренней общественной консолидации. Представлена детальная структура целевых аудиторий, используемых для осуществления информационных атак, рассмотрены технологии использования антироссийских публикаций российских и белорусских оппозиционных деятелей, большинство из которых признаны иностранными агентами. Особое внимание в статье уделяется актуальной проблематике отсутствия единой идеологической концепции, прямо либо косвенно определяющей коммуникационную стратегию государства и его институтов, формальных и неформальных лидеров мнений, социальных групп и отдельных индивидов. Сформулирована актуальная проблематика информационно-технологических и коммуникативных аспектов обеспечения политической безопасности России.

Ключевые слова:

политическая безопасность, информационная безопасность, манипуляция общественным мнением, пропаганда, информационная война, социальные сети, социальные медиа.

point of view are disclosed in detail, an appropriate conceptual assessment is carried out, a number of key areas differentiated from the point of view of recipients are identified, meaningfully aimed at defeating Russia in the information field, its marginalization, and violation of internal social consolidation. The detailed structure of the target audiences used to carry out information attacks is presented, the technologies of using anti-Russian publications of Russian and Belarusian opposition figures, most of which are recognized as foreign agents, are considered. The article pays special attention to the actual problems of the absence of a single ideological concept that directly or indirectly determines the communication strategy of the state and its institutions, formal and informal opinion leaders, social groups and individuals. The actual problems of information technology and communication aspects of ensuring Russia's political security in modern conditions are formulated, the most sensitive areas of potential undermining of Russia's political stability are identified, and the author's assessment of the main prospects for the formation of an effective information security system of Russia is carried out.

Key words:

political security, information security, manipulation of public opinion, propaganda, information warfare, social networks, social media, social network communications.

На протяжении всей человеческой истории одной из острейших социально-значимых проблем было обеспечение безопасности государства, как высшей формы общественной организации. Государство, как политическая организация, обладающая суверенной властью над территорией и населением, осуществляющая контроль за производством, распределением и использованием ресурсов и обеспечивающая регулирование социально-экономических отношений внутри границ данной территории, а также имеющая монопольное право на применение легитимного принуждения по

своей природе неизбежно и безусловно ориентировано на поддержание максимально возможного уровня собственной безопасности. Его базовые институты – законодательство, органы власти и управления в первую очередь ориентированы на обеспечение государственной безопасности, определяя содержание и основные характеристики политического управления как в субстанциональном, так и реляционистском аспектах, соответствующим образом организуя политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общества на своей территории.

Понятие государственной безопасности охватывает широкий спектр проблем и задач, связанных с обеспечением суверенитета, территориальной целостности и конституционного правопорядка государства, среди которых с определенной степенью условности можно выделить следующие основные компоненты. Во-первых, это обеспечение политической стабильности и безопасности, в том числе контроль за социально-политической обстановкой внутри страны, борьба с экстремизмом, терроризмом, организованной преступностью и коррупцией. Во-вторых, обеспечение внешней безопасности, в том числе защита границ, защита граждан за рубежом, а также реализация соответствующей внешней политики и соблюдение норм международного права, не ущемляющих национальные интересы. В-третьих, это безусловно обеспечение военной безопасности, в том числе защита государственной территории, поддержка международной безопасности и контроль за вооруженными конфликтами. В-четвертых, нельзя не отметить важность обеспечения экономической безопасности, в том числе поддержание устойчивого экономического роста, защиту экономических интересов государства и сохранение устойчивости национальной экономики. Наконец, в-пятых, необходимо отметить обеспечение информационной безопасности, включающее защиту информационных ресурсов и инфраструктуры, борьбу с киберпреступностью и информационными угрозами, защиту от негативного информационного воздействия и формирование благоприятного имиджа государства, его институтов как на внутривнутриполитическом треке, так и на международной арене.

Сложность и многомерность государства, как общественного института, его политико-субъектная природа предопределяет взаимосвязь компонентов государственной безопасности между собой – угроза экономического либо информационного характера, ее потенциальный ущерб так или иначе формирует политическую угрозу и соответствующий потенциальный

ущерб. Политический ущерб в свою очередь выражается в нарушении устойчивого государственного управления, снижении авторитета всех уровней власти, приводящих в итоге к общей нестабильности в стране или отдельном ее регионе [13]. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим основные информационно технологические и коммуникативные аспекты обеспечения политической безопасности России в современных условиях.

По состоянию на 2022 год общая аудитория глобальной информационной сети интернет составляла 4,95 млрд человек, из которых активными пользователями социальных сетей являлись 4,65 млрд. Наиболее популярными социально-сетевыми платформами на глобальном уровне являются WhatsApp (15,7%), Instagram (14,8%), Facebook (14,5%) (принадлежат Meta, признанной в РФ экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ) [25]. Следует особо отметить мессенджер Telegram, который стал абсолютным лидером по приросту аудитории и, что гораздо важнее, социальной вовлеченности в 2022 году. Общемировая аудитория сервиса на конец 2022 года составляла более 700 млн человек. Российский сегмент аудитории мессенджера составляет более 50 млн человек, при этом значительный рост русскоязычной аудитории произошел после 24 февраля. За 2022 год увеличение среднего времени, проводимого пользователями в Telegram, составило в среднем около 300%. При этом в среднем на использование сервиса в качестве источника актуальной информации уходило не менее 33% активного времени работы приложения. Мужское население предпочитает получать актуальную информацию о политике и ходе специальной военной операции, а женщины ориентированы на новостные ленты и развлечения. Ядерная аудитория мессенджера – мужчины и женщины от 35 до 54 лет и аудитория старше 55 лет [15].

Столь значительная популярность Telegram связана с рядом технологических и социальных факторов. Во-первых, удобство: Telegram прост в использовании и имеет интуитивно понятный интерфейс, что делает его привлекательным для людей всех возрастов и уровней технической грамотности. Во-вторых, сервис поддерживает множество дополнительных функций, включая возможность создания групповых чатов, обмена файлами, использования голосовых сообщений, стикеров, ботов и прочие функции. Эти возможности делают Telegram удобным для широкого спектра задач и общения. В-третьих, высокий уровень конфиденциальности и безопасности. Здесь можно отметить эффективное управление персональными

данными, относительную анонимность, шифрование передаваемых данных и возможность установки самоуничтожающихся сообщений. В-четвертых, политика мессенджера отличается щепетильным отношением к свободе слова – большинство каналов и сообщений не цензурируется.

Безусловно, нельзя не упомянуть здесь ряд объективных причин столь значительного роста популярности сервиса, которые связаны с запретом в 2022 году функционирования некоторых популярных социально-сетевых платформ на территории Российской Федерации [22]. Ряд исследователей также связывает увеличение аудитории мессенджера с тем, что традиционные средства массовой информации после начала специальной военной операции на Украине не смогли наладить эффективное и исчерпывающее освещение происходящих событий, в отличие от Telegram, который предоставил удобную площадку для значительного количества новостных и политических каналов с актуальным контентом «с полей», поступающим круглосуточно в прямом режиме. Все это позволило Telegram занять прочные позиции в системе формирования информационной повестки в России [1].

Так или иначе сохраняется и лишь усиливается тенденция, при которой социальные сети продолжают увеличивать свою аудиторию и играть все более важную роль в повседневной жизни людей по всему миру. Как уже отмечалось нами ранее, активная работа в социально-сетевой среде является одним из решающих факторов успеха при решении самых разнообразных политических задач: аналитических исследований, формирования благоприятного имиджа политической организации или персоны, информационной поддержки принимаемых политических решений, связей с общественностью, политической рекламы, политического маркетинга, взаимодействия с традиционными и цифровыми средствами массовой информации, управления репутацией, решения политических конфликтов, а также, безусловно, в рамках используемых электоральных технологий [10].

В этой связи очевидно, что одним из наиболее актуальных вопросов современной политической действительности является обеспечение информационной безопасности государства, непосредственную роль в которой в настоящее время играет наличие либо отсутствие эффективного технологического, организационного и содержательного аппарата управления сетевыми программными и аппаратными технологиями, а также информационными потоками в современной социально-сетевой среде. Безусловно,

вопрос информационной безопасности приобрел особую актуальность для стран в условиях масштабных геополитических изменений. Понятие «информационной войны», которое можно определить, как коммуникативную технологию воздействия на массовое сознание с определенными целями [19] уже довольно прочно вошло в лексикон исследователей информационной безопасности государства. Следует отметить, что вопросам информационной безопасности государства в условиях информационной войны в технологическом контексте посвящено значительное число научных работ – методология построения технически защищенного информационного пространства хорошо изучена и реализуется на практике [3; 7]. Содержательный контекст информационной защиты государства, работа по концептуальному противодействию деструктивному политическому контенту не менее важна, а в какой-то степени приоритетнее.

С учетом вышесказанного, для изучения информационно-технологических и коммуникативных аспектов обеспечения политической безопасности России в современных условиях видится целесообразным провести ретроспективный анализ информационного поля социально-сетевой среды в рамках мессенджера Telegram, используя выборку тематических каналов с целью выявления сущностных и содержательных характеристик воздействия дискредитирующего характера на российское государство, государственные институты, отечественных формальных лидеров мнений в цифровом пространстве.

Мы уже подробно рассматривали основные направления глобальных изменений общественного дискурса в условиях современного информационного общества, серьезного влияния новых социально-сетевых коммуникационных технологий на все без исключения общественные процессы. В информационном поле ежедневно формируются новые коммуникационные каналы, а также коммуникаторы – качественно иные формальные и неформальные лидеры мнений, так называемые инфлюенсеры, определяющие информационную повестку для значительных людских масс. Государства все глубже погружаются в регулятивную практику в отношении современных цифровых платформ, пытаются выстроить некие границы виртуальной общественной жизни, что получается эффективно далеко не всегда. Устоявшиеся социальные авторитеты, обычаи и традиции становятся все более рудиментарными, архаичными, теряют свою социальную значимость. Идеологическое перепутье приводит общество к стремительной ак-

тивизации феномена симуляции реальной политической деятельности, селебритизации общественно политических деятелей и институтов [11].

Глобальная дифференциация коммуникаторов, свободное обращение информации, возможность бесконтрольно влиять на умы миллионной сетевой аудитории приводит к примечательному эффекту «медийной псевдо-экспертности»: в современной информационной действительности зачастую научная экспертиза, реальный профессиональный опыт все сильнее обесцениваются в угоду популярности неформальных лидеров мнений, управляющих вниманием масс. Ранее экспертиза субъектов определялась их знаниями и опытом, что позволяло им выступать перед общественностью и так или иначе аргументировать свои позиции. Теперь же инфлюенсеры разной степени популярности все чаще начинают принимать участие в управлении информационной повесткой в рамках обсуждения и поиска решений наиболее острых социальных проблем, усиливая число вовлеченных сторонников, а, следовательно, и свой мобилизационный потенциал. Здесь можно привести пример широко известной Греты Тунберг – молодой экологической активистки, которая за период своей медийной активности не сформулировала ни одной конструктивной идеи по борьбе с глобальным потеплением, но отличалась активной и довольно жесткой критикой глав мировых государств [21]. В то же время имя Бояна Слата – студента из Нидерландов мало известно широкой публике несмотря на то, что он изобрел инновационный сборщик мусора в мировом океане и действительно борется с загрязнением мирового океана [9]. Сам факт присвоения Грете Тунберг степени почетного доктора теологии в Хельсинском университете лишь подчеркивает обозначенную проблему – на лицо обесценивание самой системы научных исследований и изысканий [17].

При этом, рассматривая данную проблему в системе координат современного политического менеджмента следует отметить, что накопленный субъектом качественный социальный капитал в большинстве случаев может быть эффективно трансформирован в капитал политический – при условии корректной политико-технологической работы. Нельзя также забывать о том, что качество контента, генерируемого обозначенными неформальными лидерами, рекомендуемых ими решений в большинстве случаев по объективным причинам оставляет желать лучшего. Результат подобного эффекта проявляется в приходе к власти ряда западных стран слабо подготовленных популистов без опыта и экспертной команды, спо-

собной решать актуальные общественно-значимые задачи, принимать корректные политические решения либо субъектов, до конца не осознающих, чьи интересы они представляют в действительности и выполняющих функции «говорящих голов». Во многом благодаря этому мы можем наблюдать значительную радикализацию современной информационной повестки, невероятное расширение рамок «нормальности» в политическом диалоге, полное пренебрежение нормами дипломатического этикета, что можно было зафиксировать еще до событий 2014 года.

Конец февраля 2022 года ознаменовался, без сомнения, ярчайшим геополитическим событием последних десятилетий – началом специальной военной операции Российской Федерации. В настоящее время можно с полной уверенностью утверждать, что в отношении России, как суверенного государства, ведется масштабная гибридная война, целью которой является разрыв привычных внешнеполитических и внешнеэкономических связей, истощение ее ресурсной составляющей, разрушение национальной экономики, значительный рост социальной напряженности в том числе за счет применения технологий манипулирования общественным мнением, раскол политических элит и ослабление политической воли руководства страны. И, конечно, нельзя не согласиться с Л.Л. Грищенко, утверждающим, что «специальная военная операция существенно расширила и состав, и структуру угроз, которые в значительной степени влияют на обеспечение безопасности личности, общества, государства и всего человечества» [6, с. 125]. Более того, некоторые исследователи определяют происходящее в качестве ментальной войны [8].

Основные направления подрыва политической безопасности России в информационно-коммуникативном технологическом контексте со стороны глобальных геополитических оппонентов проявляются в цифровых атаках на критическую телекоммуникационную инфраструктуру, официальные информационные системы и ресурсы. Ряд исследователей относит к основным угрозам информационно-технологического характера, во-первых, разработку и применение информационного оружия; во-вторых, информационную преступность и, в частности, информационный терроризм; в-третьих, распространение информации, наносящей вред основным сферам деятельности государства; в-четвертых, создание монополий на формирование, получение и распространение информации с использованием информационно-телекоммуникационных систем [12].

Для начала отметим ключевые специфические особенности организации атакующей коммуникационной работы зарубежных сил, которые были выявлены. В первую очередь необходимо отметить жесткое следование стратегии наступательного характера, что выражается в активном навязывании собственной информационной повестки, принуждении оппонента обороняться, объясняться и оправдываться. При этом для недопущения смены ролей внутреннее информационное поле тщательно зачищается, минимизируются практически любые возможности формирования информационных площадок с иной точкой зрения, а существующие – маргинализируются. Во-вторых, следует упомянуть высокое качество предварительной подготовки коммуникационной инфраструктуры. Для обеспечения поддержки масштабных информационных операций были созданы обширные сети информационных каналов, зарегистрирована масса фальшивых пользовательских аккаунтов. Первый элемент необходим для мгновенного распространения нужных тем среди широкой аудитории, создания иллюзии авторитетности и правдивости распространяемой информации. Второй элемент необходим для активной поддержки распространяемых материалов за счет многочисленных пользовательских оценок и комментариев. В-третьих, важно выделить эффективную работу по содержательному направлению генерации контента – распространяемые сообщения тщательно редактируются и адаптируются под целевую аудиторию информационной площадки, на которой размещается материал для достижения максимального эффекта. В-четвертых, особого внимания заслуживает активное использование ложных информационных поводов – так называемых «фейков», при этом зачастую низкокачественных, что обеспечивает значительную экономию средств на генерацию достоверных информационных поводов. В-пятых, видится важным отметить активное применение технологий краудсорсинга – привлечения большого количества волонтеров. Это также позволяет снизить расходы, а также добавить распространяемой информации достоверности. Наконец, в-шестых, отличительной особенностью организации атакующей коммуникационной работы проукраинских сил является максимальная автоматизация процессов – использование специализированных сервисов мониторинга и распространения контента, обработки пользовательских комментариев, управления пользовательской аудиторией. Указанные выше выявленные специфические особенности позволяют говорить

о высоком уровне технологической и организационной подготовки информационных атак.

Концептуально информационные атакующие потоки можно разделить на ряд дифференцированных с точки зрения реципиентов ключевых направлений, содержательно нацеленных на поражение в информационном поле, ее маргинализацию, нарушение внутренней общественной консолидации. Мы выделим ряд обозначенных направлений, включающих в себя определенную совокупность сюжетов, содержание которых постараемся тезисно раскрыть.

В первую очередь мы выделим направление комплексного воздействия на международную аудиторию. Здесь прослеживаются понятные зарубежной аудитории содержательные линии, предусматривающие использование тем, способных вызвать эмоциональную вовлеченность. Так, мы можем выделить содержательный трек «Украина – НАТО, Украина – Европа», транслирующий сообщения, связанные с европейским внешнеполитическим треком Украины. Далее отметим линию «Новые территории», нацеленный на обесценивание возвращения отдельных регионов Украины в Россию, дискредитирующий данные процессы. Также выделим сюжет «Референдумы», транслирующий сообщения о неправомерности проведенных на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях плебисцитов. Особняком стоит трек «Ядерная угроза», нацеленный на маргинализацию России в контексте потенциального применения ядерного вооружения. В некотором смысле развитием темы «ядерной угрозы» является сюжет «Запорожская АЭС», задачей которого является формирование иллюзии неспособности России безопасно управлять атомной станцией. Далее необходимо выделить линию «Мобилизация», развивающую стереотипы о предстоящей массовой мобилизации в России. Наконец, важнейший сюжет последних месяцев – «Россия – Китай», задачей которого является конструирование образа зависимости России от ключевого партнера.

Ко второму направлению следует отнести воздействие на аудиторию постсоветского пространства. Здесь, в первую очередь, следует выделить сюжет «Приднестровье», задачей которого является эскалация потенциального конфликта между Россией и Молдовой, а также дестабилизация ситуации в ПМР. Далее отметим линию «Казахстан», нацеленную на дискредитацию населения Казахстана и его политического руководства в глазах российской общественности, нарушение добрососедских отношений.

Также выделим трек «Армения – Азербайджан», целью которого является распространение концепции геополитической слабости России в контексте армяно-азербайджанского конфликта. Наконец, отметим стратегический сюжет «Имперские амбиции», развивающий иллюзию агрессивной внешней политики России.

К третьему направлению мы относим воздействие на российскую аудиторию, а также жителей Республики Беларусь. Здесь можно выделить следующие основные сюжеты. В первую очередь это дезинформационный трек «Мир не поддерживает Россию», формирующий иллюзию глобальной изоляции нашей страны. Следующий не менее важный манипулятивный сюжет – это «Проблемы в СВО», транслирующий гипертрофированные ложные информационные сообщения о проблемах ВС РФ на линии боевого соприкосновения, проблемах в системе управления СВО, больших потерях и прочие концепты. В качестве отдельного сюжета считаем необходимым выделить отдельный информационный трек «Мобилизация», задействующий не только предыдущий нарратив, но и внедряющий в массовое сознание ложный концепт внутривнутриполитических проблем в стране, неспособности властей контролировать ситуацию. Далее выделим информационный трек «Экономический кризис в России», дискредитирующий органы власти и управления, а также формирующий иллюзию массовой паники среди населения. Весьма активно используется также манипулятивный сюжет «Внутриполитический раскол и дестабилизация» обстановки в стране, развивающий ложные идейные концепции, связанные с ожесточившейся внутриполитической борьбой элит, ужесточением внутренней политики. Также выделим сюжет «Проблемы контроля», задачей которого является распространение ложной информации о проблемах в системе управления новыми территориями, а также обороне. Наконец, отметим линию «Россия – Китай», в соответствующем контексте транслирующую ложные идейные концепции сверхзависимости России от КНР.

Видится целесообразным выделить в отдельное направление работу по дискредитации Президента России В.В. Путина. В рамках данного направления воздействие осуществляется на широкий круг аудитории, что мы связываем с высочайшим уровнем медийности политического бренда российского президента.

Не менее важно, по нашему мнению, выделить в отдельное направление работу по информационному «подсвечиванию» и максимальному

распространению антироссийских публикаций российских и белорусских оппозиционных деятелей и Телеграм-каналов, большинство из которых признаны иностранными агентами. Содержательно публикации охватывают все перечисленные выше направления, а стратегическая задача направления – продемонстрировать существование «альтернативных точек зрения» внутри геополитического блока Россия – Беларусь, высокого потенциала дестабилизации его внутривосточной обстановки.

Перечисленные коммуникативные сюжеты нацелены на достаточно эффективное формирование комплексной информационной иллюзии, демонстрирующей маргинальность и антигуманную сущность России, неустойчивость и дестабилизацию ее внутривосточной обстановки, глобальную российскую угрозу международной безопасности, а также консолидированную военно-политическую поддержку Украины со стороны мирового сообщества.

Если рассматривать структурные и содержательные характеристики целевой аудитории информационных атак, то, как мы увидим, здесь можно выделить три ключевых компонента: во-первых, это внутренняя украинская аудитория, во-вторых, международная аудитория и, в-третьих, российская аудитория. Первый аудиторный кластер подвергается обработке в целях распространения национальной идеологии, популяризации и закрепления в массовом сознании соответствующих идей и ценностей и формирования новой культуры национальной общности, преимущественно националистического характера. Не менее активно проводится работа по подсвечиванию «внутренних врагов», искоренению инакомыслия, его максимальной маргинализации [2]. Второй кластер подвергается обработке с целью повышения эмоциональной вовлеченности населения зарубежья в военный конфликт, формирования вовлеченного в происходящее западного сообщества вокруг политического бренда «независимой и не сломленной Украины, противостоящей северным оркам». Делается это не только для поддержания иллюзии общемировой поддержки Украины, но и для повышения внутреннего общественного давления на руководство стран – спонсоров украинского политического режима с целью ускорения поставок вооружений, выделения денежных средств и иных форм помощи. Третий кластер, представляющий наибольший интерес в контексте настоящего исследования, подвергается массовой информационной обработке с целью формирования протестных настроений среди россиян, нарушения

стабильности общественно-политической обстановки, формирования устойчивых тревожных настроений в российском обществе, попытки организаций различного рода полевых протестных акций.

Мы полностью разделяем точку зрения А.М. Ильницкого, утверждающего, что любые технологические решения, по причине своей, в первую очередь, инструментальной, сервисной сущности, должны быть реализованы вслед за идеологическими, этико-моральными решениями, «технологии – лишь инструмент, но никак не цель» [9]. Отсутствие монолитной содержательной компоненты, ключевой базисной идеологической доминанты, относительно которой строится работа по обеспечению информационной безопасности государства не позволяет говорить о ее эффективности.

В отсутствие единой идеологической концепции, прямо либо косвенно определяющей коммуникационную стратегию государства и его институтов, формальных и неформальных лидеров мнений, социальных групп и отдельных индивидов формируется явный ментальный вакуум, который заполняется индивидами самостоятельно, на основе собственных морально-этических представлений, понимания содержательности и структуры момента. В результате информационное поле наполняется зачастую несогласованными, концептуально не совпадающими нарративами, концептами, идеями, на первый взгляд несущими в себе конструктивные, воодушевляющие сообщения, однако в совокупности на практике реализующими эффект негативной коммуникационной эмерджентности. Данный эффект выражается в негативном воздействии на массовое сознание, которое оказывает в совокупности разрозненный и концептуально не согласованный поток информационных сообщений от формальных и неформальных лидеров мнений. Для обывателя это выглядит как очевидные разногласия в содержательности транслируемых сообщений со стороны официальных источников и неформальных лидеров мнений, что может привести к выводу о наличии неких проблем, о которых не сообщают населению. Данный эффект получает многократное качественное и количественное усиление вследствие активной горизонтальной коммуникации «из уст в уста» на бытовом уровне – граждане потребляют неструктурированный контент, обрабатывают ментально не только его содержание, но и проводят внутреннюю оценку обозначенных разногласий, после чего делятся результатами своих размышлений со своим окружением. Значительное влияние на этот процесс оказывает эффект так называемого кризиса верификации, связанный с

тем, что в современных условиях распространение информации может осуществлять произвольный субъект коммуникации, независимо от своей экспертности и без обязательной верификации транслируемых сообщений.

Каждая подобная итерация передачи информации все сильнее искажает изначальное информационное сообщение, в результате чего негативное воздействие на массовое сознание возрастает еще больше. В качестве примера можно привести кейс с транспортировкой устаревших танков Т-54/Т-55 в зону боевых действий. В марте 2023 года в сети появилась информация о том, что Россия направляет в зону специальной военной операции эшелоны, груженные танками Т-54 и Т-55, снятыми с хранения, судя по маркировкам вагонов [4]. Информация подкреплялась видеороликом, на котором действительно можно видеть эшелон танков соответствующих модификаций. Информационное поле мгновенно наполнилось различными сообщениями негативного характера, смысл которых заключался в продвижении и развитии идеи о катастрофической нехватке боеприпасов у России, что вынуждает командование расконсервировать и отправлять на фронт очевидно устаревшие модификации боевой техники. Источники распространения негатива из Украины традиционно отличались радикальностью в своих оценках происходящего. Отечественные источники распространения данного кейса по тональности условно можно разделить на откровенно негативные («разворовали все деньги на боеприпасы»), недоумевающие («как это вообще возможно в нашей стране, может это фейк?») и нейтрально оптимистичные («наверняка командование знает, что делает, мы просто не понимаем суть происходящего до конца»). При этом никаких официальных комментариев от представителей Министерства обороны РФ либо иных силовых структур не поступало. Сообщения массово распространялись как среди неформальных лидеров мнений, так и горизонтально, на бытовом уровне от индивида к индивиду. Очевидные разногласия в содержательности транслируемых сообщений со стороны официальных источников и неформальных лидеров мнений, естественным образом приводит население к выводу о проблемах с боеприпасами, о которых не сообщают общественности. В результате данный кейс сформировал устойчивый негативный информационный фон, дискредитирующий органы государственной власти Российской Федерации. Лишь через несколько дней в информационном поле стали появляться отдельные сообщения от некоторых военных экспертов, которые в частном порядке давали пояснения о воен-

ной целесообразности использования устаревшей, но весьма надежной техники в качестве передвижных оборонительных артиллерийских установок для защиты позиций российских войск от возможного контрнаступления противника. Если бы данный информационный повод изначально был бы подвергнут корректному медиапозиционированию, была бы своевременно предоставлена исчерпывающая информация о причинах и целях использования устаревшей техники – негативный эффект был бы исключен, либо значительно минимизирован.

Более того, если провести краткий ретроспективный анализ отечественного информационного поля в феврале-марте 2023 года, мы увидим очевидный идейный диссонанс в коммуникации формальных лидеров мнений, официальных должностных лиц государства. Так, например, жесткая реакция заместителя председателя Совета безопасности Д.А. Медведева на решение Международного уголовного суда в Гааге (МУС) выдать ордер на арест Президента РФ В.В. Путина, его угрозы нанести удар по МУС гиперзвуковой ракетой Оникс [16] явно концептуально контрастируют с высказыванием официального представителя Российской Федерации в ООН В. Небензи о том, что Россия согласна вернуть детей на Украину, когда там будет безопасно [20]. Напомним, что так называемый «вывоз детей с территории Украины в Россию» является официальной причиной выдачи ордера в отношении российского президента. Мы видим две, по сути, антагонистичных реакции на информационный повод со стороны официальных должностных лиц, аудитория которых насчитывает десятки миллионов граждан. Очевидно, подобные медийные разногласия, отсутствие единой, консолидированной и эффективно распространяемой содержательной линии не способствуют поддержанию политической стабильности в нашей стране.

В этой связи к наиболее чувствительным зонам потенциального подрыва политической стабильности России, по нашему мнению, следует отнести, кроме российской массовой аудитории, во-первых, российскую политическую элиту. Серьезнейшее экономическое давление на представителей крупного бизнеса, подкрепляемое системными информационными вбросами по сюжетным линиям «экономический кризис в России», «внутриполитический раскол и дестабилизация», а также серии сюжетов по линии дискредитации Президента РФ В.В. Путина создают потенциальные риски соответствующего характера. Важно отметить, что в большинстве случаев

именно политические элиты могут выступать в качестве основного фактора дестабилизации политической системы. Это связано с тем, что кризисная ситуация, непосредственно затрагивающая политические элиты вступает в диссонанс с их системой координат, привычным образом жизни и функционирования [13].

Во-вторых, отметим крупные федеральные и региональные средства массовой информации, от работы которых напрямую зависит общественное мнение, национальная информационная повестка. 24 февраля 2022 года Роскомнадзор опубликовал официальное обращение в адрес средств массовой информации, в котором подчеркнул необходимость использовать при подготовке материалов информацию строго от официальных источников. Нарушение данного предписания влечет за собой ответственность по статье 13.15 КоАП РФ в виде штрафа до 5 млн рублей [5]. В дальнейшем система административного контроля за распространяемой СМИ информации ужесточилась – здесь можно отметить статью 20.3.3 КоАП РФ и ряд других нормативных актов. Обоснованная государственная инициатива, направленная на обеспечение национальной информационной безопасности, в отсутствие разъяснительной работы привела к значительному повышению внутренней самоцензуры средств массовой информации. В итоге для собственников и редакции СМИ стало гораздо более безопасно по возможности вообще избегать освещения хода специальной военной операции. Как следствие все более ощутим информационный вакуум, способствующий переливу трафика в неофициальные новостные телеграм-каналы, каналы военных корреспондентов и иные информационные площадки, что значительно упрощает работу наших оппонентов. Считаем необходимым отметить важность оптимизации административной работы с информационным пространством и средствами массовой информации, как важнейшими участниками информационного рынка.

В-третьих, отметим политические элиты и население стран постсоветского пространства. Специальная военная операция, динамически изменяющиеся геополитические условия обнажили недостаточно эффективную информационно-разъяснительную работу нашего государства в адрес ближайших соседей. Этой недоработкой активно пользуются наши геополитические оппоненты, распространяя в рамках сюжетных линий «аудитория постсоветского пространства», «Россия – международный изгой, государство-террорист», «Путин – маргинал» в том числе при помощи россий-

ских и белорусских оппозиционных деятелей и Телеграм-каналов ключевой идеологический концепт, основанный на легенде о существующей внутренней доктрине восстановления СССР, разрушения суверенитета стран постсоветского пространства, реализации имперских амбиций современной России. Это довольно острая тема, вызывающая сильный негативный эмоциональный отклик не только среди политических элит, но и на обывательском уровне, так или иначе оказывает влияние на геополитическую обстановку на постсоветском пространстве. Специальная военная операция значительно усложнила работу по нейтрализации негативного эффекта от данного направления информационной атаки. Но, несмотря на все вышеуказанное, контрпропагандистская работа по этому направлению не ведется. Ярким примером служит относительно недавний информационный повод, связанный с одновременным приездом в Москву лидеров Республики Беларусь, Абхазии и Южной Осетии за несколько дней до очередного ежегодного послания президента России Федеральному собранию. Информационное поле наполнилось массой сообщений, связанных с приездом столь представительной делегации, нагнеталась искусственная интрига, вплоть до предположений о предстоящем создании СССР 2.0. В итоге аудитория не получила ни одного исчерпывающего комментария по данному кейсу от официальных источников. Таким образом следует признать, что на постсоветском треке практически беспрепятственно распространяется концепт об имперских амбициях России, что определенно не способствует стабилизации политической обстановки по данному направлению.

В-четвертых, выделим особую социальную группу – около 7 млн человек, ставших неотъемлемой частью России 30 сентября 2022 года после подписания нормативных актов о вступлении в состав Российской Федерации Донецкой и Луганской народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей [18]. Обеспечение не только должной социальной защиты, возможностей для полноценной жизни, но и информационной безопасности, ментальной защиты новых граждан России критически важно в условиях проводимой специальной военной операции [6].

Наконец, нельзя не отметить достаточно эффективную работу оппонентов по манипулированию общественным мнением среди молодежи, представители которой являются активными потребителями контента в современной социально-сетевой среде. Ряд исследователей связывает высокую эффективность информационного воздействия наших противников на

молодежь с манипулированием субъективными моральными аспектами. В частности, в транслируемых сообщениях сливаются в единой системе координат, а затем противопоставляются объективно необходимые с рациональной точки зрения политико административные решения со стороны государственных институтов и нормы условной, субъективной справедливости некоего виртуального социума, к которому относят себя представители молодежи, что формирует почву для негативного отношения к государству, усиливает протестный потенциал и несет значительные риски для национальной безопасности. Недостаточная эффективность разъяснительной идеологической работы среди молодежи создает условия для манипулирования общественным мнением молодых россиян [24].

Как уже было показано выше, в отсутствие единой идеологической концепции, определяющей коммуникационную стратегию государства и его институтов, формальных и неформальных лидеров мнений, социальных групп и отдельных индивидов формируется явный ментальный вакуум, который оперативно и крайне эффективно будет использован нашими геополитическими оппонентами. По нашему глубокому убеждению, критически важно принять комплексные меры по организационному и содержательному обеспечению системной информационной работы по представленным выше направлениям.

По данным Gallup, количество американцев, не поддерживающих политику президента США Д. Байдена в отношении Российской Федерации, неуклонно растет – 52% в начале его президентства и 59% в настоящее время. Политику Байдена в отношении Китая не поддерживает еще большее количество американцев – 55% в начале его срока и 64% в настоящее время [26]. В европейских странах нарастает социальная напряженность – массовые выступления граждан, не поддерживающих реализуемую государственную политику во Франции и Германии, демонстрируют усталость и не понимание смысла милитаристской политики Евросоюза и поддержки воинствующего украинского режима.

Социологические исследования показывают, что в российском обществе очевидно прослеживается усталость от темы специальной военной операции и от геополитической напряженности – россияне надеются на максимально оперативное завершение боевых действий. При этом население демонстрирует значительную поддержку геополитического курса страны – россияне понимают и принимают целесообразность продолжения и

успешного завершения специальной военной операции. Объединяющим фактором традиционно остается патриотический идейный концепт, население доверяет и поддерживает руководство страны [23].

Все это позволяет утверждать, что в настоящее время мы находимся в выгодной с политико-технологической точки зрения ситуации. Необходимо в полной мере использовать сложившуюся политическую конъюнктуру в целях обеспечения политической безопасности российского государства, в том числе в информационно коммуникативном контексте, а также глобального продвижения пророссийских идейных конструктов. Необходимо сформировать единую идеологическую стратегию государства, которая ляжет в основу обновленной коммуникационной стратегии государства. Не менее важно обеспечить эффективное распространение разработанной стратегии среди ключевых коммуникаторов для формирования монолитной содержательной компоненты, ключевой базисной идеологической доминанты. Россия – страна с более чем тысячелетней историей, высочайшей культурой гуманизма и созидательства, совершенно определено имеет право не только на защиту своих жизненных интересов, но и на трансляцию своей картины мира будущего на глобальном уровне.

Литература

1. Агабаева С.М.Ш. Особенности влияния новостных Telegram-каналов на формирование информационной повестки дня в России // Успехи гуманитарных наук. 2022. №11. С. 43-48.
2. Ананьев А.В., Ананьева Е.В. Страна управляемого неонацизма // Перспективы. Электронный журнал. 2022. №2(29). С. 26-48.
3. Барков А.В., Киселев А.С. Влияние цифровизации на правовое обеспечение информационной безопасности государства и бизнеса в условиях современных геополитических вызовов // Безопасность бизнеса. 2022. №3. С. 3-7.
4. В направлении зоны СВО выдвинулся эшелон гружёный старыми советскими танками Т-54/Т-55. URL: <https://agentnews.ru/proisshestviya/v-napravlenii-zony-svo-vydvinylsia-eshelon-gryjenyi-starymi-sovetskimi-tankami-t-54-t-55.html> (дата обращения 22.03.2023).
5. Вниманию средств массовой информации и иных информационных ресурсов. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74084.htm> (дата обращения 28.12.2022).

6. Грищенко Л.Л. Современные угрозы национальной безопасности России // Академическая мысль. 2022. №4(21). С. 124-129.

7. Дубень А.К. Информационная безопасность государства в условиях информационных войн и конфликтов: анализ и тенденции // Право в Вооруженных Силах -Военно-правовое обозрение. 2022. №4 (297). С. 39-46.

8. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. №4. С. 24-35.

9. История человека, который обещает очистить океан от пластика <https://snob.ru/entry/166244/> (дата обращения 23.10.2022).

10. Кирка А.В., Гаганова Е.В. Основные подходы к разработке и реализации стратегии персонального медиапозиционирования политических субъектов в условиях современной социально-сетевой среды // PolitBook. 2019. №4. С. 70-88.

11. Кирка А.В. Социально-сетевые коммуникации в политическом процессе: зарубежный и отечественный опыт // Инновации и инвестиции. 2015. №9. С. 157–161.

12. Кучерявый М.М., Шерпаев В.И., Сошникова И.В. К вопросу научного осмысления основ национальной безопасности // Правовое видение развития России: Материалы Междун. науч.-практич. конф., Уфа, 15 апреля 2022 г. Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. С. 149-153.

13. Максимова Е.Н. Политические элиты как фактор нестабильности политической системы // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. №4. С. 36-49.

14. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Вестник Академии военных наук. 2022. №4(81). С. 54-58.

15. Медиапотребление в 2022 году. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/e20/5xy943jkri4ngauf1t1stsr0877w3jn5/CSTB_Медиапотребление.pdf (дата обращения 26.12.2022).

16. Официальный канал Д.А. Медведева в Telegram. URL: https://t.me/medvedev_telegram/283 (дата обращения 29.12.2022).

17. ПереГрета: климатическая повестка и новая генеральная линия. URL: <https://iz.ru/1487458/andrei-kuzmak/peregreta-klimaticheskaja-povestka-i-novaia-generalnaia-liniiia> (дата обращения 26.03.2023).

18. Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения 30.11.2022).

19. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. Москва: Алисторус, 2015. 254 с.

20. Россия вернет детей на Украину, когда там будет безопасно, заявил Небензя. URL: <https://ria.ru/20230320/deti-1859305843.html> (дата обращения 31.12.2022).

21. Сергеева А.М. Медиаобраз Греты Тунберг в российских СМИ // Проблемы методологии и опыт практического применения синергетического подхода в научных исследованиях: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практич. конф. Часть 1. Стерлитамак: ООО «Агентство международных исследований», 2022. С. 121-131.

22. Суд объяснил запрет Meta и ее соцсетей. URL: <https://pravo.ru/news/240031> (дата обращения 28.12.2022).

23. ФОМ оценил, сколько россиян поддерживают присоединение новых территорий. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/10/2022/6346dd9d9a79478e180de540> (дата обращения 30.12.2022)

24. Шмыгин В.А., Шульц В.Л., Коломийцева М.Г. Отсутствие единого идейно-ценностного конструкта образа государства как угроза национальной безопасности России // Национальная безопасность/nota bene. 2023. №1. С. 1-12.

25. Digital 2022: Another year of bumper growth. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (дата обращения 30.12.2022).

26. Issue Approvals of Biden, Trump, Obama in 6 Charts. URL: <https://news.gallup.com/poll/472175/issue-approvals-biden-trump-obama-charts.aspx> (дата обращения 30.12.2022).

References

1. Agabaeva S.M.Sh. Osobennosti vliyaniya novostnykh Telegram-kanalov na formirovanie informatsionnoi povestki dnya v Rossii // Uspekhi gumani-tarnykh nauk. 2022. №11. С. 43-48.

2. Anan'ev A.V., Anan'eva E.V. Strana upravlyaemogo neonatsizma // Perspektivy. Elektronnyi zhurnal. 2022. №2(29). С. 26-48.

3. Barkov A.V., Kiselev A.S. Vliyanie tsifrovizatsii na pravovoe obes-pechenie informatsionnoi bezopasnosti gosudarstva i biznesa v usloviyakh sovremennykh geopoliticheskikh vyzovov // Bezopasnost' biznesa. 2022. №3. С. 3-7.

4. V napravlenii zony SVO vydvynulsya eshelon gruzhenyi starymi so-
vetskimi tankami T-54/T-55. URL: <https://agentnews.ru/proisshestiya/v-napravlenii-zony-svo-vydvynulsya-eshelon-gryjnyy-starymi-sovetskimi-tankami-t-54-t-55.html> (data obrashcheniya 22.03.2023).

5. Vnimanuyu sredstv massovoi informatsii i inykh informatsionnykh resursov.
URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74084.htm> (data obrashcheniya 28.12.2022).

6. Grishchenko L.L. Sovremennye ugrozy natsional'noi bezopasnosti Rossii // Akademicheskaya mysl'. 2022. №4(21). S. 124-129.

7. Duben' A.K. Informatsionnaya bezopasnost' gosudarstva v usloviyakh in-
formatsionnykh voyn i konfliktov: analiz i tendentsii // Pravo v Vo-oruzhennykh
Silakh -Voенno-pravovoe obozrenie. 2022. №4(297). S. 39-46.

8. Il'nitskii A.M. Strategiya mental'noi bezopasnosti Rossii // Voennaya mys-
l'. 2022. №4. S. 24-35.

9. Istoriya cheloveka, kotoryi obeshchaet ochistit' okean ot plastika
<https://snob.ru/entry/166244/> (data obrashcheniya 23.10.2022).

10. Kirka A.V., Gaganova E.V. Osnovnye podkhody k razrabotke i reali-zatsii
strategii personal'nogo mediapozitsionirovaniya politicheskikh sub"ektov v uslovi-
yakh sovremennoi sotsial'no-setevoi sredy // PolitBook. 2019. №4. S. 70-88.

11. Kirka A.V. Sotsial'no-setevye kommunikatsii v politicheskom pro-tsesse:
zarubezhnyi i otechestvennyi opyt // Innovatsii i investitsii. 2015. №9. S. 157-161.

12. Kucheryavyi M.M., Sherpaev V.I., Soshnikova I.V. K voprosu nauchno-
go osmysleniya osnov natsional'noi bezopasnosti // Pravovoe videnie raz-vitiya
Rossii: Materialy Mezhdun. nauch.-praktich. konf, Ufa, 15 aprelya 2022 goda. Ufa:
Bashkirkii gosudarstvennyi universitet, 2022. S. 149-153.

13. Maksimova E.N. Politicheskie elity kak faktor nestabil'nosti politicheskoi
sistemy // Voprosy elitologii. 2021. T. 2. №4. S. 36-49.

14. Manoilo A.V. Informatsionnye diversii v konflikte na Ukraine // Vestnik
Akademii voennykh nauk. 2022. №4(81). S. 54-58.

15. Mediapotreblenie v 2022 godu. URL:
https://mediascope.net/upload/iblock/e20/5xy943jkri4ngauf1t1stsr0877w3jn5/CS_TB_Mediapotreblenie.pdf (data obrashcheniya 26.12.2022).

16. Ofitsial'nyi kanal D.A. Medvedeva v Telegram. URL:
https://t.me/medvedev_telegram/283 (data obrashcheniya 29.12.2022).

17. PereGreta: klimaticheskaya povestka i novaya general'naya liniya. URL: <https://iz.ru/1487458/andrei-kuzmak/peregreta-klimaticheskaja-povestka-i-novaya-generalnaya-liniya> (data obrashcheniya 26.03.2023)
18. Podpisanie dogovorov o prinyatii DNR, LNR, Zaporozhskoi i Kher-sonskoi oblasti v sostav Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (data obrashcheniya 30.11.2022).
19. Pocheptsov G.G. Informatsionnye voiny. Novyi instrument politi-ki. M.: Alistorus, 2015. 254 s.
20. Rossiya vernet detei na Ukrainu, kogda tam budet bezopasno, zayavil Nebenzya. URL: <https://ria.ru/20230320/deti-1859305843.html> (data obrashcheniya 31.12.2022).
21. Sergeeva A.M. Mediaobraz Greta Tunberg v rossiiskikh SMI // Problemy metodologii i opyt prakticheskogo primeneniya sinergeticheskogo podkhoda v nauchnykh issledovaniyakh: sb. st. po itogam Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Chast' 1. Sterlitamak: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy", 2022. S. 121-131
22. Sud ob"yasnil zapret Meta i ee sotssetei. URL: <https://pravo.ru/news/240031> (data obrashcheniya 28.12.2022).
23. FOM otsenil, skol'ko rossiyan podderzhivayut prisoedinenie no-vykh territorii. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/10/2022/6346dd9d9a79478e180de540> (data obrashcheniya 30.12.2022).
24. Shmygin V.A., Shul'ts V.L., Kolomiitseva M.G. Otsutstvie edinogo ideino-tsennostnogo konstrukta obraza gosudarstva kak ugroza natsional'-noi bezopasnosti Rossii // Natsional'naya bezopasnost'/nota bene. 2023. №1. S. 1-12.
25. Digital 2022: Another year of bumper growth. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2> (data obrashcheniya 30.12.2022).
26. Issue Approvals of Biden, Trump, Obama in 6 Charts. URL: <https://news.gallup.com/poll/472175/issue-approvals-biden-trump-obama-charts.aspx> (data obrashcheniya 30.12.2022).

**С.В. Бирюков,
С.Н. Чирун,
А.В. Андреев**

**S. Biryukov,
S. Chirun,
A. Andreev**

**ИНФОРМАЦИОННО-
ПРОПАГАНДИСТСКИЕ
СТРАТЕГИИ И
ТЕХНОЛОГИИ
УКРАИНСКОЙ ЭЛИТЫ
В ИНФОРМАЦИОННОЙ
ВОЙНЕ С РОССИЕЙ ***

**INFORMATION AND
PROPAGANDA
STRATEGIES AND
TECHNOLOGIES OF
THE UKRAINIAN ELITE IN
THE INFORMATION WAR
WITH RUSSIA**

Аннотация

Статья посвящена приемам информационной войны и дезинформации, в ней рассматриваются техники и способы пропаганды в контексте информационного противостояния на примере Украины. Происходящие в современном мире кардинальные изменения обществ и государств привели к серьезной трансформации политико-правовых основ взаимоотношений государств и народов. Невиданные ранее по своей интенсивности геополитические тренды в корне изменили многие привычные формы внутренних и международных публичных процессов и устоявшиеся ранее представления о них. В статье представлены актуальные методы и технологии реализации стратегии информационного противоборства на современном этапе. Информационно-пропагандистская функция является необходимым условием реализации национальных интересов различных государств, а ситуация на Украине является этому ярким примером. Целью авторов статьи стали выявление и классификация форм и методов реализации информационно-пропагандистских стратегий и технологий украинской элиты в информационной войне с Россией в условиях проведения специальной военной операции. Авторы отмечают, что Украина уже на момент начала СВО имела эффективную систему ведения информационной войны, напрямую подчиняющуюся аме-

Abstract

The article is devoted to the methods of information warfare and disinformation, it examines the techniques and methods of propaganda in the context of information confrontation on the example of Ukraine. The cardinal changes taking place in the modern world of societies and states have led to a serious transformation of the political and legal foundations of relations between states and peoples. Geopolitical trends, unprecedented in their intensity, have radically changed many of the usual forms of domestic and international public processes and previously established ideas about them. The article presents the current methods and technologies for implementing the information warfare strategy at the present stage. The information and propaganda function is a necessary condition for the realization of the national interests of various states, and the situation in Ukraine is a vivid example of this. The purpose of the authors of the article was to identify and classify the forms and methods of implementing information and propaganda strategies and technologies of the Ukrainian elite in the information war with Russia in the context of a special military operation. The authors note that already at the beginning of the NMD, Ukraine had an effective information warfare system that was directly subordinate to the American intelligence services and integrated into the intelligence network of the countries of

риканским разведывательным службам и интегрированную в разведывательную сеть стран организации Североатлантического договора.

Представлены и классифицированы формы и методы ведения информационной войны на Украине в условиях специальной военной операции. В статье рассматриваются различные направления современной информационной войны. Авторы признают, что Россия оказалась не в полной мере готова к той радикальной эскалации информационной войны с Украиной, которая началась после 24 февраля. В ходе исследования авторами были выявлены и подвергнуты анализу сильные и слабые стороны информационно-пропагандистских стратегий и технологий украинской стороны в конфликте.

Ключевые слова:

пропаганда, массмедиа, массовая коммуникация, специальная военная операция, фейковые новости, информационная война, гибридная война.

the North Atlantic Treaty Organization.

The forms and methods of conducting information warfare in Ukraine under the conditions of a special military operation are presented and classified. The article discusses various areas of modern information warfare. The authors acknowledge that Russia was not fully prepared for the radical escalation of the information war with Ukraine that began after February 24, 2022.

In the course of the study, the authors identified and analyzed the strengths and weaknesses of the information and propaganda strategies and technologies of the Ukrainian side in the conflict.

Key words:

propaganda, mass media, mass communication, special military operation, fake news, information war, hybrid war.

* Статья поддержана Центром изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай), в рамках грантового проекта - the MOE Project of Key Research Institute of Humanities and Social Sciences in Universities of China, the Project Number is: 22JJD810010.

Изучение современной пропаганды, как показывает опыт, не может осуществляться при опоре на бихевиористские методики либо на традиционный культурологический анализ [1, с. 199-214]. При изучении последней необходимо опираться на постмодернистские теории, объясняющие возможности симулякральной социальной инженерии, позволяющей глубоко трансформировать сознание больших человеческих общностей [19].

Пропаганда сегодня неизбежно превращается в инструмент не просто публично-информационной, но именно социальной инженерии [5, с. 113-133]. Выстраивая и реализуя информационно-политическое воздействие, современные масс-медиа планируют определенный общественно-политический резонанс (реакцию общественного мнения) и проектируют качественно-новую общественно-политическую ситуацию, которая должна сохраняться в течение некоторого времени [13, с. 154-171]. Как следствие, формируемая политиками и связанными с ними СМИ информационно-политическая ситуация неизбежно имеет гибридный характер [17].

24 февраля 2022 года с началом российской специальной военной операции (СВО) на Украине начался отсчёт формирования нового этапа системы международной безопасности, а также принципиально новой информационно-политической ситуации в мире, связанной с беспрецедентной информационной атакой целой группы стран на Россию, имеющей целью разрушение базовых смыслов и дискурсов, обеспечивающих само существование российских общества и государства [9, с. 54–58]. Однако информационная война России и Украины (противостояние определенным образом выстраиваемых и противостоящих друг другу нарративов и дискурсов) началась значительно раньше, имея своим истоком распад Советского государства, или даже являясь продолжением «холодной войны» между НАТО и СВД, что в свою очередь может быть рассматриваться как элемент более давнего антагонизма цивилизаций Востока и Запада, или даже геополитической онтологической дихотомии принципов и ценностей теллурико- и талассократии [20, с. 229–240]. Этот конфликт актуализировал в течение многих лет (хотя и с разной степенью интенсивности) протекавшую «холодную войну» России со странами коллективного Запада [14, с. 422–430].

Сложно определить время начала информационной войны между Россией и Западом, однако часть западных аналитиков рассматривают в качестве точки отсчёта начала данного противостояния выступление Начальника Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации, первого заместителя министра обороны Российской Федерации Валерия Васильевича Герасимова в феврале 2013 года, получившее, в последствии, в странах Запада условное обозначение как «Доктрина Герасимова». «Доктрина Герасимова», наглядно продемонстрировала западным лидерам, что актуальное российское понимание стратегии возможного противостояния основано на большой роли информационной и психологической войны, которая должна была по мнению российского военного командования усиливать превосходство российских армии и флота, через морально-психологическое превосходство и доминирование над вооружёнными силами и гражданским населением потенциального противника [21]. Это, по мнению Герасимова, призвано было способствовать минимизации использования Россией собственных вооружённых сил, что в свою очередь очень удачно укладывалось в концепцию современной и мобильной армии Российской Федерации, взятой на вооружение руководителями Министерства обороны. Согласно этой доктрине, военная и гражданская элита атакуемой

страны, должна была в итоге выступить против своей собственного национально правительства и президента.

Западные аналитики ввели даже отдельное понятие «Доктрина Герасимова», согласно интерпретации которой Война Запада с Россией начинает рассматриваться как некое перманентное и комплексное, распространяемое на многие сферы жизни общества влияние. Эта война понимается как противоборство политической системы, культуры и ценностей [11, с. 211–214].

В настоящий момент нарратив конфликта Украины и России в сетевом пространстве регулируется государственными и транснациональными политическими акторами, при помощи значительного количества как жёстких, так и мягких технологий [18].

Украина уже на момент начала СВО имела грамотно выстроенную западными специалистами систему ведения информационной войны, напрямую подчиняющимся американским разведывательным службам и интегрированную в разведывательную сеть стран Североатлантического Альянса. В результате, когда началась СВО, российская сторона столкнулась с информационным противодействием, которое имело системный и координируемый характер [9, с. 57]. Следует признать, что Россия оказалась не в полной мере готова к той радикальной эскалации информационной войны с Украиной, которая началась после 24 февраля. Это проявилось как слабость в следующих аспектах:

1. Российские версии объясняя начало войны, чаще всего апеллируют к прошлому или будущему, но не к настоящему, создавая определенную синтетическую (и даже синкретическую) картину, предполагающую рассмотрение не только реальных действий, но и намерений противостоящей стороны, реконструкцию логики последней. При этом выстраивание контр-дискурсов и контрнарративов иногда происходило с известным опозданием и оставляло ощущение незавершенности, что означало на практике уступку инициативы противостоящей стороне. Ситуация исправлялась, дискурсы и нарративы «добраивались», но необходимый темп нередко был потерян, а формирование убедительной картины событий было затруднено. То есть на вопрос, чем конкретно НАТО угрожало России в настоящем? – идут рассуждения в таком стиле, что «оно собиралось напасть с помощью ракет, биологических лабораторий и украинцев» (будущее) или же англосаксы всегда строили козни (прошлое). Какие конкретные и измеримые козни против России осуществляло НАТО непосредственно перед войной (из-за которых при-

шлось идти на столь ужасный шаг), мне понять из текстов и комментариев не удалось. То же самое касается и Украины: «добить нацистов, которых не добились деды» (прошлое) или же «Украина собиралась напасть на нас» (будущее). К настоящему относились только «обстрелы Донбасса». Выделяются два самых популярных тезиса, ушедших в народ: зверства нацистов над населением Донбасса и биологические лаборатории на пару с «грязной бомбой». Там, где люди затруднялись как-то обосновать угрозу, звучит: «там, наверху, наверняка знают больше, они не обязаны отчитываться перед нами». Война в подавляющем большинстве осмысливается именно как превентивный удар, защита от того, что «было бы, если бы мы не мы...».

2. Требовал известной коррекции и «мотивационный блок», связанный с реконструкцией мотивов действий НАТО и Украины против России; ссылки на некоторую «очевидность» в данном случае не всегда были продуктивны. Две применяемые в данной ситуации описательные модели складывающейся ситуации – «героико-эпическая» (борьба с НАТО) и «миршахматная доска» (борьба против современных глобальных элит и их стратегий, нацеленных на подчинение себе целых народов и стран). Согласно первой модели, происходит эпическая борьба Зла с Добром, в рамках которой НАТО, искажив мировосприятие украинцев, собиралось напасть на Россию просто потому, что последняя – сформированная исключительно в их сознании «темная» сущность, проекция всех возможных негативов, сложившихся в сознании «среднего украинца» (равно и «среднего европейца»). В рамках этой модели русских и россиян ненавидят просто по факту принадлежности к стране. Согласно второй, действующие в глобальном пространстве транснациональные корпорации и элиты с помощью интриг задумали остановить процесс перераспределения влияния в мире в пользу Китая и России, инициировав «гибридную войну» на Украине.

3. Тотальная дихотомия или/или, которая вполне логично следует из вышеупомянутых картин мира. Идея соперничества стран сегодня заменена на идею вражды государств, что прощает восприятие новых идеологических конструктов, но в то же время оставляет недостаточно освещенными некоторые из аспектов, касающиеся этого противостояния, а также образ победы и вытекающего из него будущего. Вследствие этого возникает ощущение некоторой неполноты и недосказанности, что является неблагоприятным в условиях столь явной и жесткой политико-идеологической поляризации. Тотальная дихотомия исключает подсчет вероятностей и анализ

нюансов, способных повлиять на исход противостояния; в то время как осознание подобных нюансов важно для сохранения достоверной (а значит – пользующейся доверием) картины событий.

5. Скептицизм по отношению к действующей власти компенсируется сегодня национально-патриотическим подъемом, который предстоит еще канализировать через систему медиа и превратить в устойчивый дискурс и тренд (несмотря на признаваемый фактор коррупции) сочетается с верой в то, что на этот раз она безусловно отстаивает национальные интересы.

6. Рессентимент. О нем много говорили в начале войны, но он никуда не делся, приобретая новые формы, самая популярная из которых предполагает снятие прежних табу на мнения, суждения и поступки в отношении противостоящей стороны, что способствует дополнительной поляризации медиа-поля и радикализации медиапространства, которыми необходимо достаточно гибко и умело управлять, избегая возникновения лакун и «слепых пятен».

7. При этом никакой особой ненависти к украинцам как к нации в массовом сознании россиян как не было, так и нет. Украинцы комментаторами во ВКонтакте и в других популярных российских социальных сетях чаще всего рассматриваются или как жертвы нацистов-бандеровцев, или же как люди с промытыми «врагами славянства» мозгами, а так – почти или такие же как «мы». Ситуация в украинском сегменте медиасферы существенно отличается (различия лишь в степени неприятия России в текущий момент), что может создать проблемы во взаимоотношениях с представителями украинского социума уже в ближайшем будущем.

Обобщенно, все эти поиски смысла (или смыслов), логические лабиринты и странности являются попытками отчаянно сохранить одну из базовых идентичностей, характерных для россиян, а еще ранее – для многих советских граждан. Эта базовая идентичность гласит: россиянин в историческом процессе или жертва чужой агрессии, или же защитник.

Некоторая часть россиян, согласно социологическим опросам, сегодня стремятся сохранить ментально-политическую инерцию, и не определять свою позицию в соответствии с двумя основными полярными векторами (что вытекает из логики момента), не стать субъектом политико-идеологической мобилизации, которая сегодня идет. Однако подобное стремление сохранить индивидуальный и групповой морально-психологический комфорт может в итоге привести не только к своеобраз-

ному «выпаданию» целых групп из политико-идеологической повестки, но и из того, что принято называть «структурой момента» - что может грозить подобным социальным акторам полноценной политической депривацией (частичной или полной).

В западной политологии одним из наиболее заметных пионеров исследования феномена политической пропаганды стал Г.Д. Лассуэлл (Harold Dwight Lasswell), автор работы «Техника пропаганды в мировой войне», являющийся основоположником ряда современных теорий политической коммуникации [22].

В своих исследованиях Г.Д. Лассуэлл отметил важнейшие функции пропаганды:

1. Сформировать у собственного населения негативное отношение к потенциальному противнику;
2. Способствовать укреплению отношений с потенциальными и реальными союзниками;
3. Препятствовать достижению согласия в спорах между международным оппонентом и нейтральными государствами;
4. Оказывать разлагающее воздействие на идеологию, культуру, сознание международного оппонента, тем самым уменьшая ресурсы и ослабляя возможности враждебного государства;
5. Ослаблять солидарность между государственной властью и гражданским населением противника.

Политтехнологи часто опираются на высказывание Г.Д. Лассуэлла: «Публику нельзя убедить логикой, но публику можно убедить сказками» [22].

Поэтому, не случайно, что, начиная с распада СССР, западными политтехнологами в сознание украинцев активно внедрялись следующие деструктивные мифологемы [8, с. 32-36]:

1. Украина в мировой политике и в международных отношениях реализует уникальную историческую миссию;
2. Украинцы являются одним из самых древних народов мира; Украина – не-не Россия», но именно Украина является продолжательницей и правопреемницей подлинной Киевской Руси, тогда как Российская Федерация – не имеет прямого отношения к Руси. Российская Федерация –это самозванцы – «москальи»;
3. Украинцы отличаются от русских своей древней историей, высокой культурой и цивилизованностью;

4. Украинцам свойствен плюрализм мнений и подлинно демократическая политическая культура, являющаяся частью культурного наследия вольницы Запорожской Сечи, тогда как вся история русского народа – это история его рабства и унижения, вначале татаро-монголами, затем немцами, после – помещиками-крепостниками, и наконец, коммунистами;

5. Внутриполитическая деятельность Московского царства, Российской империи, а затем и Советского Союза, якобы препятствовала полноценному развитию украинского самосознания и национальной культуры, поскольку всегда была направлена на подчинение и покорение свободолюбивых украинцев; украинский этнос всю свою историю находился и находится постоянной борьбе за собственную национальную государственность, за полное освобождение от России;

6. Украинская государственность, якобы насчитывает тысячелетнюю историю начиная ещё со времён Скифского царства, когда «древние скифо-украины» якобы вырыли Чёрное море;

7. Лучшие из украинцев, якобы всегда боролись против российской государственности и культуры, называют имена И. Мазепы, С. Петлюры, С. Бандеры, Р. Шухевича и др.);

8. Весь мир якобы восхищается украинской национальной культурой и традициями: украинской речью – считая её самой красивой и мелодичной во всём мире, украинскими девушками, – якобы, самыми милыми и непорочными, украинскими вышиванками, украинским жёлто-голубым флагом;

9. Хотя украинцы и сейчас во всём превосходят русских, но поскольку они длительное время жили рядом с русскими, и даже вступали в последние в семейные союзы, они подверглись от русских негативному влиянию, и теперь чтобы войти в свободную семью цивилизованных европейских народов, им прежде необходимо заслужить это право пройдя через «декоммунизацию» и «дерусификацию».

Начало СВО совпало с выделением в информационной войне следующих основных направлений.

1. Стратегическая информационная война (предполагает воздействие на первых лиц государства, предполагая возможность обвинений для них против человечности, в терроризме, в геноциде, в применении ОМУ, в похищении детей, в других военных преступлениях, с перспективой отрешения их от власти и привлечения их к международному суду в Гааге). К этой группе можно отнести:

1.1 Информационная блокада. Население Украины сознательно держится в условиях тотальной информационно-коммуникативной блокады. Любая политическая оппозиция, иная – альтернативная картина Мира, иные информационные каналы, за исключением провластных – выражающих точку зрения и интересы «Банковой», на Украине полностью запрещены. Все инакомыслящие на Украине подвергаются как институциональному воздействию со стороны государственного репрессивного аппарата (задержания, аресты, допросы, пытки сотрудниками СБУ, так и вне институциональному воздействию со стороны радикальных украинских националистических организаций полностью санкционируемой и поддерживаемой официальной украинской властью.

1.2 Ментальное конструирование. Методологической основой данной технологии можно считать бихевиоризм. Особое внимание бихевиористы уделяют стимулам, под стимулами они понимают любые целенаправленные воздействия на индивидуальное сознание. Технологии, направленные на зомбирование граждан, активно используются среди украинских силовиков. В результате, украинские военные убеждены, что нацистов разгромил не Советский народ, а поляки вместе с америкосами, британцами и французами.

1.3 Мифотворчество. Оно призвано воспитать у населения, особенно у молодежи, «истинно-национальный патриотизм», с одной стороны, и стереть с памяти украинского народа вековые традиции дружбы с братским русским народом, с другой. Усилиями «регулирующих» общественного сознания в современной Украине эти цели реализуются по следующим основным направлениям. Украинские «историки» – авторы школьных учебников внедряют в общественное сознание абсурдные, но полезные для части украинского политического класса исторические мифы [12; 15]. В их числе такие как:

- «Черное море появилось благодаря таланту и труду древних укров»;
- «Патриарх Ной разговаривал на украинской мове.
- Римский гладиатор, предводитель восстания рабов – Спартак – этнический украинец».

Это связано во многом с тем, что в новых учебниках по истории Украины история, превращается в идеологию, она полна ложных обид и унижений и направлена не на сохранение исторической памяти, а на её искажение

и трансформацию [16, с. 21-38]. Это понимают и в самой Украине. Так, известный юрист Андрей Портнов выиграл суд у Минобразования о содержании школьных учебников. В них, по мнению Портнова, героизируют участников Майдана и массовых беспорядков, которые там происходили.

На основании проведенных экспертиз суд обязал Министерство образования и науки пересмотреть детские учебники истории 5-11 классов, в которых украинский политический режим пытался героизировать и мифологизировать ряд государственных преступников и участников массовых беспорядков 2013–2014 гг.

В мотивировочной части судебного вердикта изложены претензии А. Портнова к Минобразования. Он считает, что указанные пособия содержат признаки искажения информации и событий, имевших место в период 2013-2014 гг., манипулирование фактами и оценками событий этого периода. Информация о событиях 2013-2014 гг. представлена односторонне, с придумыванием данных и фактов, сообщением заведомо ложных сведений о событиях и явлениях того времени, а также умолчанию важных обстоятельств, которые имели место.

Андрей Портнов, что авторы категорически и однозначно утверждают, что именно снайперы «Беркута» совершили тяжкое преступление – убийство пятерых активистов майдана в Киеве, на улице Грушевского. При этом нет ни одного решения суда, которое бы это подтвердило. А расследование по делам Майдана еще только идет. То есть учебник подает как факт непроверенную информацию.

1.4. Манипуляция. например, через внедрение в информационное пространство новых, но привлекательных и приятных «на слух» политических терминов: «демократический выбор», «евромайдан», «евроинтеграция». Эти и другие «ласкающие и греющие душу» обывателя понятия, сконструированы по лекалам западных специалистов по применению «мягкой силы» и должны символизировать борьбу украинского народа за европейские ценности, за западную политическую ориентацию [10, с. 61].

1.5. Метод двойных стандартов. Данный метод основан на методологии американского прагматизма, представленного в концепции Ч. Пирса, У. Джемса и Дж. Дьюи. Основой данной методологии является крайний релятивизм в понимании истины. Истина интерпретируется как всего того, что может приносить доход. США осуждают Россию за проведение СВО, но их вторжение в Ирак было «применением силы вопреки международному

праву и нарушением устава ООН». Именно поэтому бывший генсек ООН Кофи Аннан назвал войну в Ираке незаконной. США назвали две причины для своей операции: предполагаемая опасность, исходящая от иракского оружия массового поражения, и предполагаемые связи Саддама Хусейна с Аль-Каидой. Все это оказалось ложью. После вторжения в Ираке не было найдено никакого оружия массового поражения. И полученные под пытками данные о связях иракского диктатора с террористами, виновными в атаке на США 11 сентября 2001 года, также оказались ложными. Министерство иностранных дел Китая опубликовало план из 12 пунктов по урегулированию украинского кризиса. В низ обращается внимание на негативные последствия двойных стандартов в международных отношениях, Китайский МИД призывает отменить односторонние санкции, поскольку такие санкции не только являются контрпродуктивными, но и создают новые проблемы. Китай обращает внимание на недопустимость любых несанкционированных Советом Безопасности ООН односторонних ограничительных мер, подчёркивая, что отдельные страны (видимо имелись в виду США) должны прекратить злоупотребление односторонними санкциями и экстерриториальное применение юрисдикции против других стран.

2. Информационные военные технологии среднего уровня (ориентированы на стратегию и тактику запугивания, фрустрации, а также морально-идеологического разложения населения противника) [7, с. 112].

2.1. Предоставление неполной информации (постправды). Метод предполагает принудительное изъятие из публичного обращения значительной части информационного контента. В этих условиях оставшаяся частичная информация подвергается дополнительной политтехнологической обработке и приведению её в полное соответствие интересам определённых политических акторов, после чего данный информационный продукт допускается к использованию в информационно-политическом противоборстве [6, с. 37].

2.2. Эксплуатация эмоций. Отражение последствий военных действий на Украине, как имеющих реальный, так зачастую и искусственно конструируемый – фейковый характер, на положение и условия жизни гражданского населения Украины, случайные жертвы среди гражданского населения (либо симуляция таковых), особенно когда речь идёт о жертвах среди детей, женщин, пожилых людей – всё это формирует сильнейший эмоциональный фон, препятствующий объективному восприятию условий протек-

кания и причин украинского конфликта и активно применяется в информационной войне [4, с. 339–350].

3. Тактические ситуативные приемы и методы (ориентированы на краткосрочные эффекты и достижение локального успеха). К данной категории методов относятся следующие:

- «провокации» (диверсия на Северном потоке);
- «обвинительные заявления» (заявление министра юстиции ФРГ о российском президенте);
- «ссылка на авторитет» – заявления мировых лидеров по вооружённому конфликту на Украине;
- «свидетели событий» – интервью с пленными российскими военными, с пострадавшими представителями населения;
- «наклеивание ярлыков» (про Президента России – киллер (Дж. Байден); про Д.А. Медведева – «алкаш» (С.А. Белковский); про Е.В. Пригожина – «повар Путина» (ФБК); Про В.В. Путина – «лилипут, пустышка» (И.И. Пригожин в беседе с Ф.Т. Ахметовым);
- «подтасовка фактов»;
- «антироссийские вирусные мемы» (Чернобаевка, русский корабль и т.д.);
- распространение фейковых слухов» (о здоровье президента, о расколе российских элит, о заговоре олигархов, об отставке (убийстве, гибели) кого-то из представителей управленческой или военной элиты РФ);
- «пугающие заголовки» (о возможности применения тактического ядерного оружия, о новой волне мобилизации и т.д.);
- «общий вагон», «общая платформа» (введение единой верхней планки цен на российскую нефть);
- «общественное осуждение» (зятя С.К. Шойгу – А. Столярова и его дочери К. Шойгу);
- «формирование негативного окружения» (размещение любого инфоповода о России в негативном, саркастическом информационном окружении);

К тактическим ситуативным приемам и методам относятся и всем известные фейки – представляющие собой специфическую форму информационного воздействия с целью генерирования неуверенности и дезинформации среди населения и политической элиты противника [23]. А в данном конфликте этот тактический метод применяется еще и с целью отвлечения

и истощения ресурсов противника [2, с. 73]. Последнее, связано с очень низким качеством, но огромным количеством информационного продукта, формируемого украинской пропагандой (технология дырявого фейка). Данные информационные фейки были представлены в виде обвинений, откровений, компромата и разоблачений, но главной особенностью данного информационного продукта стали их нарочитая небрежность, противоречивость, непрофессиональность – создающие у противника в информационной войне психологическую ловушку лёгкого опровержения. Эта технология оказалась привлекательной для многих политтехнологов, поскольку российским официальным пропагандистам справедливо казалось, что фейки подготовленные украинской пропагандой, очень легко выявить, высмеять и разоблачить на телевизионных шоу, а затем отчитаться перед начальством и без особых усилий получить желаемое поощрение/вознаграждение [9]. Но видимо отвлечение внимания на мелкие фейковые инфоповоды и было главной задачей украинских пропагандистов, поскольку массированный вброс украинской стороной низкокачественных фейков оказался лишь прелюдией к достаточно успешной для Украины крупной информационной операции – освещению, после вывода российских войск, трагических событий и процессов в городе Буча. К этому, российский «агитпром» занятый разоблачением и без их разоблачения очевидных фейков – оказался попросту не готов.

Но в этой технологии есть ещё и двойное дно. Дело в том, что опровержение фейка предполагает также необходимость его воспроизведения. Таким образом, создавая массовый, максимально дешёвый низкокачественный агитационный продукт в виде фейков, украинские политтехнологи совсем не затрачивали средства на их продвижение – фактически перекладывая эту функцию на российский «агитпром». И уже отечественные официальные пропагандисты, формально опровергая украинские фейки, на самом деле неосознанно для себя занимались их продвижением в российском информационном поле через средства массовой информации и коммуникации, например, на популярных ток-шоу или в передаче «Антифейк». Между тем, в политической психологии известен феномен, когда необразованная публика запоминает и воспроизводит фейк именно в следствии его очевидной всем нереалистичности, абсурдности. Как говаривал ещё Тертуллиан: «Верую, ибо абсурдно». Но здесь может присутствовать и ещё одна ловушка. Дело в том, что украинская разведка, украинские ана-

литики, через ответ российских официальных спикеров озвучивающим «свою» на украинский фейк реакцию, получает возможность судить о надеждах, настроениях, а также фобиях российской политической элиты.

К безусловно сильным аспектам украинской пропаганды можно отнести следующие:

1. Сферический и всеохватывающий характер украинской пропаганды, адаптация пропагандистских клише к особенностям сознания и восприятия основных социальных категорий.

2. Умелое перенаправление накапливающейся социальной агрессии и фрустрации на «внешнего врага» – Россию.

3. Своеобразный украиноцентризм общественного сознания, подпитываемый системой образования, культурной и массовой пропагандой – рассмотрение событий в мире с позиций «украинской самодостаточности», очевидный дефицит критического сознания и восприятия.

4. Поддача украинскими СМИ действий России как угрозы «украинскому образу жизни».

5. Поддача информации в режиме «нон-стоп» (Украина 24 и др.) – что держит сознание украинцев в отомобилизованном и возбужденном состоянии практически непрерывно.

6. Формирование ощущения «сопричастности происходящему» у «среднего украинца».

7. Умелое использование эффекта «молекулярной агрессии» – когда поток информации об отдельных событиях трансформируется с помощью СМИ в последовательный и устойчивый дискурс.

8. Активное задействование сообщества действительных лидеров общественного мнения (с необходимыми для их самоутверждения чертами – инновативность, компетентность в соответствующей области, космополитизм, персональная вовлеченность, социальная активность, центральная позиция в социальных сетях, доступность, социальное признание и доверие) которое формировалось в течение определенного периода времени и сегодня представляет собой достаточно интегрированную и пользующуюся поддержкой немалой части общества сеть.

9. Использование широкого спектра манипулятивно-пропагандистских приемов, хорошо известных и анализируемых в рамках современных работ по проблематике массовых коммуникаций («мы-принцип», медиа-послания аудитории с эффектом простоты, генерирова-

ние и перетолковывание в свою пользу значимых политических понятий, использование «полновластных метафор», конструирование образа врага, апелляция к ценностям и др.).

10. Эффект цензуры и монополизации публичного пространства, отсечение доступа к альтернативной информации.

11. Использование высокого уровня маргинальности украинского общества (деградация образования, размывание социальных ролей и статусов).

12. Герметичность пропаганды (исключительная замкнутость на курсы «внутриукраинского происхождения»).

13. Проактивный подход к формированию пропаганды и обеспечивающих ее информационных потоков (не подстраивается под общественные настроения, но формирует их, используя существующие в обществе фобии, страхи, устойчивые информационные и культурные клише, дефицит и недоступность объективной информации, «клиповое» мышление и др.).

В результате анализа всех указанных действий, мы видим уже не просто огромный набор, казалось бы, совершенно безумных фейков, но эффективную технологию информационной войны, при использовании которой оппонент сам будет ухудшать собственное положение, завалит «свою же тайную операцию, раскроет свою агентуру и будет при этом совершенно уверенным в том, что он всё делает правильно, потому что другого выхода у него нет» [6].

Большое внимание украинская национальная элита с 2014 года, и даже ещё раньше уделяла идеологической антироссийской «накачке» населения, в том числе и через систему образования.

Так, в новых украинских учебниках в образе главных врагов, выступающих против свободлюбивых чаяний народа Украины, показаны «клятые москали», которые исторически могут быть представлены и деятелями царской России и партийными функционерами СССР, и, современной Россией [15].

Так именно россияне в этих учебниках называются главными виновниками голодомора, который согласно «методичке», составленной для авторов этих учебников, затронул исключительно этнических украинцев, тогда как русские и другие этносы, якобы фактически не пострадали от голодомора.

Касаясь проблемы сотрудничества с оккупантами части населения территорий, временно оккупированных гитлеровскими войсками в годы Великой Отечественной Войны, авторы учебников сознательно обвиняют в коллаборационизме именно русское население, тем самым безосновательно принижая русский народ: «Из них 200-300 тыс. человек были украинцы, а все остальные – русские»... Отступающие советские войска проводили «эвакуацию и тактику выжженной земли в Украине» [12, с. 25-25].

В 2022 году на Украине вступили в силу нормы Закона, о ликвидации в стране русскоязычных школ. Но это не означает, что спрос на русскоязычное образование среди украинцев исчез. Наоборот, накануне введения в действие запрета на «русскоязычное образование» на одну русскоязычную школу приходилось 2250 учеников, что в 8 раз выше, чем в тех школах, где обучение осуществляется на украинском языке.

И это вынуждает администрацию украинских школ искать пути обхода языковых квот.

В России из школьных учебников убрали термин «Киевская Русь». Авторы учебника объясняют, что термина «Киевская Русь» в учебниках больше нет, потому что, по его мнению, он является некорректным, так как не учитывает более ранние, этапы становления этого государства. Государство Русь образовано в Новгороде, столица которого была перенесена в Киев. Если мы приводим только «Киевскую Русь», мы отсекаем ранний период, который связан с историей Новгородской Руси.

Однако, агрессивного стиля и отмеченных выше сильных сторон украинской пропаганды вероятно окажется недостаточно для победы в информационной войне, в связи с рядом факторов.

1. Борьба за информационное влияния будет происходить постоянно, а появление новых методов, схем и даже «организации» – это обычный процесс развития. Та сторона конфликта в украинском кризисе, которая будет опаздывать в развитии информационных/медийных технологиях, понесёт стратегическое поражение. Сейчас стало известно, что россияне создали нечто похожую на частную информационную кампанию. Одна из их целей, которую называет секретарь СНБО Данилов – это продвигать на западе месседж усталости от Украины. Как мы знаем таких частных информационных кампаний несколько в России. Они более коммуникабельные, а также свободны в маневрах. Могут использовать разные алгоритмы для достижения целей. Россияне хотят использовать военный опыт ЧВК Вагнер,

который продемонстрировал эффективность и стал одним из символов жесткой силы. У России давно не было организации способной использовать механизмы мягкой и умной силы, что признавали эксперты внутри Российской Федерации. В Украине такое пытались также сделать, но Глава Офиса Президента Андрей Ермак выступил против. Ему важно всё держать под своим контролем. Поэтому в Украине идёт процесс зачистки информационного поля и закручивания гаек для «частных пабликов» в соцсетях. Полная монополизация инфополя. В то время как в России сформировался институт особый институт военкоров, выступающих по многим вопросам оппонентами официальной позиции государства [3, с. 43-46].

2. Украинская пропаганда может проиграть из-за политики постоянного «повышения ставок» и постоянного усиления агрессивного наступательного стиля в отношении «внешнего врага», когда общество однажды может не выдержать информационного накала и начать отшатываться от официальной пропаганды и ее клише.

3. Украинская пропаганда может проиграть из-за постоянно формируемой ей ситуации «отложенных ожиданий» (скорая победа, обвал России и др.) в общественном мнении, когда раз за разом повторяющееся состояние неудовлетворенных надежд может спровоцировать массовую фрустрацию.

4. Украинская пропаганда может проиграть из-за последовательно продвигаемой ей модели «монодискурса» (отсечение практически любого инакомыслия и критики), что снижает для нее пространство информационного маневра, лишает необходимой гибкости, может спровоцировать реакцию недоверия и отчуждения от нее со стороны потребителей информационного продукта.

Литература

1. Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В. Глобальный публичный порядок и его изменения // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. №59. С. 199-214.

2. Борщенко В.В. Сценарное моделирование информационно-политических угроз в интернет-пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. №1(31). С. 72-77.

3. Быков И.А., Курушкин С.В. Военкоры как профессиональное сообщество журналистов: проблемы типологизации. Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии. материалы международной

научно-практической конференции. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2022. С. 43-46.

4. Володенков С.В. Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №3. С. 339-350.

5. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: pro et contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №1. С. 113-133.

6. Гладченко И.А. Новые подходы к изучению мобилизации в сетевых сообществах // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. №2. С. 30-43.

7. Демин К.А., Пушкарева И.Н., Тагильцева Ю.Р. Компьютерные игры военного жанра как элемент пропаганды в информационной войне России и США // Политическая лингвистика. 2016. №5 (59). С. 110-116.

8. Красовская Н. Р., Гуляев А. А. К вопросу о средствах поведенческой войны // Власть. 2020. Том 28. №1. С. 32-36.

9. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине. // Вестник Академии военных наук. 2022. №4(81). С. 54-58.

10. Недяк И.Л. Принуждение, а не убеждение? // Власть. 2016. Т. 24. №8. С. 60-66.

11. Никонов С.Б. Информационная война и пропаганда: соотносимость концептов и концептуальных подходов // Журналістыка - 2022: стан, проблеми і перспективи. матеріялы 24-й Міжнароднай навукова-практичнай канферэнцыі. Мінск, 2022. С. 211-214.

12. Пометун Е., Гупан Н. История Украины: учебник для 11 классов: уровень стандарта, академический уровень. Киев, 2011. 343 с.

13. Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. №2. С. 154-171.

14. Сдельников В.А. Концепт «Путинизм» в западной политической науке и периодике // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. №2А. С. 422-430.

15. Турченко Ф.Г., Панченко П.П., Тимченко С.М. Новгня історія України (1939 - 2001) // Идручник для 11-го кл. загально осв. навч. закл. К.: Генеза, 2001. 384 с.

16. Федорченко С.Н. Наступление метавселенной: возможности и ограничения цифровых технологий в купировании рисков нацизма // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2022. №3. С. 21-38.

17. Царик В.С. Конструирование «гибридной войны» в западном информационном пространстве: основные стадии и субъекты // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2020. №3. С. 20-34.

18. Чирун С.Н., Николаев А.В. Зайцева В.А. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. №3(26). 2018. С. 7-13.

19. Чирун С.Н. Сетевые технологии молодежной политики, как механизм актуализации политической активности молодёжи в аспекте современных международных отношений: глобальные вызовы и угрозы // Вопросы управления. 2016. №2(39). С. 87-94.

20. Чирун С.Н. Опыт участия в работе пятой международной конференции в городе Торунь (Польша) по изучению постсоветского пространства Россия-ближнее зарубежье – ЕС // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. №38. С. 229-240.

21. Berzins J. Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy, National Defence Academy of Latvia Center for Security and Strategic Research Policy Paper, April. 2014. №2. 15 p., URL: <https://sldinfo.com/wp-content/uploads/2014/05/New-Generation-Warfare.pdf> (Accessed 03.03.2023).

22. Lasswell H.D. Propaganda technique in the word war. London; Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, Lid; New York, Alfred A. Knopf., 1927.

23. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Artamonova Yu.D. Contemporary state in the context of digital technological transformations: political opportunities, risks, and challenges. RUDN Journal of Political Science. 2022. Т. 24. №3. С. 351-366.

References

1. Biryukov S.V., Chirun S.N., Andreev A.V. Global'nyi publichnyi poryadok i ego izmeneniya // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2021. №59. S. 199-214.
2. Borshchenko V.V. Stsenarnoe modelirovanie informatsionno-politicheskikh ugroz v internet-prostranstve // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2020. №1(31). S. 72-77.
3. Bykov I.A., Kurushkin S.V. Voenkory kak professional'noe soobshchestvo zhurnalystov: problemy tipologizatsii. Zhurnalistika XXI veka: vozvrashchayas' k professional'noi ideologii. Materialy mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. Sankt-Peterburg, 2022. S. 43-46.
4. Volodenkov S.V. Politika v tsifrovom formate v issledovaniyakh rossiiskikh i zarubezhnykh uchenykh // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2022. T. 24. №3. S. 339-350.
5. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Pechenkin N.M. Vliyanie tsifrovoi sredy na sovremennoe mirovozzrenie: pro et contra // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2023. T. 25. №1. S. 113-133.
6. Gladchenko I.A. Novye podkhody k izucheniyu mobilizatsii v setevykh soobshchestvakh // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2019. T. 10. №2. S. 30-43.
7. Demin K.A., Pushkareva I.N., Tagil'tseva Yu.R. Komp'yuternye igry voennogo zhanra kak element propagandy v informatsionnoi voine Rossii i SShA // Politicheskaya lingvistika. 2016. №5(59). S. 110-116.
8. Krasovskaya N.R., Gulyaev A.A. K voprosu o sredstvakh povedencheskoi voiny // Vlast'. 2020. Tom 28. №1. S. 32-36.
9. Manoilo A.V. Informatsionnye diversii v konflikte na Ukraine. // Vestnik Akademii voennykh nauk. 2022. №4(81). S. 54-58.
10. Nedyak I.L. Prinuzhdenie, a ne ubezhdenie? // Vlast'. 2016. Tom 24. №8. S. 60-66.
11. Nikonov S.B. Informatsionnaya voina i propaganda: sootnosimost' kontseptov i kontseptual'nykh podkhodov // Zhurnalistyka - 2022: stan, prablemy i perspektyvy. Minsk, 2022. S. 211-214.
12. Pometun E., Gupan N. Istoriya Ukrainy: uchebnik dlya 11 klassov: uroven' standart, akademicheskii uroven'. Kiev, 2011. 343 s.

13. Rusakova O.F., Gribovov E.G., Moiseenko Ya.Yu. Diskurs politiki pamyati: issledovaniya simvolicheskikh aspektov // Diskurs-Pi. 2022. T. 19. №2. S. 154-171.

14. Sdel'nikov V.A. Kontsept «Putinizm» v zapadnoi politicheskoi nauke i periodike // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2017. T. 6. №2A. S. 422-430.

15. Turchenko F.G., Panchenko P.P., Timchenko S.M. Novgtnya ictopiya Ukrashi (1939-2001) // Idruchnik dlya 11-go kl. zagal'no osv. navch. zakl. K.: Geneza, 2001. 384 s.

16. Fedorchenko S.N. Nastuplenie metavselennoi: vozmozhnosti i ograni-cheniya tsifrovyykh tekhnologii v kupirovaniy riskov natsizma // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskoe nauki. 2022. №3. S. 21-38.

17. Tsarik V.S. Konstruirovaniye «gibridnoi voyny» v zapadnom informatsionnom prostranstve: osnovnyye stadii i sub"ekty // Vestnik RGGU. Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya». 2020. №3. S. 20-34.

18. Chirun S.N., Nikolaev A.V. Zaitseva V.A. Politicheskoe tekhnologii v setevoy real'nosti postmoderna // Vlast'. №3(26). 2018. S. 7-13.

19. Chirun S.N. Setevyye tekhnologii molodezhnoi politiki, kak mekhanizm aktualizatsii politicheskoi aktivnosti molodezhi v aspekte sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy: global'nyye vyzovy i ugrozy // Voprosy upravleniya. 2016. №2(39). S. 87-94.

20. Chirun S.N. Opyt uchastiya v rabote pyatoi mezhdunarodnoi konferentsii v gorode Torun' (Pol'sha) po izucheniyu postsovetskogo prostranstva Rossiya-blizhnee zarubezh'e – ES // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2017. №38. S. 229-240.

21. Berzins J. Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy, National Defence Academy of Latvia Center for Security and Strategic Research Policy Paper. 2014. №2. 15 p. URL: <https://sldinfo.com/wp-content/uploads/2014/05/New-Generation-Warfare.pdf> (Accessed 03.03.2023).

22. Lasswell H.D. Propaganda technique in the word war. London; Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, Lid; New York, Alfred A. Knopf., 1927.

23. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Artamonova Yu.D. Contemporary state in the context of digital technological transformations: political opportunities, risks, and challenges. RUDN Journal of Political Science. 2022. T. 24. №3. S. 351-366.

**А.В. Скиперских,
М. Епремян**

**A. Skiperskikh,
M. Epremyan**

**АРМЕНИЯ В 1990-Х ГГ.:
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ**

**ARMENIA IN THE 1990S:
A BRIEF HISTORY OF
THE LEGITIMATION
OF POWER**

Аннотация

Анализируется процесс становления и развития государственности в постсоветской Армении в 1990-х гг. Армянский случай, наряду с другими государствами постсоветского пространства имел много схожих черт. Вместе с тем он обладал и своими уникальными чертами, отражавшими специфическую историю Армении, трагический опыт Карабахского конфликта и активную роль военной элиты и интеллектуалов в процессе строительства новой государственности.

Исследуются электоральные кампании, происходившие в Армении, начиная с первых президентских выборов 1991 года, и, заканчивая легитимацией Р. Кочаряна. Результаты электоральных кампаний говорят в пользу формирующегося типа армянской демократии, во многом ориентированной на позицию семейных и олигархических кланов, мнение военной элиты. Показывается, как влиятельные силовики последовательно утверждаются у власти, чередуя военные и гражданские посты. Процесс партийного строительства также оказывался зависим от воли конкретных групп армянского политического класса. Отмечается и высокая зависимость результатов выборов от текущей экономической конъюнктуры. Важным обстоятельством поддержки нового экономического курса Р. Кочаряна мог стать достаточно мучительный опыт переживания инфраструктурных проблем в Армении в начале 1990-х гг. Делается вывод об особом легитимационном конструкте армян, чередующим в себе аффективное и когнитивное доверие.

Важным обстоятельством легитимации власти в Армении, равно, как и её делегитимации, выступает любая попытка

Abstract

The process of formation and development of statehood in post-Soviet Armenia in the 1990s is analyzed. The Armenian case, along with other states of the post-Soviet space, had many similarities. At the same time, it also had its own unique features, reflecting the specific history of Armenia, the tragic experience of the Karabakh conflict and the active role of the military elite and intellectuals in the process of building a new statehood.

The article examines the electoral campaigns that took place in Armenia, starting from the first presidential elections in 1991, and ending with the legitimation of R. Kocharyan. The results of electoral campaigns speak in favor of the emerging type of Armenian democracy. It largely oriented towards the position of family and oligarchic clans, the opinion of the military elite. It is shown how influential security officials are consistently established in power, alternating between military and civilian posts. The process of party building also turned out to be dependent on the will of specific groups of the Armenian political class. There is also a high dependence of the election results on the current economic situation. An important factor in supporting the new economic course of R. Kocharyan could be the rather painful experience of experiencing infrastructural problems in Armenia in the early 1990s. The conclusion is made about a special legitimation construct of the Armenians, alternating in itself affective and cognitive trust.

An important circumstance of the legitimation of power in Armenia, as well as its delegitimation, is any attempt to usurp power and form the preconditions for a

узурпировать власть и сформировать предпосылки для диктатуры. В статье приводится пример последствий фальсификаций на выборах, всякий раз создававших для власти искушение продления собственной политической жизни. Вместе с тем, подобные меры «захвата» власти не могут вызвать общественного одобрения, что делает любую власть «вне закона». Так было в случае второго президентского срока Л. Тер-Петросяна в 1996 году, когда введённое чрезвычайное положение смогло стабилизировать ситуацию в стране лишь на короткий период. В заключении приводятся факторы легитимации власти в Армении в 1990-е гг.

Ключевые слова:

Армения, власть, выборы, элита, легитимация, история, постсоветское пространство.

dictatorship. The article gives an example of the consequences of electoral fraud, which each time created a temptation for the authorities to prolong their own political life. At the same time, such measures of “seizure” of power cannot cause public approval, which makes any power “outlawed”. This was the case in the case of L. Ter-Petrosyan's second presidential term in 1996, when the introduced state of emergency was able to stabilize the situation in the country only for a short period.

In conclusion, the factors of legitimation of power in Armenia in the 1990s are given.

Key words:

Armenia, power, election, elite, legitimation, history, Post-Soviet space.

Армения на пороге перемен в начале 1990-х гг.

История становления и развития государственности в постсоветской Армении, возможно, похожа на кейсы других постсоветских государств, которым в определенный момент времени потребовалось достаточно быстро решать вопросы времени создания соответствующей государственной и политической инфраструктуры. Армянская история во многом могла быть приравнена к случаям других постсоветских республик, заявивших о собственных претензиях на государственность после распада СССР. Правда, в случае Армении были очевидные трудности на пути становления государственности, которые могли поставить под сомнение сроки и результативность политического перехода к демократии.

Становление любой государственности требует создания государственных и политических институтов. То, что когда-то рассматривалось частью республиканской власти в составе СССР, принадлежащая и использующаяся республиканской, областной и муниципальной властью инфраструктура в короткий срок стала частью новой государственности. Наряду с этим, сильный толчок к развитию могли получить политические институты – активная политическая жизнь в республике в конце 1980-х – начале 1990-х гг. не замедлила сказаться на активности политических сил, на их идеологическом разнообразии. Образ демократизации в начале 1990-х гг.

связывался именно с такой активностью, с конкурентными учредительными выборами.

Нужно понимать и еще одно важное обстоятельство, а именно, что политические реформы могли стать ответом на глубокий экономический и инфраструктурный кризис. Некоторые аналитики полагают, что кризис был наиболее глубоким по сравнению с другими постсоветскими республиками по причине отсутствия в Армении сырьевых ресурсов, за счёт которых происходит наполнение бюджета. Стагнация экономики была очевидной. В частности, армянский политолог А. Хачатрян отмечает, что ВВП Армении составлял 42% по сравнению с показателями 1989 года. К тому же, добавляет А. Хачатрян, кризисные проявления могли значительно усиливаться конфликтом с Азербайджаном и Турцией из-за проблемного вопроса Карабаха [21, с. 143].

Армения оказалась в транспортной блокаде. Появился дефицит продовольствия и промышленных товаров. Из-за перебоев с электроснабжением в государстве происходили перебои с электричеством. Повсеместным стало отключение света – в отдельные районы свет подавался строго по графику. Электроприборы потеряли свою функциональность. В городах привыкли к отсутствию газа. Еду готовили и разогревали на дровяных печах. В холодное время стало невозможным обогревать квартиры. В воспоминаниях некоторых очевидцев отмечается, что стратегическим товаром «стали парафиновые свечи и керосиновые лампы, но последние надо было еще где-то приобрести» [14]. Власть получала своё измерение в образе жизни, бытовой культуре, жизненном стиле, который обманчиво мог пониматься как пространство безвластия, будучи не чётко связанный с качеством самой власти и фигурами конкретных политиков. Таким образом, «власть гнездилась буквально повсюду», связываясь и сообщаясь со всем, к чему имел отношение отдельный индивид [2, с. 547]. В обществе витал страх за собственное будущее, но это страх мог иметь и мобилизационные, спаивающие эффекты. Как замечал С. Жижек, «страх может стать мобилизующим принципом» [6, с. 36]. В свою очередь, в подобные моменты количественные характеристики могут иметь значение – власть не может не чувствовать усиливающегося ропота масс, роста «чувства непреодолимого могущества» [10, с. 199-200].

В таких сложнейших условиях перед властью обозначался сразу целый комплекс проблем. С одной стороны, было необходимо предпринимать

максимум усилий для улучшения жизни общества, для нейтрализации последствий тяжелейшего инфраструктурного кризиса. С другой стороны, власть не могла обходиться без общественной поддержки – важнейшего условия политической легитимации. Власти требовались колоссальные усилия по обретению стабильности и позитивных оценок собственной деятельности на фоне коротких общественных ожиданий и ухудшения социально-экономических показателей. Планировать что-либо в подобной ситуации было по меньшей мере «неблагодарным» делом, и означало только повышение ответственности политика перед обществом за результаты проводимой политики. Французский политолог Ж. Сегела применительно к демократизирующимся государствам в начале 1990-х гг. отмечает общую растерянность, ведь новое десятилетие «не выдвинуло никакой новой модели общества» [16, с. 126]. Отсюда, с новой властью могли связываться надежды на улучшение текущей ситуации, правда, в подобных условиях сроки терпения не могли быть сколько-нибудь длительными.

Интеллектуалы и власть в Армении в 1990-е гг.

В исследовании армянского политолога А. Маркарова можно увидеть, как конструировались политические фланги вначале 1990-х гг. в Верховном Совете Республики. Исследователь отмечает, как в период с 1992 – по 1995 гг. было сформировано пропрезидентское большинство вокруг Левона Тер-Петросяна – первого Президента Армении, избранного 17 октября 1991 года [11, с. 37]. На тот момент времени – Л. Тер-Петросян был популярным армянским политиком, возглавлявшим Верховный Совет Республики Армения и влиятельным общественным деятелем, заострявшим внимание на проблеме Нагорного Карабаха. Л. Тер-Петросян к тому же позиционировался и как видный интеллектуал, доктор филологических наук, имевший преподавательский опыт. Правда, как склонны отмечать некоторые политологи, рост популярности Л. Тер-Петросяна происходил во многом из-за достаточно терпимого отношения к нему со стороны влиятельной республиканской коммунистической номенклатуры. В частности, С. Шкель отмечает, что «коммунистический истеблишмент довольно сочувственно относился к демократическому движению и фактически выступал его союзником» [23, с. 160].

Армянский кейс прекрасно иллюстрирует ситуацию, как в период становления демократических институтов важное место в производстве новых смыслов и идей могут занимать интеллектуальные силы.

Некоторые армянские политологи обращают внимание именно на данную особенность конструирования армянской политической элиты на раннем этапе демократизации, отмечая, что она была сформирована из интеллектуалов. А. Искандарян отмечал, что «армянскую постсоветскую революцию называли «революцией математиков». Идеологи и лидеры карабахского движения, из чьих рядов главным образом выдвинулось первое руководство независимой Армении, принадлежали к оппозиционно настроенной интеллигенции. Примечательно, что многие из них имели московское и ленинградское образование, что могло увеличивать доверие к ним, как к архитекторам будущих реформ. В условиях политического кризиса именно интеллигенция сумела сыграть роль генератора сопротивления, создателя идеологий, механизмов и технологий для разрушения закостеневших структур советской власти, совершенно не приспособленных к решению проблем типа карабахской» [7, с. 23]. В тот момент именно армянские интеллектуалы смогли убедить общество в том, что текущие проблемы, с которыми сталкивалась Армения в конкретный момент времени, связываются с Карабахом.

Важность нового мышления, ломающего традиционные стереотипы и рамки, отмечалась Д. Нортон: «институты делают идеи, догмы, экстравагантные убеждения и идеологии важным источником институциональных изменений. В свою очередь, более глубокое понимание институциональных изменений требует и более глубокого — чем то, которое мы сейчас имеем — понимания того, что же именно поддерживает существование идей и идеологий» [12, с. 111]. Интеллектуалы могли понимать накопившиеся в Армении проблемы, скорее всего, более глубоко и системно, поэтому именно их роль могла быть едва ли не ключевой при систематической актуализации проблемы Карабаха. Обществу требовалось постоянно объяснять текущую политическую ситуацию, выстраивая в ней причинно-следственные связи. Армянские политологи указывают на это. Именно данная проблема исторически занимала важное место в политическом процессе на ранних стадиях становления государственности, определяя «многие особенности внутренней и внешней политики современной Армении», — убеждён армянский политолог А. Искандарян [7, с. 19]. Роль интеллектуа-

лов некоторым авторам кажется несколько преувеличенной. Среди армянских политологов существует и такой взгляд, что «в окопы карабахской войны полезли не они, а в основной массе пострадавшая от шоковой терапии разношёрстая масса людей (от безработных художников до уголовников)» [15, с. 59].

Связь с войной давала определённый легитимационный капитал, которым пытались воспользоваться многие политики. Легитимационный потенциал для дальнейшего продвижения в армянской политике мог получить тот лидер, который не побоялся бы открыто заявить об этой проблеме, доказать своё личное участие в ней, равно, как и предложить быстрое и конструктивное решение.

Важной деталью биографии нового армянского президента был тюремный срок, полученный им за деятельность «Армянского общенационального движения» и комитета «Карабах». Поддержка Л. Тер-Петросяна на первых выборах была внушительной. За него отдали свои голоса 87% избирателей. Занявший второе место – С. Саркисян, представлявший старейшую армянскую политическую партию националистического толка «Дашнакцутюн», занял второе место с результатом около 4% голосов. Несколько других кандидатов набрали голосов ещё меньше, чем лидер «Дашнакцутюна» [19, с. 768]. Для «Дашнакцутюна» такой результат мог выглядеть очень неожиданным, что привело к потере надежды данной партией к приходу к власти с помощью легальных политических практик. Спустя некоторое время деятельность «Дашнакцутюн» была запрещена Л. Тер-Петросяном ввиду её радикальных устремлений и агрессивной риторике, угрожавшей международной легитимации Армении. Тем не менее, в отдельных моментах, потенциал партии мог использоваться оппонентами президента. Определённая популярность партии как будто бы намекала на её возвращение в легальный политический процесс после ухода Л. Тер-Петросяна. Так и произошло. «Дашнакцутюн» в конце 1990-х гг. вернулась в политическое пространство Армении и приняла участие в выборах в Национальный совет Армении в 1999 году, получив там политическое представительство. В политическом дискурсе современной Армении «Дашнакцутюн» ассоциируется ещё с терактом 27 октября 1999 году в Национальном собрании Армении, когда один из её бывших членов, студенческий активист периода движения «Карабах» Н. Унанян открыл огонь в зале парламента. Тогда погибли спикер Национального собрания К. Де-

мирчян и премьер-министр В. Саркисян и ещё несколько высокопоставленных армянских политиков.

Политический процесс на ранней стадии развития государственности в Армении происходил с очевидными элементами конкуренции. Легитимация власти в Армении предполагала, что в республике не было какой-либо политической силы, которая могла бы максимально удовлетворить общественные ожидания. Сторонникам президента постоянно приходилось преодолевать позицию меньшинства, и это было не так уж и просто, ведь за этим меньшинством стояли сторонники. Парламентская оппозиция, несмотря на дефицит ресурсов, призывала прислушиваться и к собственной точке зрения. На наш взгляд, такая ситуация во многом могла создаваться интеллектуалами, прекрасно понимавшими важность дискуссий по поводу ограничений президентской власти в рамках Конституции Республики Армения. В частности, это подтверждает М. Хачатрян, отмечая актуальную на тот период времени дискуссию о «полномочиях президента и характере его взаимоотношений с парламентом и правительством» [22, с. 59].

Электоральные циклы в современной Армении: начало

Первые президентские выборы в Армении 16 октября 1991 г. выиграл Л. Тер-Петросян, набрав 87% голосов избирателей [19, с. 768]. На тот момент времени Л. Тер-Петросян был влиятельным и узнаваемым политиком, сумевшим завоевать доверие армян и заставить их поверить в Армению, как независимое государство. Вокруг президента постепенно образовалось политическое большинство, правда, к концу первого президентского срока оно начало постепенно таять.

Противоречия между пропрезидентским большинством и меньшинством, видевшим парламент в качестве более авторитетного политического актора, проявились в результатах парламентских выборов и всенародного референдума по принятию Конституции Республики Армения. Более 2/3 (около 68%) принявших участие в голосовании 5 июля 1995 года выступили в поддержку Конституции. За Конституцию высказались 70,31% пришедших на референдум. Против – 29,69%. В голосовании по Конституции Республики Армения мы не увидим какого-либо подавляющего консенсуса, характерного для голосования по типу референдума, где проигравшая позиция может набирать какие-то «микроскопические» проценты [19, с. 767-

768]. Забегая вперед, отметим, что данная Конституция просуществовала более 10 лет.

В июле 1995 года состоялись и первые выборы в Национальный совет Армении. По его итогам политическое представительство получилось довольно мозаичным. Следует выделить результаты, полученные Республиканским блоком (альянс с Армянским освободительным движением). Республиканский блок набрал 43,9% голосов избирателей, конвертировавшихся в 119 депутатских мандатов. Вместе с ним в Национальный совет вошло несколько и других объединений, среди которых следует выделить и «Женский союз», набравший 17,36% голосов избирателей (8 мандатов). При этом 45 депутатских мандатов, доставшихся независимым депутатам [19, с. 769]. Армянское политическое поле получило достаточно сложную структуру. Как некогда отметил П. Бурдые, за политическим определением стоит «предшествующая история поля производства» - накопленные политические вкусы, пристрастия и политические мнения [3, с. 85].

За парламентскими выборами 1995 года на следующий год должны были последовать новые выборы президента. Вторая президентская кампания в странах, вступивших на путь демократического транзита, почти всегда является определяющей. Вторые президентские выборы либо закрепляют демократические достижения системы, либо фиксируют президентскую власть, медленно сокращая возможности демократии. К слову, подобное сокращение общественных прав и свобод со временем может стать культурной нормой, став вполне обыкновенной практикой, отмечают польские исследователи М. Карват и В. Милановский [8, с. 136]. В этом как раз и заключается опасность.

Применительно к Армении вторая президентская кампания поставила под сомнение вероятность достижения демократических реформ. Показательно, что Л. Даймонд называл Армению в числе государств, где «в 1995 году, вследствие запугивания, фальсификаций и ограничения (а то и полной отмены) права оппозиционных сил на организацию и участие в состязании, выборы выродились в "электоральный фарс"» [4, с. 10-26].

На ранних этапах перехода всегда находится место популистским заявлениям и обещаниям, и общество склонно поверить им. Ситуация в Армении, вероятно, не является исключением. Легитимация власти происходила при непосредственном участии общества, как в революционные моменты, так и на учредительных выборах. Легитимация новой элиты прино-

сит с собой и новые проблемы, так как у избранных во власть политиков не всегда хватает смелости оценить собственные перспективы и честно объяснить обществу грядущие трудности. Неслучайно, на целом ряде исследованных кейсов такую проблему объясняет А. Пшеворский. В тот момент, когда следуют обещания быстрых улучшений, но ситуация при этом не меняется, общество быстро может поставить под вопрос «компетенцию правительства, даже, несмотря на его, возможно, честные намерения и добросовестность» [13, с. 258-259].

Между аффектом и эмоцией: армянский легитимационный конструкт в 1990-х гг.

Свойственная для армян эмоциональность и желание получить быстрый результат, вероятно, могли формировать очень короткие во времени политические ожидания. Именно здесь можно следует искать источники нетерпимости в отношении тех акторов, чья политика не оправдала себя.

В случае Армении следует выделить два способа конструирования доверия к тому или иному объекту, которые могут актуализироваться в периоды становления политических институтов. Американский исследователь Д. Макалистер, разделяя доверие на два типа – аффективное и когнитивное.

Аффективное доверие связывается с эмоциональным фоном, носит «случайный» характер, а также может создаваться в сообществах, с которыми у индивида или группы уже налажена прочная, историческая связь. Применительно к армянскому кейсу такими сообществами могут выступать диаспоры, профессиональные, городские и сельские сообщества и т.д. Склонность к воспроизводству аффективного доверия может базироваться и на отдельных элементах национальной психологии. Здесь важную мысль можно увидеть в рассуждениях армянского политолога Г. Саркисяна, отмечающего, что «стремление армян к несравненности заложено в их генотипе» [15, с. 58]. Всё это свидетельствует о сильной эмоциональной компоненте, которая сопровождает процесс принятия и реализации политических решений. Собственное мнение и оценки политической действительности практически зачастую вступают в конфликт с теми установками, которые исходят от самой власти. Если власть не пользуется доверием, если с ней не связываются общественные ожидания, то она крайне быстро способна утрачивать свой авторитет в глазах населения. Такое поведение мо-

жет быть вполне характерно для кризисов, поэтому, для Армении оно выглядит вполне себе предсказуемым.

Когнитивное доверие базируется на понимании того или иного объекта, как профессионального и компетентного, способного выступить в сложной ситуации своеобразным «кризисным менеджером» [24, с. 24-59]. Именно так могло конструироваться доверие применительно к знаковым фигурам армянского политика, наращивающим легитимность с помощью собственных политических действий, равно, как и используя высокие общественные ожидания. Когнитивное доверие является как бы ответом на профессиональный образ конкретного политика, что приводит в действие механизмы персонифицированной легитимации, о чём уже высказывались некоторые авторы [18]. Можно увидеть двоякий процесс, когда, с одной стороны, политика маскирует конкретная профессия, а с другой стороны, сам политик маскирует свои ресурсы и профессиональный бэкграунд, оставляя их в тени собственной политической и гражданской успешности. Следует отметить ещё и тот факт, что по мере развития демократии растут возможности и конкретного индивида в свободе выбора, в личных решениях. Общество постепенно начинает сравнивать жизненные модели до выборов конкретного состава политиков и качества жизни при них, равно, как и планировать собственный политический выбор на будущее. Как некогда отмечал Н. Луман, «по мере развития селективного сознания всё более осознаётся и связанный с ним риск» [10, с. 126]. Таким образом, даже рассуждая достаточно прогрессивно, общество может высказаться в пользу проводимой политики достаточно консервативно, предпочтя «синицу в руках». Нужно отметить, что такие стратегии могут быть характерны не только для Армении, но и для других государств. В частности, и России, на которую Армения во многом ориентируется [5, с. 28-31].

В периоды политической неопределённости практики легитимации могут варьироваться от аффективных, подчас сумбурных и основанных на эмоциях действиях – до когнитивных, когда процесс наделения власти основывается в большей степени на рациональной аргументации. Практики легитимации могут являть собой причудливый микст из аффективных и когнитивных действий. В Армении, где повседневная и политическая жизнь сильно зависит от роли диаспор и межгрупповых отношений, практики легитимации, скорее всего, могли носить преимущественно аффективный характер.

Следует понимать, что ситуация пришествия новой власти, сменяющей старую, дискредитировавшую себя элиту, изначально может быть революционной, а значит, нести в себе высокий эмоциональный фон и связываться с иррациональными действиями. Благоприятные настроения масс в периоды политического перехода не могут не чувствоваться и самим политическими лидерами, пытающимися заручиться поддержкой со стороны широких общественных масс. Это усиливает роль манипулятивной компоненты в практиках собственной легитимации.

В свою очередь, усталость от несбывшихся надежд с высокой долей вероятности может отвлечь избирателя от тех политических сил, которые им до этого поддерживались.

Доказывают политические эффекты от разочарований и несбывшихся надежд вторые президентские выборы, состоявшиеся в сентябре 1996 года. Победа Л. Тер-Петросяна уже не выглядела столь убедительной, как в 1991 году. Нужно понимать, что и общество, избиравшее его, уже было совершенно другим. Л. Тер-Петросян набрал 51,76% голосов избирателей. Прямой конкурент – представитель «правых» сил в альянсе Национально-демократического союза Вазген Манукян набрал 41,29% голосов избирателей [19, с. 768].

В. Манукян, равно, как и Л. Тер-Петросян занимал активную позицию в карабахском движении и имел репутацию политического заключённого, арестованного по делу движения «Карабах» в 1988 г. Сближал двух основных претендентов на президентский пост и интеллектуальный бэкграунд. В Манукян родился в семье влиятельных интеллектуалов, закончил МГУ и имел учёную степень кандидата физико-математических наук. Как мы можем увидеть, тема Карабаха является системообразующей в легитимации политической элиты в 1990-х гг.

Президентские выборы 1996 года. омрачились скандалами и обвинениями проигравшей стороны в фальсификациях. В. Манукян лично принимал участие в оспаривании результатов выборов, настаивая на пересчёте голосов [25].

После выборов начались беспорядки, последовали столкновения сторонников оппозиции с силовиками. Ситуация зашла настолько далеко, что Л. Тер-Петросян был вынужден ввести чрезвычайное положение. Таким образом, сложилась ситуация, которую итальянский политический философ Д. Агамбен, изучавший многочисленные практики чрезвычайного по-

ложения, определил, как «совершенно безнаказанное пренебрежение нормативным характером права и принесением его в жертву своему произволу» [1, с. 135].

Иными словами, чрезвычайное положение любой глава государства может использовать как шанс для закрепления у власти, равно, как и успокоения оппозиции с помощью силы. Именно это мы могли и увидеть на примере драматических событий осени 1996 года в Армении. У подобных жёстких мер в обществе всегда находятся и сторонники. Л. Тер-Петросян, скорее всего, не мог не понимать ценности стабильного существования для армянского общества, которое в начале 1990-х гг. пребывало в состоянии кризиса. Тем самым, политика президента по купированию кризисных проявлений могла быть легитимирована частью армянского электората.

Президентство Л. Тер-Петросяна продлилось до 3 февраля 1998 года, когда Парламент Армении принял его отставку с поста президента. Таким образом, были назначены новые президентские выборы. Отставка Л. Тер-Петросяна – опытного политика, сумевшего выйти из непростой ситуации после вторых президентских выборов с обвинений в фальсификациях, показывала глубину политического кризиса, в котором оказалась Армения, равно, как невозможность его преодоления привычными для Л. Тер-Петросяна мерами урегулирования. Карабахский конфликт снова начал обостряться и все предложения по его урегулированию казались проигрышными и всё сильнее ослабляли президента. Общество накопило в себе усталость от его правления, что моментально сказывалось на дефиците его легитимности. В середине 1990-х гг. стали постепенно набирать силу и другие политики, политические тезисы которых смотрелись более привлекательно. К слову, проблема Карабахского конфликта получала новую актуализацию, используя оппонентами Л. Тер-Петросяна.

В конце 1990-х гг.: Армения при Р. Кочаряне

Для Армении 1990-х гг. был характерен достаточно разнообразный политический спектр, который представляли как крайние националистические, так и коммунистические, социальные и либеральные политические проекты. Все партии с переменным успехом могли заявлять о себе, принимая участие в электоральных кампаниях различных уровней. Партии могли конструироваться как вокруг какой-либо идеологии и важных вопросов исторической повестки, равно, как и вокруг влиятельных фигур армянско-

го политикума на конкретный момент времени. Состав политической партии мог сильно зависеть от определенно семейного клана. Политическая и партийная жизнь стала пониматься в рыночном смысле, как поле для торговли, что обусловило соответствующее восприятие политики.

Требования либерализации политического пространства в 1990-е гг. могли справедливо находить своих критиков, равно, как и сторонников, что не могло не сказываться на конфигурации политико-партийного спектра.

Что-то подобное мы можем увидеть и на примере президентских выборов 16 марта 1998 г. Конкуренция была достаточно высокой, и в первом туре ни одному из кандидатов не удалось набрать больше половины голосов избирателей. Во второй тур выборов вышли бывший партийный функционер К. Демирчян, представлявший Социалистическую партию и Р. Кочарян от Армянского общенационального движения. Биография Р. Кочаряна так же включала в себя длительный период пребывания в советской партийной номенклатуре, равно, как и последующую политическую активность в Карабахе. Он был президентом непризнанной Нагорно-Карабахской республики и после этого премьер-министром Армении.

В результате выборов во втором туре победу одержал Р. Кочарян с результатом 59,48% голосов избирателей, став новым президентом Республики Армения.

В данной кампании снова обращают на себя внимание достаточно высокие разрывы в голосах избирателей, отданных за одного и другого кандидата. Принципиален и сам факт второго тура, говорящего о том, что с симпатиями общества всё было не так однозначно. Мы можем увидеть, как кандидаты одинаково «добирали» голоса во втором туре. Легитимация Р. Кочаряна происходила в условиях, когда, по меньшей мере, половина аудитории избирателей его не поддерживала. В то же время его связь с Карабахом придавала его политической кампании довольно серьёзный легитимационный потенциал.

Спецификой периода 1990-х гг. в армянском политическом процессе также может быть частая смена политиками политических партий. Показательна ситуация с занявшим на 2-е место К. Демирчяном. Сразу после мартовских выборов 1998 года он оставляет проект «Социалистической партии» и создаёт «Народную партию», базирующуюся на принципах демократического социализма. Публичного капитала у К. Демирчяна было на тот момент времени достаточно, к тому же он набрал высокий результат на

прошедших выборах. В результате К. Демирчян избирается в Национальный совет Армении на выборах 30 мая 1999 г. в качестве обычного депутата, и, впоследствии, в результате аппаратных договорённостей становится спикером Национального совета Армении. Как уже было отмечено выше, К. Демирчян станет жертвой теракта, произошедшего в Национальном совете Армении 27 октября 1999 г.

Некоторые армянские политологи склонны считать, что восстановление армянской экономики и относительное налаживание жизни могло происходить именно в период правления Р. Кочаряна. Сравнение с последним сроком правления Л. Тер-Петросяна, связывавшегося со скандальной кампанией 1996 года и не сумевшего выправить ситуацию в стране, могло выглядеть, в первое время, более или менее убедительно. В частности, отмечая достижения Р. Кочаряна, указывалось, что «новая экономика оказалась более конкурентноспособной, нежели была непосредственно после распада СССР. В первую очередь, это выражается в снижении ресурсоемкости: имея тот же объем ВВП, страна потребляет в два с половиной раза меньше электроэнергии и почти в три раза меньше газа, чем в советское время», – как отмечает А. Хачатрян [21, с. 143].

В Армении стала снижаться зависимость от внешнего рынка. Внутренний рынок стал в большей степени ориентироваться сам на себя. Система начала функционировать инверсионно, медленно преодолевая накопленные проблемы. На это могло потребоваться некоторое время, и основной вопрос мог заключаться в том, хватит ли у армянского избирателя запаса доверия к новой политике.

Результативность экономической политики Р. Кочаряна могла восприниматься и с достаточной долей скепсиса. В частности, некоторые авторы считают, что то, что ставится в заслугу армянскому президенту, на самом деле, является лишь повторением уже пройденного, выходом на предшествующие показатели [15, с. 62].

Любой армянский политик сталкивается с проблемой коротких общественных ожиданий, когда общество ждёт от него едва ли не немедленных результатов деятельности по принципу «здесь и сейчас». В то же время, как отмечал А. Пшеворский, «структурные трансформации экономики – это прыжок в омут: народ не знает, где дно и на сколько ему придётся задерживать дыхание» [13, с. 258]. В случае Армении, как уже отмечалось нами, существовала необходимость масштабных реформ, требующих значитель-

ной либерализации экономики, а у таких непопулярных мер не может быть много сторонников. Некоторые армянские политологи склонны считать, что следствием подобной либерализации явились новые возможности для «теневого бизнеса, которым и занялось новое руководство» [15, с. 59]. Таким образом, армянские политики изначально не имеют долгосрочной перспективы нахождения у власти – рано или поздно, им приходится уступать место более динамичным и агрессивным конкурентам, эффективно подогревающим общественные настроения в пользу смены власти.

Как отмечает С. Шкель, легитимации Р. Кочаряна в 1998 году. способствовал и фактор силовиков [23, с. 261].

Будущему президенту Армении удалось заручиться поддержкой влиятельных фигур в силовом корпусе Армении – министром обороны Вазгена Саркисяна и министра национальной безопасности и внутренних дел Сержа Саркисяна. Этому способствовала, и личная биографическая история Р. Кочаряна могла способствовать его постепенному утверждению во власти как силовика. Предваряя следующий параграф нашего диссертационного исследования, обратим внимание и на тот факт, что сменивший Р. Кочаряна в 2008 году. С. Саргсян, имел так же опыт управления ключевыми силовыми ведомствами.

Среди армянских политологов политическое лидерство Р. Кочаряна может рассматриваться и в контексте теории последователей, согласно которой Р. Кочарян изначально приходил к власти, движимый интересами влиятельных покровителей – президента Л. Тер-Петросяна и министра обороны В. Саркисяна, представляя собой синтез «фронтовика и интеллигента» [15, с. 60].

Следует отметить, что на постсоветском пространстве силовики продолжают обладать огромными ресурсами, нередко не вмешиваясь во власть, но позиционируя себя таким образом, что без консенсуса с ними будет невозможно претендовать на что-то серьёзное. Особенно это может быть актуальным в республиках, где не сформирован влиятельный олигархат по причине отсутствия ресурсно-сырьевой базы. Таким образом, у политических сил, приходящих к власти, просто-напросто отсутствует постоянная экономическая подпитка. Новая элита, сформировавшаяся в Армении с приходом Р. Кочаряна, пыталась «добиться полного доминирования» [23, с. 261].

В период президентства Р. Кочаряна так и происходило. Хотя, поначалу, утверждение Р. Кочаряна в должности президента Армении встречало на своём пути значительное сопротивление. С легитимацией Р. Кочаряна никуда не исчезла мозаичность армянского политического спектра. В первые годы своего президентства Р. Кочаряну пришлось вступить в политическое противостояние со своим оппонентом на прошедших президентских выборах – К. Демирчяном, которого поддержал министр обороны В. Саркисян. Стоит отметить, что для Армении временные альянсы бывших политических оппонентов не представляются чем-то неестественным. Только со временем, благодаря определённому стечению обстоятельств, используя «теневые властные рычаги и поддержку из Москвы» Р. Кочаряну удалось укрепить свою позицию, и начать постепенно выстраивать режим личной власти [15, с. 60].

Общество не могло не замечать авторитарных тенденций режима Р. Кочаряна. Правда, как показывает армянский исследователь А. Халатян, что «рост благосостояния населения немного сглаживал недовольство общества авторитарными методами правления Р. Кочаряна и коррумпированной и неэффективной властной системой» [20].

Одним из самых значительных факторов, учитывавшихся при принятии политических решений как правящими, так и оппозиционными акторами в Армении был фактор Карабахской войны. Огромная часть мужского населения Армении прошла через эту кампанию, выйдя из неё с определённым символическим капиталом, который легко капитализировался в политическую поддержку. Власть не могла не учитывать требования фронтовиков, которые постепенно интегрировались в правящую элиту, занимая ключевые посты в силовых структурах. Альянсы власти с силовиками, равно, как и с недавними политическими оппонентами станут характерной чертой конструирования армянского политикума в 1990-х гг.

Не менее серьёзной оказалась проблема экономического положения Армении. Глубокий инфраструктурный кризис парализовал нормальную жизнь государства, раздражая общество, и минимизируя доверие к власти. Большое значение при этом могла иметь социально-психологическая характеристика самих армян. На фоне коротких ожиданий перемен требовалось найти оптимальную комбинацию эмоциональной и когнитивной компоненты легитимации. Требовались быстрые решения, способные нормализовать текущую ситуацию. Поэтому, легитимация власти могла зависеть от

организаторских и диспетчерских функций власти, способной, как минимум, на определённый момент времени, навести порядок в республике, и подготовить государство к реформам.

Среди факторов легитимации политической власти в Армении в 1990-х гг. следует выделить заметную роль конкретных акторов. Среди них очевидна роль интеллектуалов, выступавших интерпретаторами текущей политической повестки и архитекторами политических действий. Будучи выходцами из СССР, бывшие частью советского проекта с его философией и эстетикой, многие армяне могли сохранять неверие в силу «собственного мышления» [17, с. 30]. Нельзя умалять и роль бывшей партийной номенклатуры, заявившей о себе после отставки Л. Тер-Петросяна, и добившейся инкорпорации во власть. Также, следует обратить внимание на влиятельных силовиков и военных, проявивших себя в новых электоральном цикле. Как можно увидеть, крупные фигуры армянских военных со временем превратятся в публичных политиков. В случае Армении заметную роль всегда играли оппозиционные политики, не позволявшие избранным политикам чрезмерно засиживаться у власти.

Литература

1. Агамбен Д. Homo Sacer. Чрезвычайное положение. Москва: Изд-во «Европа», 2011. 147 с.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, Универс, 1989. 336 с.
3. Бурдые П. Социология политики. Москва: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. Политические исследования. 1999. №1. С. 10-26.
5. Епремян М.А. Взаимосвязь консервативной идеологии с циклами политического реформирования в России // Социально-политические науки. 2019. №3. С. 27-31.
6. Жижек С. О насилии. Москва: Европа, 2010. 184 с.
7. Искандарян А. Армения между автократией и полиархией // Pro et Contra. 2011. Май–август. С. 19-28.
8. Карват М., В. Милановский. Политические действия как элемент системы общественной практики // Элементы теории политики / Под ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1991. 448 с.
9. Лебон Г. Психология народов и масс. Челябинск: Социум, 2010. 379 с.

10. Луман Н. Власть. Москва: Праксис, 2001. 256 с.
11. Маркаров А. Институциональная трансформация в Армении в 1990-2010 гг. // Вестник Ереванского университета. 2011. №6(156). С. 35-47.
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Начала, 1997. 180 с.
13. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Москва: Росспэн, 2000. 320 с.
14. Рассказ про тёмные годы // ЖЖ (livejournal.com). URL: <https://vbulahtin.livejournal.com/821691.html> (дата обращения 07.04.2023).
15. Саркисян Г. Армения на пороге «бархатной революции» // Политический класс. 2006. №9(21). С. 58-70.
16. Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. Москва: Вагриус, 1999. 263 с.
17. Скиперских А. Воображённое общество: политические этюды и интерпретации. Липецк: Гравис, 2021. 56 с.
18. Скиперских А.В. Персонафицированная легитимность // Свободная мысль. 2005. №8. С. 191-204.
19. Танин-Львов А.А. Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник. Москва: РОССПЭН, 2001. 1112 с.
20. Халатян А. Фатальные ошибки Сержа Саргсяна // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fatalnye-oshibki-serzha-sargsyana/> (дата обращения 26.04.2023).
21. Хачатрян А. Армения: вызовы экономике в период «смены караула» // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №2(50). С. 142-150.
22. Хачатрян М.В. Политико-институциональная трансформация в Армении в 1990-2012 гг. // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2013. №3. С. 55-66.
23. Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. Уфа: Гилем, 2014. 352 с.
24. McAllister D.J. Affect and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations // Academy of Management Journal 1995. №38(1). P. 24-59.
25. 1996-ի սեպտեմբերի 25-ը // Армянский исследовательский центр Ани. URL: <https://www.aniarc.am/2020/09/25/1996-sept-25-attack-parliament/> (дата обращения 27.03.2023).

References

1. Agamben D. Homo Sacer. Chrezvychainoe polozhenie. Moskva: Izd-vo «Evropa», 2011. 147 c.
2. Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. Moskva: Progress, Univers, 1989. 336 c.
3. Burd'e P. Sotsiologiya politiki. Moskva: Socio-Logos, 1993. 336 c.
4. Daimond L. Proshla li «tret'ya volna» demokratizatsii? // Polis. Politicheskieskie issledovaniya. 1999. №1. S. 10-26.
5. Epremyan M.A. Vzaimosvyaz' konservativnoi ideologii s tsiklami politicheskogo reformirovaniya v Rossii // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2019. №3. S. 27-31.
6. Zhizhek S. O nasilii. Moskva: Evropa, 2010. 184 s.
7. Iskandaryan A. Armeniya mezhdru avtokratiei i poliarkhieii // Pro et Contra. 2011. Mai-avgust. S. 19-28.
8. Karvat M., V. Milanovskii. Politicheskieskie deistviya kak element sistemy obshchestvennoi praktiki // Elementy teorii politiki / Pod red. V.P. Makarenko. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1991. 448 s.
9. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. Chelyabinsk: Sotsium, 2010. 379 s.
10. Luman N. Vlast'. Moskva: Praxis, 2001. 256 s.
11. Markarov A. Institutsional'naya transformatsiya v Armenii v 1990-2010 gg. // Vestnik Erevanskogo universiteta. 2011. №6(156). S. 35-47.
12. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. Moskva: Nachala, 1997. 180 s.
13. Pshevorskii A. Demokratiya i rynek. Politicheskieskie i ekonomicheskieskie reformy v Vostochnoi Evrope i Latinskoi Amerike. Moskva: Rosspen, 2000. 320 s.
14. Rasskaz pro temnye gody // ZhZh (livejournal.com). URL: <https://vbulahtin.livejournal.com/821691.html> (data obrashcheniya 07.04.2023).
15. Sarkisyan G. Armeniya na poroge «barkhatnoi revolyutsii» // Politicheskii klass. 2006. №9(21). S. 58-70.
16. Segela Zh. Natsional'nye osobennosti okhoty za golosami. Moskva: Vagrius, 1999. 263 s.
17. Skiperskikh A. Voobrazhennoe obshchestvo: politicheskieskie etyudy i interpretatsii. Lipetsk: Gravis, 2021. 56 s.

18. Skiperskikh A.V. Personifitsirovannaya legitimnost' // Svobodnaya mysl'. 2005. №8. S. 191-204.
19. Tanin-L'vov A.A. Vyborny vo vsem mire. Elektoral'naya svoboda i obshchestvennyi progress. Entsiklopedicheskii spravochnik. Moskva: ROSSPEN, 2001. 1112 s.
20. Khalatyan A. Fatal'nye oshibki Serzha Sargsyana // RSMD. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fatalnye-oshibki-serzha-sargsyana/> (data obrashcheniya 26.04.2023).
21. Khachatryan A. Armeniya: vyzovy ekonomike v period «smeny karaula» // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2007. №2(50). S. 142-150.
22. Khachatryan M.V. Politiko-institutsional'naya transformatsiya v Armenii v 1990-2012 gg. // Vestnik RUDN. Ser. Politologiya. 2013. №3. S. 55-66.
23. Shkel' S.N. Postsovetskii avtoritarizm v sravnitel'noi perspektive. Ufa: Gilem, 2014. 352 s.
24. McAllister D.J. Affect and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations // Academy of Management Journal 1995. №38(1). P. 24-59.
25. 1996-ի սեպտեմբերի 25-ը // Armyanskii issledovatel'skii tsentr Ani. URL: <https://www.aniarc.am/2020/09/25/1996-sept-25-attack-parliament/> (data obrashcheniya 27.03.2023).

**О.Е. Гришин,
А.В. Канушкин**

**O. Grishin,
A. Kanushkin**

**ЦИФРОВАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ
ЭКОНОМИКИ КАК
СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ
ДЛЯ НЕМЕЦКИХ
ПРОФСОЮЗОВ**

**DIGITAL
TRANSFORMATION OF
THE ECONOMY AS A
SOCIO-POLITICAL
CHALLENGE FOR GERMAN
TRADE UNIONS**

Аннотация

В статье рассмотрена цифровая трансформация экономики в Федеративной Республике Германия в части создания новых форм платформенной занятости с точки зрения социально-политических последствий. Продемонстрирована низкая социальная защищенность лиц, вовлеченных в соответствующие трудовые отношения. На примере продолжающихся более 10 лет попыток Объединенного профсоюза сферы услуг (ver.di) добиться улучшения условий труда для сотрудников немецкого подразделения онлайн-ритейлера Amazon демонстрируются формы и методы борьбы, применяемые профсоюзами. Сделаны выводы об их недостаточной эффективности и проанализированы причины такого положения. Кейс Amazon - ver.di аргументированно представлен как эталонный для оценки положения в отрасли вообще. Выдвинуто предположение о «порочном круге» профсоюзного движения в ФРГ: снижение эффективности работы вызывает отток сторонников, что, в свою очередь, неминуемо приводит к дальнейшему снижению влияния.

Ключевые слова:

платформенная занятость, цифровой пролетариат, профсоюзы, забастовочное движение, политические акторы.

Abstract

The article examines the digital transformation of the economy in Germany in terms of creating new forms of platform employment from the point of view of socio-political consequences. The low social security of persons involved in the relevant labor relations has been demonstrated. The forms and methods of struggle used by trade unions are demonstrated by the example of the attempts of the United Trade Union of the Service Sector ver.di to improve working conditions for employees of the German division of the online retailer Amazon for more than 10 years. Conclusions are drawn about their insufficient effectiveness and the reasons for this situation are analyzed. The Amazon - ver.di case is argumentatively presented as a reference for assessing the situation in the industry in general. The assumption has been made about a "vicious circle" of the trade union movement in Germany: a decrease in the efficiency of work causes an outflow of supporters, which, in turn, inevitably leads to a further decrease in influence.

Key words:

platform employment, digital proletariat, trade unions, strike movement, political actors.

Актуальность темы исследования непосредственно связана с характером влияния цифровых трансформаций на жизнь современного мира: цифровизация не только активно и быстро проникает в различные общественные отношения, но и способна их качественно преобразовывать. Полагаем, что современные информационные технологии как основа экономических преобразований одновременно становятся движущей силой тектонических социальных сдвигов, которые, ввиду масштаба изменений, в итоге влекут за собой социально-политические последствия.

Цифровая трансформация мировой экономики обусловила значительные изменения рынка труда. Стремительная цифровизация создала работодателей нового типа – представителей платформенной экономики, которые за два последних десятилетия превратились из стартапов локального уровня в транснациональные корпорации с сотнями тысяч занятых. Пандемия коронавируса, создав значительные проблемы для экономики в целом, стала «звездным часом» для платформенных компаний, основав вынужденные предпосылки для ускоренного и повсеместного введения предлагаемых ими сервисов и услуг.

Представим общее определение платформенной экономике и соответствующим трудовым отношениям. Согласно исследованию НИУ ВШЭ, международно-признанной дефиниции такой формы экономической деятельности нет, но возможно говорить об общих характерных чертах. «Платформенная экономика предполагает, как минимум, трехсторонние отношения, в которые включены исполнитель (партнер, подрядчик, работник), клиент и платформа. Клиент при этом может быть как физическим, так и юридическим лицом, что обуславливает большое разнообразие возникающих отношений, которое, в свою очередь, становится вызовом с точки зрения нормативного регулирования. Сами платформы в этой системе выступают в роли медиаторов: они обеспечивают функционирование этого сегмента экономики и являются площадкой, которая сводит спрос на труд и его предложение» [3, с. 11].

Находясь в русле мировых тенденций и являясь флагманом европейской экономики, Германия в полной мере ощутила на себе влияние современных цифровых технологий. Опубликованный Немецким объединением профсоюзов (DGB) в 2022 году Атлас цифровой работы констатирует, что на 2021 год около 28 млн человек в Европейском Союзе, и до 5 млн – в ФРГ работали на цифровых платформах [11, с. 9].

Столь массовое вовлечение сотрудников в новые трудовые отношения принесло как свои положительные стороны, в качестве которых чаще выделяется гибкость (в построении карьеры, локации, графике работы и пр.), так и многочисленные проблемы, которые стали настоящим вызовом для немецкого общества, причем масштаб его столь значителен, что позволил журналистам и исследователям говорить о появлении в Германии как нового социального слоя так называемого «цифрового пролетариата», под которым в первую очередь имеются в виду именно сотрудники «платформенного сектора» - фирм и предприятий в отрасли интернет-торговли, доставки, кейтеринга и прочих, то есть – сферы услуг [10].

С таким определением можно в полной мере согласиться, так как работники данной категории, в наименьшей степени защищены от рисков, которые несет в себе цифровизация трудовых отношений.

Главной опасностью в условиях цифровой трансформации экономики является возможность сокращения доходов или полной потери рабочих мест теми сотрудниками, чья деятельность может быть частично или полностью автоматизирована (роботизирована).

Согласно многочисленным докладом, во всем мире ожидается значительное снижение спроса на профессии, связанные с выполнением формализованных повторяющихся операций, что со временем приведет к исчезновению целого ряда из них [2].

В опубликованном в 2018 году исследовании немецкого Института по изучению рынка труда и профессий (Institut für Arbeitsmarkt und Berufsforschung (IAB)) почти каждый четвертый работник в Германии, имеющий полис социального страхования, занят таким видом деятельности, который мог бы выполнять робот или алгоритм [12]. Из этого следует, что значительная доля работающего населения в ФРГ в обозримой перспективе подвержена опасности потери рабочего места, если специально не предусмотрены те или иные юридические механизмы защиты.

Существенную угрозу представляют риски ужесточения режима работы и вторжения в частную жизнь, связанные с возросшими возможностями наблюдения за сотрудниками, а также постоянное расширение сбора персональных данных. Согласно данным опросов, 14% немецких работников считают, что работодатель способен (постоянно) нарушать закон для наблюдения за ними, и еще 33% полагают, что руководство может делать это, но только в исключительных случаях [11, с. 46].

Проблемы, связанные с низкой социальной защищенностью сотрудников, являются «оборотной стороной медали», когда мы говорим о гибкости платформенной экономики. Как отмечается в докладе НИУ ВШЭ, «когда платформенная занятость является основным или единственным источником дохода, преимущества, связанные с гибкостью графика занятости, размываются». Отмечается, что в этом случае работники могут «сталкиваться с высокими рисками неблагоприятного исхода в случае временной нетрудоспособности, а также по завершении трудовой карьеры» [3, с. 19].

В условиях, когда неблагоприятные последствия затрагивают или потенциально могут коснуться значительного количества работников (с учетом приведенной выше статистики их число в условиях ФРГ могло бы измеряться несколькими миллионами), под особым вниманием оказывается роль профсоюзов и их способность выполнять свои прямые функции в отстаивании интересов трудящихся.

Применительно к рассматриваемой проблематике следует выделить немецкий ver.di (Vereinte Dienstleistungsgewerkschaft) – Объединенный профсоюз сферы услуг, второй по численности в Германии и один из крупнейших в мире, созданный в 2001 году путем слияния 5 отдельных отраслевых профсоюзов. Эта организация, объединяющая представителей приблизительно 1000 профессий, в наибольшей степени столкнулась с проблемами сотрудников платформенных компаний.

Главным направлением своей деятельности ver.di считает заключение тарифных соглашений (аналог коллективного договора в Российской Федерации), которые устанавливали бы и гарантировали определенные условия труда для наемных работников. Получая от своих членов традиционные взносы в размере 1% от брутто-дохода, профсоюз предлагает им возможности информирования и консультаций по правовым вопросам, представительство в производственных советах, свое участие в достижении договоренностей с работодателями в вопросах повышения оплаты труда и улучшения его условий, организацию забастовок и выплату так называемых «забастовочных денег», то есть компенсации работникам, временно лишившимся своей заработной платы на период проведения забастовок.

В течение многих лет профсоюз активно участвует в формировании «цифровой» повестки. В многочисленных докладах, официальных заявлениях и иных программных документах ver.di последовательно отстаивает интересы работников в условиях трансформации немецкой экономики. В

частности, в опубликованном на сайте организации документе «Требования объединенного профсоюза сферы услуг к предвыборным программам 2021 года. Цифровизация» ver.di констатирует, что «цифровая обработка данных и сетевизация создают новые возможности для организации работы и жизни», однако несут в себе риски «увеличения объемов работы и нагрузок, растущего контроля и наблюдения, опасности потери рабочих мест или дохода». По мнению авторов документа, ориентированное на человека обустройство цифровизации «должно стать реальностью благодаря политическим инициативам и законодательской деятельности» [6, с. 2].

Но каковы реальные достижения профсоюза в отстаивании интересов своих сторонников, занятых на цифровых платформах? Этот вопрос целесообразно рассмотреть на примере многолетнего противостояния ver.di и крупнейшей в мире компании на рынках платформ электронной коммерции – американской Amazon (Amazon.com, Inc.), получившего широкий общественный резонанс и занимающего одно из важных мест в социально-политической жизни современной Германии.

С 2013 года при поддержке ver.di на постоянной основе ведется работа, целью которой является достижение соглашения о тарифах для сотрудников компании. Это необходимо, чтобы заставить онлайн-гиганта выплачивать честные зарплаты, ограничить наблюдение за сотрудниками, усилить контроль за здоровьем работников и снизить давление на них, предоставить достаточное время для отдыха.

На сегодняшний день удалось избрать во всех крупных центрах Amazon в Германии, в частности в Лейпциге, Райнберге, Верне, Кобленце и других, производственные советы. Это первый важный шаг в указанном главном направлении. Под руководством производственных советов и ver.di в течение почти 10 лет сотрудники используют различные формы борьбы за свои права, в том числе организовав массовое забастовочное движение.

В частности, в декабре 2013 года около недели длилась забастовка в логистических центрах в Грабене, Бад Херсфельде и Лейпциге с участием до 1800 человек, после которой работодатель согласился на небольшое повышение выплат и впервые назначил определенной группе работников рождественскую премию. Начиная с 2014 года забастовки стали проходить практически ежемесячно и охватили большинство подразделений Amazon в различных районах Германии.

Акции протеста не прекращаются до настоящего времени, и вышли не только на федеральный, но и международный уровень. 25 ноября 2022 года состоялось одно из самых массовых мероприятий, приуроченное к так называемой «черной пятнице» (традиционный день распродаж). Работу сложили сотрудники десяти центров Amazon по всей Германии. Забастовка стала частью дня протеста с лозунгом «Make Amazon Pay» – «Заставь Амазон платить», в котором приняли участие профсоюзные, правозащитные, экологические и иные организации из 23 стран мира под общим патронажем UNI Global Union – всемирного объединения профсоюзов сферы услуг.

Протестующие накапливают опыт, постоянно совершенствуют свою тактику, пытаясь ввести элемент неожиданности и создать максимальные сложности своими действиями для работодателя. «Занятые в различных распределительных центрах будут ближайшие дни частично сменяя друг друга и без официального предварительного объявления присоединяться к акциям», – заявила в декабре 2022 года представитель профсоюза ver.di и координатор Моника Ди Сильвестре [13].

В настоящее время работники Amazon регулярно бастуют в семи подразделениях концерна в ФРГ.

Отдельно следует упомянуть и многочисленные судебные иски ver.di к Amazon в судах различного уровня, в которых профсоюзу удавалось отстаивать свою позицию по различным вопросам.

Показательным является пример, когда ver.di после длительных разбирательств выиграл иск к Amazon в Федеральном административном суде ФРГ по вопросу о выходе сотрудников на работу в воскресенье перед рождеством 2015 года в логистическом центре компании в Райнберге (Земля Северный Рейн-Вестфалия). По заявлениям представителей ver.di, работа в воскресенье может быть разрешена в исключительных случаях, если этого требуют «особые обстоятельства для предотвращения несоразмерного ущерба». Судом было вынесено решение о том, что «особые обстоятельства – это временные особые ситуации, имеющие внешнюю причину. Поэтому они не должны создаваться самим работодателем» [7]. Сотрудник профсоюза ver.di О. Акман в этой связи довольно эмоционально призвал Amazon «в конце концов» принять к сведению, что законодательство страны ведения бизнеса распространяется и на американские компании [9].

В 2018 году Федеральный трудовой суд после многолетних тяжб разрешил использовать парковку перед главным входом в распределительный

центр компании Amazon в Пфорцхайме (Земля Баден-Вюртемберг) для проведения забастовок [14].

В этих и других случаях профсоюзу не только удавалось достичь поставленных целей, но и, что гораздо более существенно, создать важные прецеденты для правоприменительной практики в сфере забастовочного движения в целом.

Таким образом, необходимо констатировать, что профсоюзом ver.di реализована большая работа в рамках выполнения заявленных целей. Вместе с тем, следует отметить, что в плане результатов достигнуто объективно немного. Единственными достижениями за период около 10 лет сам профсоюз признает следующие: небольшое повышение почасовой оплаты труда и некоторое улучшение условий в вопросах охраны здоровья, однако и эти договоренности могут быть отозваны работодателем в любой момент, так как они не закреплены в тарифном соглашении.

Если оценивать работу ver.di на данном конкретном направлении как недостаточно эффективную, следует проанализировать причины подобного положения.

Представляется, что свою роль могли сыграть большие различия в политической культуре США (страны происхождения бизнеса) и Германии. Характерно, что в самих Соединенных Штатах, где Amazon с 800 000 работников является вторым по величине работодателем, только в апреле 2022 года удалось создать первую профсоюзную организацию в одном из подразделений компании в Нью-Йорке. Попытка создать вторую на аналогичном предприятии в соседнем районе провалилась. «Онлайн-гигант в течение многих лет успешно противостоял созданию какого-либо представительства наемных работников в США, запугивая коллектив и просто увольняя активистов» [5, с. 4].

Другим фактором, который мог бы иметь существенное значение, могут являться кадровые особенности коллектива. Известно, например, что на участке так называемой «последней мили», то есть доставки к конечному потребителю товаров и услуг работают субподрядчики, среди которых многие имеют миграционное прошлое. В свою очередь, они нередко нанимают лиц из числа соотечественников, с которыми общаются на языке страны происхождения. Когда эти сотрудники сталкиваются с вопросами трудового права Германии, они неизбежно испытывают трудности [5, с. 3].

При всех приведенных выше доводах, на наш взгляд, сложности достижения консенсуса между профсоюзом и Amazon связаны в первую очередь именно с непривычной для профсоюза формой проводимой экономической деятельности. Следует принять во внимание тот факт, что цифровизация в случае с Amazon «не просто изменяет существующие процессы и структуры, а создает принципиально новые модели бизнеса» и поэтому «профсоюзы здесь – только непрошенный зритель» [12].

Возникает вопрос: насколько традиционные профсоюзы, создававшиеся в эпоху индустриализации, способны идти в ногу со временем, когда общество и бизнес, особенно в части платформенной экономики, радикально меняясь, становятся сетевыми?

Исследователями отмечается, что лица, занятые на платформах, «чаще создают собственные объединения, а не включаются в существующие». Действующие профсоюзы «как правило, все же не могут представлять их интересы. Это косвенное свидетельство того, что характер их занятости требует собственного подхода, в том числе и нормативного, сами работники платформенной экономики, по-видимому, не могут и не всегда хотят идентифицировать себя с наемными работниками» [3, с. 8].

В докладе Международной организации труда «Профсоюзы на распутье» в части, касающейся платформенной экономики, отмечается: «Потенциальное свойство дистанционных платформ вызывать серьезную дестабилизацию рынков труда в настоящее время перевешивает их значение как источника занятости. Различные попытки наладить регулирование платформ с помощью профсоюзов, кооперативов, трудовых советов и дистанционных инструментов показывают, что мы только в начале этого процесса и многое еще предстоит изобрести» [1, с. 45].

Отметим и следующее обстоятельство. В то время как численность сотрудников в секторе сферы услуг вообще и платформенной экономики в частности постоянно увеличивается, профсоюз ver.di начиная с момента своего создания в 2001 году и до настоящего времени теряет сторонников. По данным Объединения немецких профсоюзов, численный состав ver.di в 2001 году составил около 2,8 млн человек, а в 2022 - около 1,85 млн [8]. Данный факт, опять же косвенно, но все же свидетельствует о том, что роль профсоюза в данной сфере экономической жизни общества неуклонно снижается.

В фундаментальном исследовании «Рынок труда в Германии: исторические основы и современные реалии» констатируется, что на протяжении длительного периода прослеживается «тенденция некоторого ослабления влияния профсоюзов в немецком обществе», выражающаяся в том, что снижается как численность сторонников, так и количество самих профсоюзных организаций. При этом авторы отмечают, что отдельные победы этих организаций носят сугубо локальный характер [4, с. 171].

Гораздо более радикальные опасения выражены в уже упоминавшемся выше докладе Международной организации труда. Авторы задаются вопросом о перспективах профсоюзов на горизонте предстоящих 10–20 лет и их принципиальной способности являться «организациями, представляющими все многообразие сегодняшних форм труда». В контексте рассматриваемого нами вопроса отметим, что новые формы труда и занятости авторы считают одним из главных вызовов. «В силу сокращения занятости в промышленности и распространения различных нестандартных и адаптивных форм труда ... охват работников профсоюзным движением сократился практически во всех странах мира» [1, с. 8].

Таким образом, на основании проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы.

Цифровая трансформация экономики радикально изменила рынок труда, создавая новые формы занятости, принципиально отличающиеся от таковых при традиционном индустриальном укладе. В ФРГ, как и в других странах, сформировалась и активно расширяется новая социальная группа сотрудников в сфере платформенной экономики, которая имеет свои существенные отличия и в первую очередь - низкую социальную защищенность во взаимоотношениях с работодателями.

Профсоюзы ФРГ, в частности, *ver.di*, взяли на себя миссию социальной защиты новой армии «цифрового пролетариата». Рассмотренный нами кейс Amazon - *ver.di* убедительно продемонстрировал, что проделанный объем работы в направлении отстаивания достойных условий труда не соответствует достигнутым результатам, что позволяет говорить о низкой эффективности форм и методов работы профсоюза. Так, о забастовках в Германии все чаще говорят, как о некоей рутине, а официальные заявления *ver.di* большей частью носят чисто декларативный характер. Полагаем, что у работодателя в процессе противоборства мог выработаться своеобразный

иммунитет на действия профсоюза, что, возможно, требует от последних пересмотреть подходы и перераспределить усилия.

В свою очередь, профсоюз попадает в «порочный круг»: очевидная неспособность достигнуть сколько-нибудь значимых положительных сдвигов ведет к снижению популярности и оттоку сторонников, а снижение численности, как главного ресурса профсоюзов, приводит к дальнейшему сокращению влияния.

С учетом успешной судебной практики наиболее эффективными могли бы быть юридические механизмы воздействия на работодателей нового типа. Возможно, профсоюзам следовало бы уделить большее внимание участию в выработке соответствующих законодательных инициатив.

Изучение вопросов влияния цифровизации экономики на трудовые отношения показывает, что это комплексная социально-политическая проблема, затрагивающая интересы миллионов немецких граждан. Вызов, который брошен цифровой трансформацией немецким профсоюзам как политическим институтам по сути является экзистенциальным, ставит перед ними сложнейшие вопросы адаптации к новым реалиям стремительно изменяющейся в направлении глобализации социально-экономической жизни.

Литература

1. Виссер Й. Профсоюзы на распутье. Рабочий документ МОТ/ACTRAV. Международная организация труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_dialogue/actrav/documents/publication/wcms_752230.pdf (дата обращения 02.04.2023).

2. Какие профессии могут исчезнуть в ближайшем будущем? // РБК. 08.05.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5d8ba02a9a7947fec16449a4> (дата обращения 02.04.2023).

3. Синявская О.В., Бирюкова С.С., Аптекарь А.П., Горват Е.С., Грищенко Н.Б., Гудкова Т.Б., Карева Д.Е. Платформенная занятость: определение и регулирование. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт социальной политики. Москва: НИУ ВШЭ, 2021. URL: https://ncmu.hse.ru/data/2021/05/26/1438190156/Доклад_платформенная_занятость_002.pdf (дата обращения 02.04.2023).

4. Фейгин Г.Ф., Ильинская Е.А., Соловейчик В.М., Хольнова Е.Г., Чеберко Е.Ф. Рынок труда в Германии: исторические основы и современные реалии. СПб.: СПбГУП, 2020. (Социально-трудовые конфликты; Вып. 26). URL:

http://industrialconflicts.ru/i/msg2_i/37/26_kazhi_aupfv_e_tnyefqzp.pdf?ysclid=lgcc35mxwe161256029 (дата обращения 02.04.2023).

5. Amazon: Her mit dem Tarifvertrag. Die Amazon-Beschäftigten wollen tarifliche Sicherheit, ein festes Einkommen und gute Arbeitsplätze. Sie sind auf einen langen Kampf eingestellt, Streiks inbegriffen. URL: <https://www.verdi.de/themen/geld-tarif/++co++4004349c-d6ad-11ec-a3dd-001a4a16012a> (дата обращения 04.04.2023).

6. Anforderungen der Vereinten Dienstleistungsgewerkschaft ver.di an die Wahlprogramme 2021. Digitalisierung. URL: <https://www.verdi.de/themen/digitalisierung/beschluesse-und-positionen> (дата обращения 06.04.2023).

7. BVerwG8C3.20, Urteil vom 27. Januar 2021. URL: <https://www.bverwg.de/270121U8C3.20.0> (дата обращения 06.04.2023).

8. Deutscher Gewerkschaftsbund/Mitgliederzahlen. URL: <https://www.dgb.de/uber-uns/dgb-heute/mitgliederzahlen> (дата обращения 05.04.2023).

9. Genehmigung von Sonntagsarbeit bei Amazon war rechtswidrig // Sueddeutsche Zeitung. 27.01.2021. URL: <https://www.sueddeutsche.de/karriere/arbeit-leipzig-genehmigung-von-sonntagsarbeit-bei-amazon-war-rechtswidrig-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-210126-99-179425> (дата обращения 06.04.2023).

10. Hahne S. Gewerkschaften und das digitale Proletariat // Deutschlandfunk. 30.04.2018. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/vor-dem-tag-der-arbeit-gewerkschaften-und-das-digitale-100.html> (дата обращения 04.04.2023).

11. Henneke S., Maike R. Atlas der digitalen Arbeit. Daten und Fakten über die Beschäftigung der Zukunft. Deutscher Gewerkschaftsbund, Hans-Böckler-Stiftung. 2022. URL: <https://www.dgb.de/atlas-der-arbeit> (дата обращения 05.04.2023).

12. Specht F. Wenn Kollege Roboter übernimmt: Wie die Digitalisierung die Gewerkschaften herausfordert // Handelsblatt. 19.08.2020. URL: <https://www.handelsblatt.com/technik/digitale-revolution/mitbestimmung-in-der-gig-economy-wenn-kollege-roboter-uebernimmt-wie-die-digitalisierung-die-gewerkschaften-herausfordert/26066170.html> (дата обращения 05.04.2023).

13. Streiks bei Amazon geplant: Was bedeutet das für Weihnachtspakete? // WDR. 18.12.2022. URL: <https://www1.wdr.de/nachrichten/verdi-streik-amazon-weihnachten-100.html> (дата обращения 06.04.2023).

14.1 AZR 189/17 Streikmobilisierung auf Firmenparkplatz. URL: <https://www.bundesarbeitsgericht.de/entscheidung/1-azr-189-17/> (дата обращения 04.04.2023).

References

1. Visser I. Profsoyuzy na rasput'e. Rabochii dokument MOT/ACTRAV. Mezhdunarodnaya organizatsiya truda. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/ed_dialogue/actrav/documents/publication/wcms_752230.pdf (data obrashcheniya 02.04.2023).

2. Kakie professii mogut ischeznut' v blizhaishem budushchem? // RBK. 08.05.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5d8ba02a9a7947fec16449a4> (data obrashcheniya 02.04.2023).

3. Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Aptekar' A.P., Gorvat E.S., Grishchenko N.B., Gudkova T.B., Kareva D.E. Platformennaya zanyatost': opredelenie i regulirovanie. Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Institut sotsial'noi politiki. Moskva: NIU VShE, 2021. URL: https://ncmu.hse.ru/data/2021/05/26/1438190156/Doklad_platformennaya_zanyatost'_002.pdf (data obrashcheniya 02.04.2023).

4. Feigin G.F., Il'inskaya E.A., Soloveichik V.M., Khol'nova E.G., Cheberko E.F. Rynok truda v Germanii: istoricheskie osnovy i sovremennye realii. SPb.: SPbGUP, 2020. (Sotsial'no-trudovye konflikty; Vyp. 26). URL: http://industrialconflicts.ru/i/msg2_i/37/26_kazhi_aupfv_e_tnyefqzp.pdf?ysclid=lgcc35mxwe161256029 (data obrashcheniya 02.04.2023).

5. Amazon: Her mit dem Tarifvertrag. Die Amazon-Beschäftigten wollen tarifliche Sicherheit, ein festes Einkommen und gute Arbeitsplätze. Sie sind auf einen langen Kampf eingestellt, Streiks inbegriffen. URL: <https://www.verdi.de/themen/geld-tarif/++co++4004349c-d6ad-11ec-a3dd-001a4a16012a> (data obrashcheniya 04.04.2023).

6. Anforderungen der Vereinten Dienstleistungsgewerkschaft ver.di an die Wahlprogramme 2021. Digitalisierung. URL: <https://www.verdi.de/themen/digitalisierung/beschluesse-und-positionen> (data obrashcheniya 06.04.2023).

7. BVerwG8C3.20, Urteil vom 27. Januar 2021. URL: <https://www.bverwg.de/270121U8C3.20.0> (data obrashcheniya 06.04.2023).

8. Deutscher Gewerkschaftsbund/Mitgliederzahlen. URL: <https://www.dgb.de/uberuns/dgbheute/mitgliederzahlen> (data obrashcheniya 05.04.2023).

9. Genehmigung von Sonntagsarbeit bei Amazon war rechtswidrig // Sueddeutsche Zeitung. 27.01.2021. URL: <https://www.sueddeutsche.de/karriere/arbeit-leipzig-genehmigung-von-sonntagsarbeit-bei-amazon-war-rechtswidrig-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-210126-99-179425> (data obrashcheniya 06.04.2023).

10. Hahne S. Gewerkschaften und das digitale Proletariat // Deutschlandfunk. 30.04.2018. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/vor-dem-tag-der-arbeit-gewerkschaften-und-das-digitale-100.html> (data obrashcheniya 04.04.2023).

11. Henneke S., Maike R. Atlas der digitalen Arbeit. Daten und Fakten über die Beschäftigung der Zukunft. Deutscher Gewerkschaftsbund, Hans-Böckler-Stiftung. 2022. URL: <https://www.dgb.de/atlas-der-arbeit> (data obrashcheniya 05.04.2023).

12. Specht F. Wenn Kollege Roboter übernimmt: Wie die Digitalisierung die Gewerkschaften herausfordert // Handelsblatt. 19.08.2020. URL: <https://www.handelsblatt.com/technik/digitale-revolution/mitbestimmung-in-der-gig-economy-wenn-kollege-roboter-uebernimmt-wie-die-digitalisierung-die-gewerkschaften-herausfordert/26066170.html> (data obrashcheniya 05.04.2023).

13. Streiks bei Amazon geplant: Was bedeutet das für Weihnachtspakete? // WDR. 18.12.2022. URL: <https://www1.wdr.de/nachrichten/verdi-streik-amazon-weihnachten-100.html> (data obrashcheniya 06.04.2023).

14.1 AZR 189/17 Streikmobilisierung auf Firmenparkplatz. URL: <https://www.bundesarbeitsgericht.de/entscheidung/1-azr-189-17/> (data obrashcheniya 04.04.2023).

СТАТЬИ

М.В. Кирчанов

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ИСЛАМА В ИНДОНЕЗИИ В НАЧАЛЕ 2020-Х ГГ.

Аннотация

Целью исследования является анализ современной политики памяти в Индонезии в начале 2020-х гг. Автор анализирует роль и место либерального течения индонезийской уммы в развитии мемориальной культуры индонезийского общества. Новизна исследования заключается в изучении мусульманского либерального вклада в развитие современной исторической политики индонезийского общества. В статье также показано, что 1) либеральный сегмент уммы вносит значительный вклад в современную мемориальную культуру, 2) спектр мемориальных практик уммы варьируется от исторического ревизионизма до формирования религиозно-центричных версий коллективной исторической памяти, 3) участие мусульманских интеллектуалов в мемориальной политике содействует параллельному соразвитию различных форм исторической памяти. Предполагается, что роль уммы, включая ее либеральный сегмент, в исторической политике индонезийского общества будет возрастать, а сообщество верующих мусульман будет оставаться среди активных участников политики коллективной памяти.

Ключевые слова:

умма, либеральный ислам, Индонезия, коллективная память, историческая политика, культура памяти.

M. Kyrchanoff

POLICY OF MEMORY OF LIBERAL ISLAM IN INDONESIA IN THE EARLY 2020S

Abstract

The aim of the study is to analyze the modern politics of memory in Indonesia in the early 2020s. The author analyzes the role and place of the liberal movement of the Indonesian Ummah in the development of the memorial culture of the Indonesian society. The novelty of the study lies in the study of the Muslim liberal contribution to the development of the modern historical policy of the Indonesian society. The article also shows that 1) the liberal segment of the Ummah makes a significant contribution to modern memorial culture, 2) the range of memorial practices of the Ummah varies from historical revisionism to the formation of religious-centric versions of collective historical memory, 3) the participation of Muslim intellectuals in memorial policy contributes to parallel co-developments of various forms of historical memory. It is assumed that the role of the Ummah, including its liberal segment, in the historical politics of Indonesian society will increase, and the community of Muslim believers will remain among the active participants of collective memorial politics.

Key words:

Ummah, liberal Islam, Indonesia, collective memory, historical policy, culture of memory.

Современные государства не могут эффективно функционировать без использования истории как эффективного мобилизационного и легитимационного ресурса. Поэтому историческая политика или политика памяти вошла в число универсальных практик, применяемых политическими элитами. Состав акторов, вовлеченных в реализацию исторической политики, в разных странах и обществах может в значительной степени варьироваться. Тематика и проблематика, актуализируемая в рамках исторической политики, также разнообразна. Набор тем, которые обсуждаются агентами, вовлеченными в процессы манипуляции прошлым, также в значительной степени разнообразен. Поэтому повестка дня исторической политики, например, в Англии может разительно отличаться от аналогичных практик в Индии. На состав обсуждаемых в рамках политики памяти тем и проблем не меньшее влияние оказывает и религиозный фактор: более секуляризованные общества Запада воспринимают прошлое в иной системе координат, чем те государства, где большинство населения составляют мусульмане. Среди мусульманских стран чья историческая политика обладает значительной спецификой, особое место занимает Индонезия.

В центре авторского внимания в представленной статье – основные проблемы исторической политики в современной Индонезии в начале 2020-х гг. В качестве пространства реализации политики памяти, изучаемом в представленной статье, анализируется либеральный информационный сегмент индонезийской уммы. Поэтому в число задач автора статьи входит 1) изучение тематического выбора аспектов коллективной памяти, которые актуализируются в рамках исторической политики, 2) анализ восприятия исторического опыта Индонезии через призму коллективной памяти уммы, 3) выявление перспектив развития памяти индонезийских мусульманских интеллектуалов и уммы как носительницы одной из современных версий исторической памяти.

В методологическом плане статья основана на принципах, предложенных в современной междисциплинарной историографии в рамках мемориального поворота [44]. В актуальной научной литературе, сфокусированной на исторической политике, представлено несколько точек зрения на использование истории политическими элитами. Спектр анализируемых действий может восприниматься как легитимация и мобилизация [21], что существенно ограничивает возможные векторы проведения исследований, локализуя их авторов в пространствах анализа примене-

ния правящими элитами символического ресурса прошлого для собственной легитимации, мобилизации населения в рамках электоральных циклов или для формирования образов Другого. Изучение таких форм исторической политики, как правило, проводится путем анализа нарративов и дискурсов, формирующих коллективные представления о прошлом [22]. Наряду с применением «традиционных», нарративных, источников для изучения политики памяти в современной историографии активно используются ресурсы визуальности [41]. Визуальный поворот в изучении мемориальных практик и культур памяти современных обществ существенно расширяет интерпретационные возможности исследователей [27]. Последствия визуального поворота в современной историографии памяти сопоставимы с результатами применения традиционных нарративных и дискурсивных практик [20]. И нарративно-дискурсивный, и визуальный подход влияют на существенное сужение изучаемых форм исторической памяти, что вынуждает исследователей сталкиваться с ограничениями, диктуемыми особенностями источникового корпуса. Все эти особенности современной историографии заметны в исследованиях, сфокусированных на развитии исторической памяти [30] и функционировании мемориальной культуры в Индонезии [46]. В представленной статье, используя материалы электронных СМИ, которые традиционно воспринимаются как либеральные, и отталкиваясь в плане интерпретационной модели от собственных более ранних текстов, сфокусированных на различных аспектах религиозной [8] и политической динамики [6], формах и измерениях исторической политики, исторического ревизионизма, коллективной памяти [9], преодоления памяти как травмы [5] и мемориальной культуры в Индонезии [11], автор стремится применять достижения как нарративно-дискурсивной, так и визуальной историографии для изучения коллективной исторической памяти либерального сегмента индонезийской уммы в начале 2020-х гг.

Политика памяти в Индонезии: системные характеристики

Анализ мемориальной культуры либерального течения в современном индонезийском исламе невозможен в изоляции от исторической политики Индонезии в целом. Политика памяти в этой стране обладает рядом существенных особенностей. Во-первых, мемориальная культура является гетерогенной и в значительной степени фрагментированной, так как

различные социальные и конфессиональные группы индонезийского общества имеют свои представления о прошлом. Во-вторых, мемориальная культура в значительной степени политизирована и идеологизирована, что существенно влияет на выбор тем, актуализируемых в рамках политики памяти в публичных и общественных пространствах Индонезии.

В-третьих, для индонезийской мемориальной политики характерны идеологические и цензурные ограничения, что, например, связано с маргинализацией и вытеснением из коллективной памяти моментов, связанных с политическими репрессиями против коммунистов в середине 1960-х гг. или негативным отношением к китайцам, характерным для мемориальной культуры Индонезии в целом. В-четвертых, проведение исторической политики в Индонезии в значительной степени отягощено влиянием ислама, что ведет к сращиванию политических, идеологических и религиозных аспектов индонезийского коллективного опыта. В-пятых, в современной Индонезии отсутствуют институционализированные агенты исторической политики, что превращает средства массовой информации, гражданских активистов и религиозных деятелей в основных акторов исторической политики. Все эти особенности в различной степени проявляются в современной мемориальной политике либерального течения индонезийской уммы в начале 2020-х гг.

Политика памяти либерального ислама

Современная либеральная версия культуры исторической памяти в Индонезии отличается почти исключительно виртуальным характером, а основным пространством ее функционирования, как правило, являются электронные средства массовой информации, активно вовлеченные как в ревизию истории, так и формирования различных дискурсов коллективной памяти, которые в индонезийском обществе софункционируют и сосуществуют одновременно.

В этом контексте становятся заметными две особенности индонезийской мемориальной культуры – ее формирование общественными активистами, представленными средствами массовой информации, и преимущественное внимание проблемам современной истории, которые оказываются в центре компаний, направленных на «проработку прошлого». Мусульманские либералы в Индонезии стремятся предложить обществу новый канон коллективной памяти, основанный не только на исламе, но и

предусматривающий возможность различных интерпретаций истории. Последнее в значительной степени было затруднено предшествующей идеологизацией истории, что актуализировало такое измерение памяти как статичность. Поэтому системными характеристиками мемориальной культуры стали ее консерватизм, склонность оперировать политическими и идеологическими клише, связанными с антикитайскими [7] и антикоммунистическими фобиями [17].

В частности, в рамках такой парадигмы история ислама воспринимается как гражданская, политическая история, что делает возможным на актуализацию в рамках коллективной памяти уммы ее вклада в развитие прав и свобод человека. Идеи прав человека в такой версии исторической памяти сочетаются с принципами индонезийского национализма. Поэтому мемориальное измерение культуры индонезийской уммы в большей степени базируется от отказа от идеи «глобального халифата как политического лидерства, объединяющего всех мусульман» [29]. Поэтому в начале 2020-х гг. особое место в мемориальной культуре занимали нарративы, связанные с юбилеем индонезийской государственности. Вместе с тем, следует признать, что гражданский национализм не смог в полной мере реализовать свою роль и раскрыть свой потенциал для консолидации индонезийской исторической памяти несмотря на реляции о том, что «провозглашение независимости Индонезии в конце Второй мировой войны привело к тому, что индонезийский народ обрел достоинство и активно освободился от оков угнетения» [42]. «Высокий» или официальный стиль в мемориальной культуре Индонезии оказался востребован в меньшей степени, чем попытки актуализировать те травмы [47], которая коллективная память получила во второй половине XX века.

Роль и место мусульманских интеллектуалов в индонезийской исторической политике противоречивы, так как она контролируется в основном светскими акторами. Кроме этого, то, что Сукарно «пытался построить дух индонезийской нации, поставив на первое место принцип национализма, а принцип Бога на последнее место как усиление предыдущих» [40] влияет на статус ислама как второстепенного и вспомогательного фактора в развитии коллективной памяти. Поэтому для либеральных мусульман характерно стремление подчеркнуть роль ислама в коллективной исторической памяти. По мнению американской исследовательницы Дж. Коакли, «восприятие прошлого имеет важное значение для легитима-

ции современных идеологий» [18, р. 531], чем активно пользуются представители либерального течения в индонезийском исламе, которые стремятся развивать свою версию коллективной памяти. В рамках такой стратегии развития мемориальной культуры исламу приписывается одна из основных ролей в борьбе против голландского колониализма в период второй мировой войны [37; 38], а факты военного сотрудничества мусульманских активистов с японцами получают нейтральную или положительную оценку.

В коллективной памяти индонезийских мусульманских либералов противопоставляется светское государство, воспринимаемое ими как национальное. Подобный канон коллективной памяти отражает культурные особенности Индонезии, где «этническое и культурное разнообразие породило умеренную исламскую традицию, которая сохранилась до наших дней» [23; 24]. Несмотря на это, актуальный коллективный опыт индонезийского ислама, который умма получила в результате демократизации, начавшейся в 1998 году, ставит перед мусульманскими либералами неудобные вопросы. Важнейшим из них является тот, который связан с поиском наиболее оптимальной интерпретационной модели, позволившей объяснить, как и почему, после более 30 лет авторитарного режима ислам, к которому «новый порядок» относился более чем подозрительно, стал почвой для роста антидемократических и радикальных тенденций [33]. Кроме этого, «отсутствие общественных институтов, которые могли бы стать форумом для обсуждения болезненных конфликтов» [2, с. 110] в ряде обществ содействует тому, что дебаты, связанные с исторической памятью, меняют свою локализацию.

В случае Индонезии относительно удобным пространством для реализации альтернативной, условно либеральной, версии коллективной памяти стали некоторые сегменты уммы. Поэтому либеральные мусульманские интеллектуалы являются носителями коллективной памяти, связанной с травмами [34], нанесенными индонезийской гражданской идентичности в рамках преследований и нарушений прав и свобод человека [39]. В целом, позицию интеллектуалов в отношении радикальной ревизии памяти следует определять как выжидательную. Поэтому мусульманские интеллектуалы ограничиваются только привлечением внимания со стороны общества в отношении маргинализации родственников членов КПИ [48], указывая на то, что их демонизация в политическом дискурсе и

коллективной памяти недопустима. В целом общественные активисты исторической политики не в состоянии изменить основные векторы развития мемориальной культуры в силу ее стабильности и консервативности.

Примером подобной ситуации является нарратив, описывающий события 1965 года. Комментируя ситуацию Э. Конро, полагает, что переворот институционализировал версию памяти, основанной на негативном восприятии коммунизма, которое санкционировано мемориальной культурой, поддерживаемой государством [19]. Поэтому в рамках реализации политики коллективной памяти «каждая политическая система определенным образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [1, с. 44]. В связи с этим Усман Хамид выражает сожаление в связи с тем, что «отношение правительства к мрачной трагедии прошлого основано на стремлении замалчивать его под предлогом политической стабильности» [26]. Комментируя особенности функционирования исторической памяти в целом, российский историк А.И. Миллер подчеркивает, что «неотъемлемой частью политики памяти является политика «забывания». Забывание может быть «вытесняющим», когда общество не касается определенных, чаще всего недавних событий как особенно болезненных и конфликтогенных» [14, с. 11].

Подобной социальной и культурной амнезии в исторической памяти Индонезии подвергся коллективный опыт нации, связанный с развитием левого движения, которое современная мемориальная традиция предпочитает игнорировать. Подвергая стабильность мемориальной культуры ревизии, представители либерального течения в умме предлагают вернуть и интегрировать в контексты коллективной индонезийской исторической памяти маргинализированные темы, связанные с историей левых [36], их участием в национальном движении и связях с политическим исламом. Поэтому допущение российского историка А.И. Макарова о том, что «наиболее скандальным предложением было предложение использовать критику идеологического дискурса применительно к научному дискурсу историков», воспринимая «историю историков как вид идеологии» [13, с. 6] выглядит не столь «скандально» в контекстах современной индонезийской мемориальной культуры, где интерпретация прошлого на уровне различных видов памяти отягощено идеологической нагрузкой не меньше, чем дискурс политических партий.

Российские исследователи исторической памяти Г. Бордюгов и В. Бухарев полагают, что «либерально-демократические традиции западной науки, корпоративный этос научного сообщества, предписывающий целенаправленно избегать влияния политической и идейной конъюнктуры, подкреплённые процессами социально-культурной интеграции внутри западного мира во второй половине XX в., во многом обесценили этнонациональные предпочтения в историографии» [4, с. 23], но эти формально универсальные тенденции для развития мемориальной культуры оказались не столь существенными в Индонезии, где политика памяти оказалась отягощена идеологическими предпочтениями ее участников. В целом, индонезийское общество объясняет невозможность достижения мемориального компромисса в отношении событий 1965 года как политизацией и идеологизацией проблемы, но ситуацией незнания общества в силу закрытости и маргинальности этой тематики, начиная с середины 1960-х гг. [43].

Несмотря на обсуждение этих проблем в обществе, реальные изменения в восприятии такого травматического опыта коллективной памяти фактически отсутствуют, что превращает мемориальную культуру не просто в стабильную, но уязвимую перед внешними угрозами. Последние генерируются дефицитом доверия в отношении друг друга со стороны различных групп индонезийского общества, которые обладают разными памятьми. Поэтому, «когда пишется коллективная память, она отражает определенную политическую и общественную конъюнктуру, а не только повествует о давно минувших событиях» [15, с. 52], что в случае с индонезийской мемориальной культурой отягощено и тем, что события, подвергающиеся пересмотру, оказываются не столь отдаленными в хронологической перспективе от активных агентов исторической политики.

Мемориальная культура как общества в Индонезии, так и мусульманской уммы характеризуется значительным уровнем фрагментации. С одной стороны, демократизация, начавшаяся в 1998 году, сделала возможной культуру памяти, основанную на плюрализме. С другой, умеренные и либеральные мусульмане открыто признают свою неготовность и неспособность понять, как и почему возникают антидемократические и радикальные течения в исламе [37; 38], несмотря на то что, его коллективная память отягощена опытом преследования в рамках предшествующего авторитарного режима. Мусульманские интеллектуалы в Индонезии озабочены ростом радикализма среди верующих, полагая, что репрессив-

ная политика со стороны властей не может улучшить ситуацию, так как, по их мнению, следует не просто подавлять радикалов, но и формировать такую идентичность, которая интегрировала бы различные версии коллективной памяти. Вместо этого зачистка религиозного поля от радикалов насильственными методами существенно снижает адаптивный потенциал коллективной памяти [25].

Иными словами, мусульманские либералы в Индонезии не в состоянии объяснить, почему коллективная память, полученная как травма от авторитарного преследования, не привила индонезийскому социуму иммунитет в отношении крайних идей [10]. Именно в такой ситуации неизбежным становится «рост фрагментации памяти, и разные социальные группы пытаются конструировать свое прошлое различно» [32, р. 188]. Вместе с тем, интеллектуалами констатируется и большая стабильность и даже консервативность индонезийской мемориальной культуры, в сравнении с западной. Поэтому Джоевариан Худияна констатирует, что светские либералы будут играть меньшую роль в развитии исторической памяти, так как «религия по-прежнему будет основной системой общества, что может объяснить, почему религиозные и консервативные деятели легко завоевывают общественность в политическом плане» [28].

В такой ситуации не государство в его традиционном восприятии как источник подавления, но общество становится основным форматором и носителем коллективной исторической памяти, так как «гуманитарный ислам отличается от ближневосточных усилий по формированию мусульманского мира, которые в значительной степени представляют собой схемы, возглавляемые государственными субъектами» [29]. В этом контексте активисты памяти фактически усиливают тенденции ее постепенной фрагментации, что ведет к одновременному соразвитию нескольких мемориальных культур. Этим пользуются сторонники радикального пересмотра памяти, проецируя на историю ислама свои политические и идеологические предпочтения. Превращение ислама в объект политики коллективной памяти позволяет воспринимать его как демократическую религию и декларировать, что именно мусульманство представляет верующим «особый моральный и этический мандат на поддержку движения протеста против расизма» [16].

В этом контексте ислам становится легитимирующим фактором для тех интеллектуалов, которые стремятся подвергнуть ревизии сложивший-

ся в Индонезии мемориальный канон, где исламу отводится вспомогательная роль в легитимации режима. В подобных условиях развития коллективной памяти «исторический ревизионизм стал неотъемлемой частью именно политической, а не научной программы» [3, с. 250]. Более того, часть интеллектуалов не устраивает ситуация коллективной амнезии и вынужденного замалчивания ответственности, в том числе – и со стороны, уммы за факты террора и насилия в 1965 г. [31]. Белорусский исследователь А. Ластовски, комментируя моменты актуализации и вытеснения различных аспектов истории из коллективной памяти указывает на то, что «если прошлое воспринимается как нечто негативное, как тяжесть и отклонение от «нормального» пути, то перед элитами и обществом неизбежно встает задача прощания с наследием и преодоления негативного опыта, исправления собственной траектории развития» [12, с. 37], чем и занимаются представители либерального течения в современной индонезийской умме.

В подобной ситуации коллективная память оказалась зависимой от идеологических факторов, связанных с развитием политического пространства в стране. Поэтому для коллективной памяти уммы в начале 2020-х гг. попытка возрождения Машуми стала очень важным событием, так как исторический опыт этой партии напоминал им о времени, когда «исламские группы в Индонезии были не только более сплоченными, но и более успешными при голосовании. На выборах 1955 года Машуми получила более 20% голосов» [45]. Гетерогенность коллективной памяти ислама в Индонезии генетически восходит к особенностям его развития, связанным с попытками синтеза ближневосточной и западной модели гуманитарного знания, что позволяет сочетать восприятие ислама как «текста и источника» с исламом, понимаемым в рамках «междисциплинарного подхода», который социологическими, историческими и антропологическими методами стремится к «диалогу о том, как ислам реализовал себя в исламской истории» [23; 24].

Такое видение памяти автоматически актуализирует множественность интерпретаций истории уммы, что содействует одновременному со-развитию различных мемориальных культур. В тех случаях, когда мусульманские интеллектуалы размышляют о коллективном опыте индонезийского ислама во второй половине XX века, как правило, актуализируется проблема коллективной травмы, полученной в результате ликвида-

ции в 1965 году коммунистов. Либеральный сегмент уммы признает ответственность своих более радикальных предшественников за преследования левых, не забывая при этом упомянуть и то, что в мемориальной культуре сложился образ коммунизма как антимусульманской идеологии [35]. Пратама Юдха Прадхекса, комментируя эти противоречия в культуре памяти, подчеркивает, что, если в Индонезии начнет доминировать «нарратив о коммунизме с точки зрения морали, а не политико-экономической идеологии» [35], то развитие коллективной памяти будет более уравновешенным. Несмотря на наличие таких либеральных устремлений у части индонезийского общества, реальные трансформации мемориальной культуры Индонезии остаются незначительными.

Индонезийские мусульманские либералы, подобно современным светским интеллектуалам, являются активными участниками исторической политики, будучи вовлеченными в формирование и функционирование коллективной памяти. В рамках либеральной исторической политики уммы рефлексии в начале 2020-х гг. подвергалась как история индонезийского ислама в частности, так и исторический опыт Индонезии как национального государства в целом. Если воспринимать политику памяти как совокупность дискурсивных и нарративных практик, то участие либерального течения индонезийской уммы в формировании мемориальной культуры сводится как к генерации новых смыслов в восприятии прошлого, так и в ревизии сложившихся ранее канонов исторической памяти.

Либеральная мемориальная политика индонезийской уммы не только представляет собой источник новых интерпретаций собственной истории ислама, но и опыта Индонезии как политической нации и государства в XX веке в целом. В этом контексте мемориальные практики мусульманских интеллектуалов актуализировали в начале 2020-х гг. свой реакционный характер, что связано со вторичностью политики памяти уммы, которая фактически представляет реакцию мусульман как на аналогичные светские тенденции, так и на втягивание мусульманских авторов в формирование индонезийской коллективной памяти и национальной мемориальной культуры в целом. В этом отношении мемориальная политика уммы в начале 2020-х гг. отражала общие тенденции исторической политики в целом, что проявлялось в параллелизме различных, одновременно сосуществующих и софункционирующих, форм исторической памяти.

Индонезийские либеральные мусульмане стали активными участниками исторической политики, внося свой вклад как в пересмотр истории уммы, так и ревизию коллективной исторической памяти индонезийцев как политической нации в целом. Принимая во внимание роль ислама в политической жизни Индонезии, не представляется возможным исключать возрастание активности не только либеральных, но и консервативных представителей мусульманского интеллектуального сообщества в функционировании исторической памяти и воспроизводимых в ее рамках мемориальных культур.

Литература

1. Акудовіч А., Казакевіч А. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // Палітычная сфера. 2006. №6. С. 44-48.
2. Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et contra. 2009. №3-4. С. 109-124.
3. Белов М.В., Кузнецова С.В. «В память о невинных жертвах...»: Блайбург – спорное «место памяти» Хорватии // Историческая политики в странах бывшей Югославии / ред. М.В. Белов. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 247-264.
4. Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 21-72.
5. Кирчанов М.В. Восприятие коммунизма в современной политике памяти Индонезии: между "возвращением" и "забвением" // Восточный курьер. 2022. №2. С. 25-35.
6. Кирчанов М.В. Китайские мусульмане как сегмент ислама Нусантары в современной Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 4. №4(57). С. 98-109.
7. Кирчанов М.В. Мусульманская умма в Индонезии в 2021 г.: участники, процессы и противоречия развития // Исламоведение. 2022. Т. 13. №1(51). С. 5-18.

8. Кирчанов М.В. Политический ислам в Индонезии в 2021 г.: умма между модернизацией и радикализацией // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 2. № 2 (55). С. 112-124.

9. Кирчанов М.В. Проблемы кризиса и упадка индонезийского либерального ислама в мусульманском модернизме второй половины 2010-х - начала 2020-х годов // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. №4(22). С. 42-52.

10. Кирчанов М.В. Проблемы радикального ислама в дискурсе индонезийского мусульманского либерализма второй половины 2010-х - начала 2020-х гг. (на примере проекта *tirto.id*) // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. №3. С. 54-69.

11. Кірчанаў М.В. Гісторыя ісламу як аб'ект палітыкі памяці ў Інданезіі // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. №3. С. 82-92.

12. Ластоўскі А. Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка // Палітычная сфера. 2016. №24 (1). С. 37-55.

13. Макаров А.И. Историческая память: конструкция или реконструкция? // Историческая экспертиза. 2014. №1. С. 4-10.

14. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. №3-4. С. 6-24.

15. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. №3-4. С. 43-64.

16. Afsaruddin A. Pesan antirasis dalam Islam 14 abad lalu masih relevan hingga hari ini // The Conversation. 2020. Juli 10. URL: <https://theconversation.com/pesan-antirasis-dalam-islam-14-abad-lalu-masih-relevan-hingga-hari-ini-142479> (дата обращения 03.03.2023).

17. Basuki I. Mengapa sentimen negatif terhadap etnis Cina mengakar kuat di Indonesia // The Conversation. 2020. Agustus 21. URL: <https://theconversation.com/mengapa-sentimen-negatif-terhadap-etnis-cina-mengakar-kuat-di-indonesia-144673> (дата обращения 03.03.2023).

18. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. №4. P. 531-560.

19. Conroe A. Bagaimana mantan tapol 1965 beserta keluarga mereka bergelut dengan memori kekerasan masa lalu // The Conversation. 2022. September 30. URL: <https://theconversation.com/bagaimana-mantan-tapol-1965->

beserta-keluarga-mereka-bergelut-dengan-memori-kekerasan-masa-lalu-191598 (дата обращения 03.03.2023).

20. *Contested Pasts: The Politics of Memory* / eds. K. Hodgkin, S. Radstone. L.-NY.: Routledge, 2003. 272 p.

21. Cubitt G. *History and memory*. Manchester: Manchester University Press, 2013. 273 p.

22. Denton K.A. *The Landscape of Historical Memory: The Politics of Museums and Memorial Culture in Post-Martial Law Taiwan*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2021. 284 p.

23. Dzulfikar L.T. Menjejaki impian UIII untuk jadi pusat kajian 'Islam moderat' di dunia // *The Conversation*. 2019. Desember 16. URL: <https://theconversation.com/menjejaki-impian-uiii-untuk-jadi-pusat-kajian-islam-moderat-di-dunia-128915> (дата обращения 03.03.2023).

24. Dzulfikar L.T. Menjejaki impian UIII untuk jadi pusat kajian 'Islam moderat' di dunia // *The Conversation*. 2019. Desember 18. URL: <https://theconversation.com/menjejaki-impian-uiii-untuk-jadi-pusat-kajian-islam-moderat-di-dunia-128919> (дата обращения 03.03.2023).

25. Fadhli Robby H.M., Rizky Z.M. Satu abad NU: empat hal yang perlu disiapkan ormas Islam terbesar di Indonesia ini untuk memasuki usia abad ke-2 // *The Conversation*. 2023. Februari 7. URL: <https://theconversation.com/satu-abad-nu-empat-hal-yang-perlu-disiapkan-ormas-islam-terbesar-di-indonesia-ini-untuk-memasuki-usia-abad-ke-2-199035> (дата обращения 03.03.2023).

26. Hamid U. Melawan lupa: membaca pesan HAM dalam film NKCTHI // *The Conversation*. 2020. Januari 24. URL: <https://theconversation.com/melawan-lupa-membaca-pesan-ham-dalam-film-nkcthi-130249> (дата обращения 03.03.2023).

27. *Historical trauma and memory: Living with the haunting power of the past* / eds. P. Gobodo-Madikizela, E. Ndushabandi, K. Ratele. African Sun Media. 2021. 423 p.

28. Hudiyan J. Benarkah sekularisme berkaitan dengan kemajuan berpikir suatu masyarakat? Belum tentu // *The Conversation*. 2020. November 27. URL: <https://theconversation.com/benarkah-sekularisme-berkaitan-dengan-kemajuan-berpikir-suatu-masyarakat-belum-tentu-150734> (дата обращения 03.03.2023).

29. Kuru A.T. Bagaimana Nahdlatul Ulama memprakarsai reformasi Islam dan berupaya menyebar pengaruh di dunia Muslim // *The Conversation*. 2021.

Oktober 5. URL: <https://theconversation.com/bagaimana-nahdlatul-ulama-memprakarsai-reformasi-islam-dan-berupaya-menyebar-pengaruh-di-dunia-muslim-168768> (дата обращения 03.03.2023).

30. Leksana G.T. *Memory Culture of the Anti-Leftist Violence in Indonesia: Embedded Remembering*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2023. 232 p.

31. Melvin J. 55 tahun impunitas membawa mundur Indonesia sejak tragedi 1965 // *The Conversation*. 2020. September 30. URL: <https://theconversation.com/55-tahun-impunitas-membawa-mundur-indonesia-sejak-tragedi-1965-147181> (дата обращения 03.03.2023).

32. Outhwaite W., Ray L. *Modernity, Memory and Postcommunism // Social Theory and Postcommunism* / eds. W. Outhwaite, L. Ray. L.-NY.: Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 176-197.

33. Pelletier A. Persaingan merebut otoritas agama menyuburkan tumbuhnya kelompok militan Islam di Jawa // *The Conversation*. 2020. Oktober 26. URL: <https://theconversation.com/riset-persaingan-merebut-otoritas-agama-menyuburkan-tumbuhnya-kelompok-militan-islam-di-jawa-148641> (дата обращения 03.03.2023).

34. *Places of Traumatic Memory: A Global Context* / eds. A.L. Hubbell, Natsuko Akagawa. L.-NY.: Palgrave Macmillan. 2020. 453 p.

35. Pradheksa P. Melihat sejarah rivalitas kelompok kiri dan Islam, serta “Buku Putih” yang melanggengkan sikap antikomunis di Indonesia // *The Conversation*. 2022. Oktober 1. URL: <https://theconversation.com/melihat-sejarah-rivalitas-kelompok-kiri-dan-islam-serta-buku-putih-yang-melanggengkan-sikap-antikomunis-di-indonesia-191668> (дата обращения 03.03.2023).

36. Prasetya A. Kemunculan Khilafatul Muslimin: Sulitnya menumpas akar ekstremisme agama dan ambisi pendirian negara Islam // *The Conversation*. 2022. Juli 5. URL: <https://theconversation.com/kemunculan-khilafatul-muslimin-sulitnya-menumpas-akar-ekstremisme-agama-dan-ambisi-pendirian-negara-islam-184897> (дата обращения 03.03.2023).

37. Pratama A.Y. Laskar Hizbullah dan Sabilillah di Masa Revolusi Kemerdekaan // *Tirto*. 2023. Maret 26. URL: <https://tirto.id/laskar-hizbullah-dan-sabilillah-di-masa-revolusi-kemerdekaan-gD4l> (дата обращения 03.03.2023).

38. Pratama A.Y. Laskar Pesindo dalam Pasang Surut Revolusi // *Tiero*. 2023. Maret 15. URL: <https://tirto.id/laskar-pesindo-dalam-pasang-surut-revolusi-gDsv> (дата обращения 03.03.2023).

39. Ramadhani N.F. Pakar Menjawab: Apakah Pancasila hanya pemikiran Soekarno semata? // *The Conversation*. 2022. Mei 31. URL: <https://theconversation.com/pakar-menjawab-apakah-pancasila-hanya-pemikiran-soekarno-semata-184039> (дата обращения 03.03.2023).
40. Ramadhani N.F. Pakar menjawab: mengapa pelanggaran HAM berat masa lalu di Indonesia sulit diselesaikan // *The Conversation*. 2022. Maret 25. URL: <https://theconversation.com/pakar-menjawab-mengapa-pelanggaran-ham-berat-masa-lalu-di-indonesia-sulit-diselesaikan-179930> (дата обращения 03.03.2023).
41. Rieff D. *In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies*. Yale University Press, 2017. 160 p.
42. Sabarini P. Serial HUT RI: Refleksi 75 tahun Indonesia sebagai bangsa yang merdeka // *The Conversation*. 2020. Agustus 19. URL: <https://theconversation.com/serial-hut-ri-refleksi-75-tahun-indonesia-sebagai-bangsa-yang-merdeka-144572> (дата обращения 03.03.2023).
43. Sulaiman Y. "Darah itu merah, Jenderal!", tapi konflik PKI vs militer dalam kasus 1965 tidak selalu hitam putih // *The Conversation*. 2020. Oktober 2. URL: <https://theconversation.com/darah-itu-merah-jenderal-tapi-konflik-pki-vs-militer-dalam-kasus-1965-tidak-selalu-hitam-putih-129752> (дата обращения 03.03.2023).
44. *The United States, Southeast Asia, and Historical Memory* / eds. M. Pavlick, C. Luft. L.-NY.: Haymarket Books, 2019. 450 p.
45. Tomsa D. Apakah kehadiran Partai Masyumi baru akan menggoncang politik di Indonesia? // *The Conversation*. 2020. Desember 16. URL: <https://theconversation.com/apakah-kehadiran-partai-masyumi-baru-akan-menggoncang-politik-di-indonesia-152084> (дата обращения 03.03.2023).
46. *Trajectories of Memory: Excavating the Past in Indonesia* / eds. M. Budianta, S. Tiwon. L.-NY.: Palgrave Macmillan, 2023. 346 p.
47. *Trauma and Public Memory* / eds. J. Goodall, C. Lee. L.-NY.: Palgrave Macmillan, 2015. 343 p.
48. Wardaya B.T. Riset: stigma dan tuduhan "anak PKI" selepas peristiwa 1965 memicu trauma seumur hidup // *The Conversation*. 2022. September 30. URL: <https://theconversation.com/riset-stigma-dan-tuduhan-anak-pki-selepas-peristiwa-1965-memicu-trauma-seumur-hidup-191327> (дата обращения 03.03.2023).

References

1. Akudovich A., Kazakevich A. Navuka i strategii pratsy z minulym. Dyskusiya ŷ mezhakh seminara «Suchasnae belaruskae myslenne», Instytut sat-syyalogii, Instytut filosofii NAN, 16 sakavika 2006 goda // Palitychnaya sfera. 2006. №6. S. 44-48.
2. Astrov A. Estoniya: politicheskaya bor'ba za mesto v istorii // Pro et contra. 2009. №3-4. S. 109-124.
3. Belov M.V., Kuznetsova S.V. «V pamyat' o nevinnykh zhertvakh...»: Blaiburg – spornoe «mesto pamyati» Khorvatii // Istoricheskaya politiki v stranakh byvshei Yugoslavii / red. M.V. Belov. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. S. 247-264.
4. Bordyugov G., Bukharev V. Natsional'naya istoricheskaya mysl' v usloviyakh sovetskogo vremeni // Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh / red. K. Aimermakher, G. Bordyugov; predisl. F. Bomsdorfa. M.: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-KhKh, 2003. S. 21-72.
5. Kirchanov M.V. Vospriyatie kommunizma v sovremennoi politike pamyati Indonezii: mezhdru "vozvrashcheniem" i "zabveniem" // Vostochnyi kur'er. 2022. №2. S. 25-35.
6. Kirchanov M.V. Kitaiskie musul'mane kak segment islama Nusantary v sovremennoi Indonezii // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. 2022. T. 4. №4(57). S. 98-109.
7. Kirchanov M.V. Musul'manskaya umma v Indonezii v 2021 g.: uchastniki, protsessy i protivorechiya razvitiya // Islamovedenie. 2022. T. 13. №1(51). S. 5-18.
8. Kirchanov M.V. Politicheskii islam v Indonezii v 2021 g.: umma mezhdru modernizatsiei i radikalizatsiei // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'-nye problemy razvitiya. 2022. T. 2. № 2 (55). S. 112-124.
9. Kirchanov M.V. Problemy krizisa i upadka indoneziiskogo liberal'nogo islama v musul'manskom modernizme vtoroi poloviny 2010-kh - nachala 2020-kh godov // Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2022. №4(22). S. 42-52.
10. Kirchanov M.V. Problemy radikal'nogo islama v diskurse indoneziiskogo musul'manskogo liberalizma vtoroi poloviny 2010-kh - nachala 2020-kh gg. (na primere proekta tirto.id) // Diskurs-Pi. 2022. T. 19. №3. S. 54-69.
11. Kirchanaŷ M.V. Gistoryya islamu yak ab'ekt palityki pamyatsi ŷ Indonezii // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2022. №3. S. 82-92.

12. Lastořski A. Prapratořka komunistychnaga minulaga ŷ Slavakii: asnořnyya fakta-ry i dinamika // Palitychnaya sfera. 2016. №24 (1). S. 37-55.

13. Makarov A.I. Istoricheskaya pamyat': konstruktsiya ili rekonstruktsiya? // Istoricheskaya ekspertiza. 2014. №1. S. 4-10.

14. Miller A. Rossiya: vlast' i istoriya // Pro et contra. 2009. №3-4. S. 6-24.

15. Traba R. Pol'skie spory ob istorii v XXI veke // Pro et Contra. 2009. №3-4. S. 43-64.

16. Afsaruddin A. Pesan antirasis dalam Islam 14 abad lalu masih relevan hingga hari ini // The Conversation. 2020. Juli 10. URL: <https://theconversation.com/pesan-antirasis-dalam-islam-14-abad-lalu-masih-relevan-hingga-hari-ini-142479> (data obrashcheniya 03.03.2023).

17. Basuki I. Mengapa sentimen negatif terhadap etnis Cina mengakar kuat di Indonesia // The Conversation. 2020. Agustus 21. URL: <https://theconversation.com/mengapa-sentimen-negatif-terhadap-etnis-cina-mengakar-kuat-di-indonesia-144673> (data obrashcheniya 03.03.2023).

18. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. No 4. R. 531. R. 531-560.

19. Conroe A. Bagaimana mantan tapol 1965 beserta keluarga mereka bergelut dengan memori kekerasan masa lalu // The Conversation. 2022. September 30. URL: <https://theconversation.com/bagaimana-mantan-tapol-1965-beserta-keluarga-mereka-bergelut-dengan-memori-kekerasan-masa-lalu-191598> (data obrashcheniya 03.03.2023).

20. Contested Pasts: The Politics of Memory / eds. K. Hodgkin, S. Radstone. L.-NY.: Routledge, 2003. 272 p.

21. Cubitt G. History and memory. Manchester: Manchester University Press, 2013. 273 p.

22. Denton K.A. The Landscape of Historical Memory: The Politics of Museums and Memorial Culture in Post-Martial Law Taiwan. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2021. 284 p.

23. Dzulfikar L.T. Menjejaki impian UIII untuk jadi pusat kajian 'Islam moderat' di dunia // The Conversation. 2019. Desember 16. URL: <https://theconversation.com/menjejaki-impian-uiii-untuk-jadi-pusat-kajian-islam-moderat-di-dunia-128915> (data obrashcheniya 03.03.2023).

24. Dzulfikar L.T. Menjejaki impian UIII untuk jadi pusat kajian 'Islam moderat' di dunia // The Conversation. 2019. Desember 18. URL:

<https://theconversation.com/menjejaki-impian-iii-untuk-jadi-pusat-kajian-islam-moderat-di-dunia-128919> (data obrashcheniya 03.03.2023).

25. Fadhli Robby H.M., Rizky Z.M. Satu abad NU: empat hal yang perlu disiapkan ormas Islam terbesar di Indonesia ini untuk memasuki usia abad ke-2 // The Conversation. 2023. Februari 7. URL: <https://theconversation.com/satu-abad-nu-empat-hal-yang-perlu-disiapkan-ormas-islam-terbesar-di-indonesia-ini-untuk-memasuki-usia-abad-ke-2-199035> (data obrashcheniya 03.03.2023).

26. Hamid U. Melawan lupa: membaca pesan HAM dalam film NKCTHI // The Conversation. 2020. Januari 24. URL: <https://theconversation.com/melawan-lupa-membaca-pesan-ham-dalam-film-nkcthi-130249> (data obrashcheniya 03.03.2023).

27. Historical trauma and memory: Living with the haunting power of the past / eds. P. Gobodo-Madikizela, E. Ndushabandi, K. Ratele. African Sun Media. 2021. 423 p.

28. Hadiyahana J. Benarkah sekularisme berkaitan dengan kemajuan berpikir suatu masyarakat? Belum tentu // The Conversation. 2020. November 27. URL: <https://theconversation.com/benarkah-sekularisme-berkaitan-dengan-kemajuan-berpikir-suatu-masyarakat-belum-tentu-150734> (data obrashcheniya 03.03.2023).

29. Kuru A.T. Bagaimana Nahdlatul Ulama memprakarsai reformasi Islam dan berupaya menyebar pengaruh di dunia Muslim // The Conversation. 2021. Oktober 5. URL: <https://theconversation.com/bagaimana-nahdlatul-ulama-memprakarsai-reformasi-islam-dan-berupaya-menyebar-pengaruh-di-dunia-muslim-168768> (data obrashcheniya 03.03.2023).

30. Leksana G.T. Memory Culture of the Anti-Leftist Violence in Indonesia: Embedded Remembering. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2023. 232 p.

31. Melvin J. 55 tahun impunitas membawa mundur Indonesia sejak tragedi 1965 // The Conversation. 2020. September 30. URL: <https://theconversation.com/55-tahun-impunitas-membawa-mundur-indonesia-sejak-tragedi-1965-147181> (data obrashcheniya 03.03.2023).

32. Outhwaite W., Ray L. Modernity, Memory and Postcommunism // Social Theory and Postcommunism / eds. W. Outhwaite, L. Ray. L.-NY.: Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 176-197.

33. Pelletier A. Persaingan merebut otoritas agama menyuburkan tumbuhnya kelompok militan Islam di Jawa // The Conversation. 2020. Oktober 26.

URL: <https://theconversation.com/riset-persaingan-merebut-otoritas-agama-menyuburkan-tumbuhnya-kelompok-militan-islam-di-jawa-148641> (data obrashcheniya 03.03.2023).

34. Places of Traumatic Memory: A Global Context / eds. A.L. Hubbell, Natsuko Akagawa. L.-NY.: Palgrave Macmillan. 2020. 453 p.

35. Pradheksa P. Melihat sejarah rivalitas kelompok kiri dan Islam, serta "Buku Putih" yang melanggengkan sikap antikomunis di Indonesia // The Conversation. 2022. Oktober 1. URL: <https://theconversation.com/melihat-sejarah-rivalitas-kelompok-kiri-dan-islam-serta-buku-putih-yang-melanggengkan-sikap-antikomunis-di-indonesia-191668> (data obrashcheniya 03.03.2023).

36. Prasetya A. Kemunculan Khilafatul Muslimin: Sulitnya menumpas akar ekstremisme agama dan ambisi pendirian negara Islam // The Conversation. 2022. Juli 5. URL: <https://theconversation.com/kemunculan-khilafatul-muslimin-sulitnya-menumpas-akar-ekstremisme-agama-dan-ambisi-pendirian-negara-islam-184897> (data obrashcheniya 03.03.2023).

37. Pratama A.Y. Laskar Hizbullah dan Sabilillah di Masa Revolusi Kemerdekaan // Tirto. 2023. Maret 26. URL: <https://tirto.id/laskar-hizbullah-dan-sabilillah-di-masa-revolusi-kemerdekaan-gD4l> (data obrashcheniya 03.03.2023).

38. Pratama A.Y. Laskar Pesindo dalam Pasang Surut Revolusi // Tiero. 2023. Maret 15. URL: <https://tirto.id/laskar-pesindo-dalam-pasang-surut-revolusi-gDsv> (data obrashcheniya 03.03.2023).

39. Ramadhani N.F. Pakar Menjawab: Apakah Pancasila hanya pemikiran Soekarno semata? // The Conversation. 2022. Mei 31. URL: <https://theconversation.com/pakar-menjawab-apakah-pancasila-hanya-pemikiran-soekarno-semata-184039> (data obrashcheniya 03.03.2023).

40. Ramadhani N.F. Pakar menjawab: mengapa pelanggaran HAM berat masa lalu di Indonesia sulit diselesaikan // The Conversation. 2022. Maret 25. URL: <https://theconversation.com/pakar-menjawab-mengapa-pelanggaran-ham-berat-masa-lalu-di-indonesia-sulit-diselesaikan-179930> (data obrashcheniya 03.03.2023).

41. Rieff D. In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies. Yale University Press, 2017. 160 p.

42. Sabarini P. Serial HUT RI: Refleksi 75 tahun Indonesia sebagai bangsa yang merdeka // The Conversation. 2020. Agustus 19. URL: <https://theconversation.com/serial-hut-ri-refleksi-75-tahun-indonesia-sebagai-bangsa-yang-merdeka-144572> (data obrashcheniya 03.03.2023).

43. Sulaiman Y. "Darah itu merah, Jenderal!", tapi konflik PKI vs militer dalam kasus 1965 tidak selalu hitam putih // *The Conversation*. 2020. Oktober 2. URL: <https://theconversation.com/darah-itu-merah-jenderal-tapi-konflik-pki-vs-militer-dalam-kasus-1965-tidak-selalu-hitam-putih-129752> (data obrashcheniya 03.03.2023).

44. *The United States, Southeast Asia, and Historical Memory* / eds. M. Pavlick, C. Luft. L.-NY.: Haymarket Books, 2019. 450 p.

45. Tomsa D. Apakah kehadiran Partai Masyumi baru akan meng-goncang politik di Indonesia? // *The Conversation*. 2020. Desember 16. URL: <https://theconversation.com/apakah-kehadiran-partai-masyumi-baru-akan-menggoncang-politik-di-indonesia-152084> (data obrashcheniya 03.03.2023).

46. *Trajectories of Memory: Excavating the Past in Indonesia* / eds. M. Budianta, S. Tiwon. L.-NY.: Palgrave Macmillan, 2023. 346 r.

47. *Trauma and Public Memory* / eds. J. Goodall, C. Lee. L.-NY.: Palgrave Macmillan, 2015. 343 r.

48. Wardaya B.T. Riset: stigma dan tuduhan "anak PKI" selepas peristiwa 1965 memicu trauma seumur hidup // *The Conversation*. 2022. September 30. URL: <https://theconversation.com/riset-stigma-dan-tuduhan-anak-pki-selepas-peristiwa-1965-memicu-trauma-seumur-hidup-191327> (data obrashcheniya 03.03.2023).

А.С. Чертков

A. Chertkov

**ОРИЕНТАЛИСТСКИЙ
КОНЦЕПТ «ВОСТОК-
ЗАПАД» В КОНТЕКСТЕ
ТРАВЕЛОГА
А.С. ГРИБОЕДОВА**

**ORIENTALIST CONCEPT
"EAST-WEST" IN
THE CONTEXT OF
A.S. GRIBOEDOV**

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению проблемы дихотомии концепции «Восток — Запад» на примере русского классического ориентализма. Анализируются принципы ориентализации пространства, содержащиеся в травелоге дипломата и драматурга А.С. Грибоедова в контексте колониального дискурса, относящегося к первой четверти XIX века. Исследуется состояние и направленность предполагаемых действий колонизирующего и колонизируемого типа, находящихся в разных сопоставимых обстоятельствах. Отмечается, что в периоды колониального вторжения в цивилизационное пространство других этносов различным формами деформации культурно-нравственных основ подвергаются обе стороны, включенные в дихотомический процесс познания друг друга. Автор показывает, что представители русского классического ориентализма с разной степенью успешности осваивали навыки интерпретации восточного материала, неизбежно переходя на этноцентристские позиции. Подтверждено положение, что традиция ориентальных травелогов русских классиков связана с имперскими амбициями России на Востоке. Содержащие разнообразную информацию о культуре, обычаях и нравах правящей персидской династии, грибоедовские путевые записки способствовали накоплению знаний и изучению восточной цивилизации. Обращение к восточным текстам русского дипломата, драматурга отчасти отвечает запросу на выявление «удельного веса слова А.С. Грибоедова в культурном сознании современного общества». В статье на примере травелога А.С. Грибоедова

Abstract

The article is devoted to the problem of the dichotomy of the concept "East - West" on the example of Russian classical orientalism. The principles of space orientation contained in the travelogue of the diplomat and playwright A.S. Griboedov in the context of colonial discourse relating to the first quarter of the 19th century. The state and direction of the alleged actions of the colonizing and colonized type, which are in different comparable circumstances, are investigated. It is noted that during the periods of colonial invasion of the civilizational space of other ethnic groups, both parties involved in the dichotomous process of knowing each other undergo various forms of deformation of the cultural and moral foundations. The author shows that representatives of Russian classical Orientalism, with varying degrees of success, mastered the skills of interpreting oriental material, inevitably moving to ethnocentric positions. The position is confirmed that the traditions of oriental travelogues of Russian classics are associated with the imperial ambitions of Russia in the East, while Griboedov's travel notes contributed to the accumulation of knowledge and the study of Eastern civilization. The study of the oriental texts of the diplomat and playwright partly answers the request to identify "the specific weight of the word A.S. Griboedov in the cultural consciousness of modern society. In the article, using the example of the travelogue A.S. Griboedov substantiates the fatal duality of the diplomat's self-identification, emphasizes the duality of his position as a writer and an official who performed his official duties as the secretary of the Russian mission, and then the

обосновывается фатальная дуальность самоидентификации дипломата, подчеркивается двойственность его положения как литератора и чиновника, исполнявшего свои служебные обязанности в качестве секретаря русской миссии, а затем и министра-посланника Российской империи в Персии, что несомненно отложило отпечаток на содержании грибоедовского травелога.

minister-envoy of the Russian Empire in Persia, which undoubtedly left its mark on the content of Griboyedov's travelogue.

Ключевые слова:

ориентализм, дихотомия, этноцентризм, русский травелог, колониализм, дипломатия, А.С. Грибоедов, каджарская династия, полувосточные, восточная цивилизация.

Key words:

orientalism, dichotomy, ethnocentrism, Russian travelogue, colonialism, diplomacy, A.S. Griboyedov, Qajar dynasty, semi-Europeans, Eastern civilization.

Цивилизационное сопоставление концепта «Восток — Запад» имеет давнюю философскую, культурологическую, политологическую, геополитическую традицию, которая довольно быстро перешагнула географическое мировосприятие пространственной среды обитания этносов и начала формировать собственные, не всегда продуктивные конструкты. Сопоставления политико-правовых систем, конфессиональных и культурных традиций, наделенных исходными полярными характеристиками, без опоры на методологическую основу зачастую приводят к выделению из общественной среды групп с противоположными идейными, научными позициями.

Национальное своеобразие, разительные отличия западной и восточной культур, даже несмотря на складывающиеся пограничные субкультурные образования или стирающие границы технологические новации, остаются незыблемыми константами, определяющими цивилизационное состояние этносов в постоянно изменяющемся пространстве. Их временная субъектность, кажущаяся податливостью внешнему воздействию, не должна вводить в заблуждение колонизирующий и колонизируемый типы сознания, которые увлекаются сопоставлением несопоставимого или по крайней мере того, что природой, естеством своим не предназначено для ментального сравнения.

К приходу на территорию расселения этноса людей колонизирующего типа, колонизируемым безразлично насколько созданное его цивилизацией окружающее пространство соответствует представлениям новых народов. «В отличие от греков, персов мало интересовала натурфилософия, им ин-

тересно было другое – где друзья и где враги, что считать добром, а что – злом, извечна ли вражда?», – писал Л.Н. Гумилев [5, с. 114].

Исследователи различных форм ориентализма попадают в цивилизационную ловушку, когда, даже принимая дихотомию концепта «Восток – Запад», рассматривают различные интерпретации политико-правовых режимов или не согласующиеся с нормой и этикой европейца обычаи восточной культуры, конституционно не закрепленные принципы, гарантии и законы, попирающие права человека, со своих ареопагных позиций. Аристотель писал, что «государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования» [2, с. 110]. В данной парадигме отсутствует оглядка на самочувствование иноземцев, для которых необходимо создавать какие-либо условия, чтобы они лучше поняли специфику государственного устройства или успешно адаптировались к обычаям и традициям чуждой культурной среды.

Колониальное вторжение в цивилизационное пространство других этносов, которое происходило и происходит в результате завоевательных войн, неминуемо получает болезненную отдачу как при мощной оружейной стрельбе. Оно является провоцирующим фактором для выражения различных форм несогласия, сопротивления или неприятия с насаждаемой идеологией, порядками, которые затрагивают устоявшиеся правила или традиции колонизируемого народа. При этом различными формами деформации культурно-нравственных основ подвергаются обе стороны, включенные в дихотомический процесс познания друг друга.

Постепенно накапливая знания о народах, проживающих на вновь обретенной территории, колонизирующий тип сознания неизбежно приходит к мысли об абсолютном мироустройстве по образцу, установленному господствующим сувереном. В свою очередь, колонизируемый тип рано или поздно обнаруживает слабые места в патерналистской системе управления регионом и требует особых привилегий для служащих сюзерену местным элитам, угрожая бунтами националистически настроенных граждан, беднейших слоев населения, религиозных фанатиков и др. Такая политико-правовая конструкция находится в постоянной системе угроз и противоречий, не располагающей к поэтапному эволюционированию.

Кризис европейского мировосприятия, обозначившийся в конце XVIII века, стимулирует интерес к культуре Востока. Путешественники,

ученые, литераторы с разной степенью успешности осваивают навыки интерпретации восточного материала, в который они погружаются в процессе следования в глубь Евразии. Оказавшись лицом к лицу с проявлениями особой восточной ментальности, исследователь-европеец неизбежно предстал этноцентристом – настолько разительные несоответствия ожидали его при погружении в иную цивилизацию. Колониальные типы пребывали при этом в состоянии внутреннего конфликта, в котором сталкивались, с одной стороны картины и образы архитектурного и художественного великолепия восточной культуры и искусства, а с другой – образцы восточного деспотизма и жестокости в отношении к колонизируемому населению.

Именно интонации интерпретации пребывающего во внутреннем культурном диссонансе европейца-путешественника, становятся определяющими в процессе формирования ориенталистского знания о Востоке. Неспроста критик западного воззрения на Восток Э.В. Саид выделяет такие качества, как «интуиция понимания», «инструмент контроля, манипулирования, даже инкорпорирования того, что выступает как явно иной... мир» [11, с. 23-24].

Российская империя в первой четверти XIX века устремляется на Восток, подчиняя воинственные государства Кавказа, Закавказья и Юго-Западной Азии (Персия), усиливая свое геополитическое влияние в Евразии, овладевая важнейшими торговыми путями. Наглядным примером, демонстрирующим традиционную дихотомию концептов «Запад» и «Восток», служит изучение феномена русского ориентализма первой половины XIX века на примере восточного текста, созданного писателями, путешественниками, мыслителями, среди которых заметными явлениями стали произведения А.С. Грибоедова, О.И. Сенковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др. Современные исследователи П.В. Алексеев [1], Г.-Р.А.-К. Гусейнов, А.Л. Мугумова [6], Н.А. Джабраилова [7] и др. дают обширное представление о русской классике, вобравшей мотивы и образы, восходящие к Востоку.

В череде проблем, которые не были основательно изучены отечественными исследователями биографии и мировоззрения дипломата, находится и вопрос об ориентализме А.С. Грибоедова. Подводя итоги достигнутого и определяя научный круг грибоедоведческой проблематики, заслуживающей системного изучения, М.В. Строганов говорит о необхо-

димости «перевести разговор о дипломатической деятельности Грибоедова из панегирической модальности в собственно научную и исторически обоснованную». По мнению ученого имеется и следующая задача – выявление «удельного веса слова Грибоедова в культурном сознании современного общества» [12, с. 6, 8]. Изучение восточных текстов драматурга отчасти отвечает такому запросу: дневниковые записки А.С. Грибоедова времен первой и второй дипломатических миссий в Персии относятся к жанру ориентальных травелогов первой четверти XIX века.

Не предназначавшиеся к публикации и не прошедшие авторскую литературную обработку («Ни строчки моего путешествия не выдам в свет...»), они, тем не менее, содержат свидетельства о восточной тематике представителя «поврежденного класса полуевропейцев», как охарактеризовал свое поколение сам Грибоедов. В научной среде существует позиция, которая приподнимает литературную планку грибоедовского травелога, изложенная П.С. Красновым: «И все же мы вправе отнести к ним как к литературному произведению, реформирующему жанр «путешествия», преодолевающему обычные сентиментальные штампы. В творческой эволюции Грибоедова они занимают особое место» [8, с. 210].

Поливариантный характер носит самоидентификация Грибоедовым своего «скитальческого» статуса как «секретаря бродящей миссии»: «Нет! я не путешественник! Судьба, нужда, необходимость...; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее...», – писал он в письме С.Н. Бегичеву, 10-13 февраля 1819 года А.С. Грибоедов – путешественник поневоле, силою служебной необходимости, вынужденный преодолевать значительные расстояния по территориям, завоеванным русской армией.

При анализе восточного текста Грибоедова следует учитывать и двойственность его положения как литератора и чиновника, исполнявшего свои служебные обязанности в качестве секретаря русской миссии, а затем и министра-посланника Российской империи в Персии, что несомненно отложило свой отпечаток на содержании путевых записок. Скорее всего, данное обстоятельство не было учтено Э.Ф. Шафранской, которая посвятила ориентализму Грибоедова свою статью. В ней исследователь следует концепции классического ориентализма В. Тольц [13], рассматривая его как «отношение Запада к Востоку не в форме диалога, а в виде превосходства одной стороны над другой» [16, с. 729]. В статье обосновывается «вклад русского писателя и дипломата в создание русского ко-

лониального канона», приводятся выдержки из путевых записок Грибоедова, свидетельствующих по мнению автора, о колониальной направленности высказываний дипломата. Подобранные определенным способом единицы локального текста – паттерны должны по замыслу исследователя свидетельствовать, что записки Грибоедова – это «взгляд западного человека на дикий Восток, взгляд «белого» человека, несущего цивилизацию...», делается вывод о том, что «Грибоедовское восприятие Востока, встроенное в имперскую парадигму, господствовало в русской культуре и литературе на протяжении более чем двух веков» [16, с. 731, 733]. Тем самым исследователь чрезвычайно высоко оценивает влияние восточного контента путевых записок Грибоедова на развитие общественной мысли в имперской России. Думается, данная оценка преувеличена, как преувеличены негативные оценки эмоциональным высказываниям Грибоедова, взятым из разрозненных отрывков его путевого дневника.

При желании в грибоедовском тексте можно найти и противоположные суждения, объективно описывающие разнообразные проявления восточной цивилизации, с которой столкнулся дипломат. Литературовед Ю.М. Лотман тонко уловил эту особенность отношения Грибоедова к горским народам: «Живы в нас отцов обряды», – говорят «хищники» кабардинцы из стихотворения «Хищники на Чегеме» [4, с. 349-351]. «Хищник» в руссоистском контексте Грибоедова (как и у Пушкина в «Кавказском пленнике»: «...хищник возопил») – оценка положительная, синоним дикого и свободного человека» [9, с. 208]. Лотман приводит строки из стихотворения Грибоедова «Хищники на Чегеме» («Окопайтесь рвами, рвами...»), октябрь 1825 года, в котором есть такие строки: «Живы в нас отцов обряды / Кровь их буйная жива...». И далее Грибоедов еще больше развивает эти мысли. В письмах друзьям он говорит о «борьбе горной и лесной свободы с барабанным просвещением» (С. Бегичеву, 7 ноября 1825 года), именует «хищников» «вольным, благородным народом» (В. Кюхельбекеру, 27 ноября 1825 года). Как истинного гиперборейца с сильным характером и «сильным умом», Грибоедова прельщают такие же, выточенные из природного материала, черты характера в других народах, будь то они враги или друзья [14, с. 208]. В этом и заключается цивилизаторская миссия Грибоедова, ценящего в других культурах их неизблемые природные основы и, невзирая на противоречия, ищущего общие знаменатели.

В путевых письмах вдумчивый читатель обнаружит исторические параллели, интересные детали и обобщения; нередко их сердцевину составляют важнейшие «грибоедовские коды». Часть путевых впечатлений легла в основу «Горя от ума». Так, например, случилось со встречей на обеде у Мегмет-бека (4 февраля 1819 года) с человеком-анонимом, в котором автор разглядел «Маржерета, выходца при Дмитриии». Позднее поэт выпишет из этого впечатления эскиз на «вертунов залетных из-за Рейна», прототипы которых будут описаны в ранней редакции комедии: «...Есть, пить и предавать на суд / Столов убранство, роскошь блюд...» [8, с. 209-210].

Творческие искания «секретаря бродящей миссии» протекают на фоне живописных кавказских просторов, скупыми красками Грибоедову удается передать атмосферу могущественности, таинственности, благозвучности, которые они навевают. Красота ущелий, горных хребтов, причудливых речных изгибов, звериных троп не покидает воображение Грибоедова настолько, что уже покинув Восток, он вновь мысленно возвращается к этим своим волнительным воспоминаниям, произнося вслух: «С тех пор не нахожу себя».

Путевые записки Грибоедова в Персии «пронизаны символическими образами: они сопровождают секретаря русской миссии буквально с первых минут его появления на древней земле каджарского царства» [15, с. 191]. Наряду с резкими высказываниями в отношении безобразных поступков персидской знати, свидетелем которых стал Грибоедов, впечатления странствующего дипломата содержат описание благостных сюжетов из местной жизни. «Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль, притом же не суховидную. Путь здесь не ровный, как в наших плоских краях; каждый восход, каждый спуск дарит новой картиной», – пишет 31 января 1819 г. Грибоедов. – «Я принужден был ему признаться, что Петербург ничего такого в себе не вмещает, как он, впрочем, ни красив и ни великолепен...» [3, с. 124, 126].

По долгу дипломатической службы А.С. Грибоедов обязан был замечать нравы двора правящей династии, которые могли осложнить деятельность русской миссии в Персии. «Лишнее говорить, что деятельность Грибоедова протекала в духе русской официальной политики того времени, которая сводилась к расширению границ России на Востоке... Грибоедов принужден был действовать в границах, предуказанных русским правительством», – отмечала О.И. Попова при первой публикации трех слу-

жебных донесений и шести писем А.С. Грибоедова за 1818-1821 гг. [10, с. 31]. Дипломат запечатлел неприемлемые взгляду просвещенного европейца картины восточного деспотизма: «горсть бриллиантов, засунутая в рот поэту», «резанные уши и батоги при мне», «блуждалище персидских неправд» и многое другое. Впоследствии этот взгляд будет ставиться в вину Грибоедову, как недозволенный колониальный паттерн.

Фатальной дуальностью самоидентификации Грибоедова буквально пронизаны его путевые записки: проводник имперской политики на Востоке и сторонник прогрессивных идей, странник поневоле и дипломат, с интересом принимающий новую цивилизацию, «полуевропеец» и плоть от плоти носитель русской дворянской культуры, голову готовый сложить за свой народ, «Нет! я не путешественник!» и «Ни строчки моего путешествия не выдам в свет...» и др. Так кто же вы на самом деле, А.С. Грибоедов?

Безусловно, ориентальный травелог связан с имперскими амбициями России на Востоке в отношении слабеющих народов, находящихся под патронатом потерпевшей поражение в русско-персидской войне каджарской династии. Находясь в состоянии западно-восточной дихотомии, Россия оставалась Западом для Востока и Востоком для Запада. Грибоедовский ориентальный травелог способствовал изучению восточной цивилизации, накоплению знаний об особенностях правления, хозяйствования и культуры Востока.

Литература

1. Алексеев П.В. Русский романтический ориентализм: принципы и проблемы исследования // Филология и человек. 2013. №4. С. 18-26.
2. Аристотель. Политика. Москва: Мысль, 1997. 459 с.
3. Грибоедов А.С. Соб. соч. в двух томах. Т. 2. Москва: Правда, 1971. 367 с.
4. Грибоедов А.С. Хищники на Чегеме («Окопайтесь рвами, рвами...») // Грибоедов А.С. Сочинения в стихах. Л.: Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. С. 349–351.
5. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. 279 с.
6. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А.Л. Экзотические ориентализмы в творчестве А.С. Грибоедова: аспекты обновленной интерпретации // Фи-

логические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, №11. С. 181-187.

7. Джабраилова Н.А. Кавказ как символ русского романтического ориентализма и восточные мотивы в творчестве декабристов // Научная мысль Кавказа. 2016. №3(87). С. 81-85.

8. Краснов П.С. Путевые письма Грибоедова (от Тифлиса до Тегерана) // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л.: Наука, 1977. С. 206-211.

9. Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). СПб.: Искусство-СПБ, 1997. 845 с.

10. Попова О.И. А.С. Грибоедов в Персии 1818-1823 гг. (по новым документам). Москва: ГУМЗ, 1929. 125 с.

11. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.

12. Строганов М.В. Грибоедов. Между прошлыми успехами и надеждами на будущее // Культура и текст. 2021. №3(46). С. 6-10.

13. Тольц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи [1700–1917]. Москва: НЛО, 2010. С. 266–307.

14. Чертков А.С. А.С. Грибоедов. Начало. Персидская миссия 1818-1823 гг. Якутск, 2020. 412 с.

15. Чертков А.С. Об истоках дипломатического становления А.С. Грибоедова в период первой персидской миссии 1818-1823 гг. // PolitBook. 2022. №4. С. 184-194.

16. Шафранская Э.Ф. Ориентализм Грибоедова // А.С. Грибоедов: русская и национальные литературы: материалы международной научно-практической конф. (Ереван, 26-27 сент. 2015 г.). Ереван, 2015. С. 729-736.

References

1. Alekseev P.V. Russkii romanticheskii orientalizm: printsipy i problemy issledovaniya // Filologiya i chelovek. 2013. №4. S. 18-26.
2. Aristotel'. Politika. Moskva: Mysl', 1997.
3. Griboedov A.S. Sob. soch. v dvukh tomakh. T. 2. Moskva: Pravda, 1971. 367 s.
4. Griboedov A.S. Khishchniki na Chegeme («Okopaites' rvami, rvami...») // Griboedov A.S. Sochineniya v stikhakh. L.: Sovetskii pisatel'. Leningr. otd-nie, 1967. S. 349–351.
5. Gumilev L.N. Geografiya etnosa v istoricheskii period. L.: Nauka, Leningr. otd-nie, 1990. 279 s.
6. Guseinov G.-R. A.-K., Mugumova A.L. Ekzoticheskie orientalizmy v tvorchestve A.S. Griboedova: aspekty obnovlennoi interpretatsii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 12, №11. S. 181-187.
7. Dzhabrailova N.A. Kavkaz kak simvol russkogo romanticheskogo orientalizma i vostochnye motivy v tvorchestve dekabristov // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2016. №3(87). S. 81-85.
8. Krasnov P.S. Putevye pis'ma Griboedova (ot Tiflisa do Tegerana) // A. S. Griboedov. Tvorchestvo. Biografiya. Traditsii. L.: Nauka, 1977. S. 206-211.
9. Lotman Yu.M. O russkoi literature. Stat'i i issledovaniya (1958–1993). SPb.: Iskusstvo-SPB, 1997. 845 s.
10. Popova O.I. A.S. Griboedov v Persii 1818-1823 gg. (po novym dokumentam). Moskva: GUMZ, 1929. 125 s.
11. Said E. Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka. SPb.: Russkii mir, 2006. 640 s.
12. Stroganov M.V. Griboedov. Mezhdru proshlymi uspekhami i nadezhdami na budushchee // Kul'tura i tekst. 2021. №3(46). S. 6-10.
13. Tol'ts V. Rossiiskie vostokovedy i obshcheevropeiskie tendentsii v razmyshleniyakh ob imperiyakh kontsa XIX – nachala XX veka // Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiiskoi imperii [1700–1917]. Moskva: NLO, 2010. S. 266–307.
14. Chertkov A.S. A.S. Griboedov. Nachalo. Persidskaya missiya 1818-1823 gg. Yakutsk, 2020. 412 s.
15. Chertkov A.S. Ob istokakh diplomaticheskogo stanovleniya A.S. Griboedova v period pervoi persidskoi missii 1818-1823 gg. // PolitBook. 2022. №4. S. 184-194.
16. Shafranskaya E.F. Orientalizm Griboedova // A.S. Griboedov: russkaya i natsional'nye literatury: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konf. (Erevan, 26-27 sent. 2015 g.). Erevan, 2015. S. 729-736.

**Е.И. Макарова,
Д.В. Грицких**

**E. Makarova,
D. Gritskikh**

**ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ
НА ЭТНИЧЕСКУЮ
И РЕГИОНАЛЬНУЮ
ИДЕНТИЧНОСТЬ
ЖИТЕЛЕЙ ЛУГАНЩИНЫ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ
ПЕРИОД**

**FACTORS OF INFLUENCE
ON THE ETHNIC AND
REGIONAL IDENTITY OF
RESIDENTS OF LUHANSK
REGION IN THE POST-
SOVIET PERIOD**

Аннотация

Авторы данной статьи, опираясь на исследование современных российских ученых, делают попытку охарактеризовать факторы влияния на этническую идентичность одного из новых регионов Российской Федерации – Луганской Народной Республики. В статье раскрываются исторические корни проблемы. Смена эпох, на протяжении которых сформировались несколько основных – определяющих факторов этнической и региональной идентичности Луганщины. Определено, что в течение нескольких столетий географическое расположение определяло роль буферной зоны между Российской империей и Османско-татарским миром, а с развитием горнодобывающей и тяжелой промышленности в регионе и важнейшей территорий экономического развития. Целенаправленная политика российских властей в отношении представленного в исследовании региона привела к формированию многонационального населения с очевидным преобладанием двух этносов – русских и украинцев.

За период советской истории эти два основных этноса составили основу нового феномена – советский человек. После распада СССР начался обратный процесс целенаправленного уничтожения всего советского и особенно психологии «советского» человека. Административным путем и активной национальной политикой было создано искусственное преобладание украинского населения над русским. В качестве итоговых выводов предложен тезис о том, что и на современном этапе Луганщина подвержена влиянию факторов этнической

Abstract

The authors of this article, relying on the research of modern Russian scientists, attempt to characterize the factors of influence on the ethnic identity of one of the new regions of the Russian Federation – the Luhansk Public Republic. The article reveals the historical roots of the problem. The change of epochs, during which several main factors of the ethnic and regional identity of the Luhansk region were formed. It is certain that for several centuries the geographical location determined the role of a buffer zone between the Russian Empire and the Ottoman-Tatar world, and with the development of mining and heavy industry in the region and the most important areas of economic development. The purposeful policy of the Russian authorities formed a multinational population with an obvious predominance of two ethnic groups – Russians and Ukrainians. During the period of Soviet history, these two main ethnic groups formed the basis of a new phenomenon – the Soviet man. After the collapse of the USSR, it was began the reverse process of purposeful destruction of the Soviet and especially the psychology of the "Soviet" man. An artificial predominance of the Ukrainian population over the Russian was created by administrative means and active national policy. In conclusion, we want to say the Luhansk region is influenced by factors of ethnic and regional identity that have developed over several centuries.

и региональной идентичности, сложившихся в течение нескольких столетий.

Ключевые слова:

регион, этнос, факторы влияния, Луганщина, «советский» человек, региональная идентичность, этническая идентичность.

Key words:

region, ethnicity, factors of influence, Luhansk region, "Soviet" person, regional identity, ethnic identity.

События последнего десятилетия, происходящие на Луганщине, создали ситуацию острой необходимости определения места и роли жителей этого региона в истории России. Процесс возвращения территории Луганской области в состав Российской Федерации требует осмысления культурно-цивилизационных точек соприкосновения. В этом существенную помощь может оказать изучение факторов этнической и региональной идентичности. Таким образом, данная тема является на сегодня актуальной. Интересующие вопросы, исследуемые как молодыми, так и маститыми учеными, настолько широки, что мы отважимся перечислить лишь некоторые – наиболее интересные для нас. Это, например, изучение истории региональных процессов в Российской империи [19], сугубо политические аспекты идентичности общества и особенностей развития отдельных регионов России [2], проблемы формирования политической идентичности в приграничных регионах России [16] и многие другие. Есть и более современные исследования, направленные на изучение факторов идентичности региональной и этнической, которые, по сути оформились в политологическую школу. Такие исследователи как В.Л. Савичев, В.К. Петров, С.Г. Селиванов активно развивают направление этнополитологии и исследуют вопросы русского этногенеза («Этнополитология и русский этногенез») [18].

Среди исследователей этих вопросов следует отметить Т.И. Герасименко, доктора географических наук, профессора Оренбургского государственного университета. Предложенный нею принцип определения факторов региональной и этнической идентичности, в работе «Главные факторы трансформации региональной и этнической идентичности» с опорой на природно-климатические условия, кажется наиболее удачным [4]. Приблизительно такой же подход используют и некоторые историки, и этнографы. Несколько меняется лишь формулировка – природно-климатические условия во многом (а иногда и полностью, как у народов севера или реликтовых племен) определяют материальную культуру этноса, народа, культурно исторического типа (как у Н. Я. Данилевского) или целой цивилизации.

Кроме того, изложение динамики развития Луганщины в хронологической исторической последовательности даст более точную картину для понимания тех региональных и этнических процессов, которые происходят сегодня. Безусловно, для объяснения особенностей тех факторов, которые сегодня влияют на региональные и этнические процессы Луганщины нами будут использованы политологические и социологические инструменты.

Итак, особенности природного ландшафта (или природно-климатических условий) Луганщины состоит, прежде всего, в наличии самых различных зон – от совершенно непригодных для проживания, до оазисов вполне пригодных даже для жизни древнейших первобытных людей. Все многообразие природных зон можно свести к трем основным типам:

1. Северная часть ЛНР – это преимущественно степная зона с плодородными черноземными почвами. Однако реки, которые обеспечивают ирригацию небольшие, полноводными бывают только в период весеннего разлива, а летом часто пересыхают;

2. Несколько значительных участков территории до середины XX века были более всего похожи на песчаные пустыни (нынешний Станично-Луганский и Северодонецкий район);

3. Прилегающие к более или менее крупным рекам зоны с постоянным водным балансом – наиболее пригодные для заселения людьми. Это реки Северский Донец, Айдар, Деркул, долина Евсуга и Ковсуга.

Первые поселения людей, найденные археологами, появились около 100 тыс. лет тому назад. (ранний каменный век). В это время люди селились в окрестностях нынешнего Луганска (Красный Яр) и в Станично-Луганском районе. В эпоху позднего палеолита люди стали селиться севернее (Кременской и Троицкий р-н.). А в эпоху мезолита и неолита стоянки людей встречаются уже почти по всей территории. В период медного и бронзового века фиксируется множество оседлых поселений земледельцев и скотоводов [14].

Естественное (самостоятельное) развитие местных культур и племен в X–IX вв. до н.э. прервало нашествие кочевых племен киммерийцев, затем в VII – III вв. до н.э. их сменили скифы, а во II в. до н.э. – III в. н.э. – сарматы. Эти племена оказались более развитыми в области военного дела, обработки металлов (в т.ч. железа) и без труда осуществляли контроль над местным населением. Воинственные народы не только несли опустошение и смерть, но и новые технологии и связь с внешним миром. В IX –

XIII вв. на территории края массово проживали алано-болгарские племена, кочевые племена Печенегов, Торков и особенно Половцев. После этого на очень длительное время эти земли взяли под контроль монголо-татары, и они получили название в исторической литературе «Дикое поле».

Лишь в XV – XVI вв. дикое поле стали заселять беглые украинские и российские крестьяне, которые колонизировали территории из-за вынужденного бегства от гнета польско-литовских властей и усиления крепостного права центральной России. Именно это время стало поворотной точкой в изменениях статуса региона и принципиальным изменениям в этническом составе. Беглые крестьяне при поддержке казачьих отрядов длительное время выполняли функцию буферной зоны между турецко-татарским миром и славянским. Мирное сосуществование русских и украинских крестьян было обусловлено факторами близости культур, языков и единой православной веры. Такое положение при поддержке Русского царства сохранялось до конца XVI века [14].

В XVII – XVIII в. функция приграничного района – форпоста защиты от турецко-татарской агрессии оставалась основным специфическим фактором развития региона. На территории нынешней ЛНР появился славяносербский полк, состоявший из переселенцев, бежавших от турецкого гнета на Балканском полуострове. Место компактного проживания беженцев, среди которых были так же (кроме сербов и хорватов) болгары валахи и венгры, получило название Славяно-Сербии, которое сохранилось до сегодняшнего дня. Следует правда сразу отметить, что все эти этнические меньшинства были полностью ассимилированы и сегодня не представлены в качестве самостоятельных общин, сохранивших свою культуру, язык и традиции.

Вместе с тем XVIII столетие стало временем перемен для Луганска. В это время начался активный процесс развития тяжелой и горнодобывающей промышленности. Именно в 1795 году вышел указ императрицы Екатерины II об основании чугунно-литейного завода по производству пушек. Активные действия России в борьбе с Османской империей привели к необходимости ускорения освоения территории «дикого поля».

Для строительства литейного завода в Луганск были приглашены европейские специалисты – Карл (Чарльз) Гаскойн, Густав Гесс де Кальве, Аполлон Мевуис и др. Для работы на заводе были приглашены инженеры и специалисты из Великобритании (Англии). Немцы, французы, шотландцы, бельгийцы нередко переселялись на наши земли вместе с семьями. Так,

например, в Луганске долгое время существовала улица Английская, на которой и проживали компактно англичане [7, с. 177 – 179].

Таким образом, XVIII – XIX века оказались временем, когда в регионе появилось значительное количество европейцев различных национальностей. Правда следует отметить, что это не привело к появлению культовых сооружений, либо общин, которые стали бы носителями языка или культуры. А пример судьбы В.И. Даля красноречиво говорит о том, что потомки шотландцев, немцев и др. меньшинств полностью ассимилировались, принимая образ жизни местного населения. Это было обусловлено тем, что коллективы заводских рабочих (которые и составляли основную массу населения городов) формировались из переселенных из различных регионов России крестьян.

Вместе с тем Луганщина, в стратегических планах Российской империи, становится наиболее развитым промышленным регионом юга России, способствующим реализации амбициозных планов, по установлению контроля над Азовским, и значительной частью побережья Черного моря. Это приводит к началу формирования региональной идентичности жителей региона под влиянием природно-климатических и политических факторов.

Под влиянием именно этих факторов развивались населенные пункты нынешних районов Луганской Народной Республики (ЛНР) таких как Лутугинский, Краснодонский, Ровеньковский, Свердловский, Антрацитовский, Алчевский, Перевальский и собственно Луганск. К этому времени окончательно определились и особенности развития северной части ЛНР – Станично-Луганский, Новоайдарский, Белокуракинский, Сватовский, Северодонецкий, Старобельский, Новопсковский и др. районы стали преимущественно сельскохозяйственными [14; 17].

Промышленно развитой Донбасс, и Луганщина в том числе, стали оплотом революционного движения России в начале XX века. К этому времени регион окончательно превратился в край угольщиков и промышленников. Коллективы заводов уже насчитывали десятки тысяч рабочих, заработки которых были весьма невысокими.

В годы гражданской войны на территории Луганщины появился еще один фактор, который мог повлиять на формирование этнической идентичности региона. Это участие значительного контингента китайских войск в составе Красной армии в годы гражданской войны [13]. Однако, появление столь экзотических для Луганщины персонажей не стало значительным

фактором, повлиявшим на этнический состав проживающих на ней народов. Основной причиной, по которой китайцы не смогли поселиться в городах и поселках края, стала неразбериха в оформлении документов. Они в основной своей массе не смогли получить гражданство УССР и даже вид на жительство. Сведения о том, что китайцы сумели оформить документы и устроиться на работы представили лишь органы внутренних дел нескольких населенных пунктов Луганской области (7 человек в Алчевском районе, 12 китайцев остались работать на Изваринском руднике, 17 человек на шахте №1 г. Сорокино (Краснодон)) [13, с. 288 – 291].

Специфика развития региона с условным делением на промышленную часть и преимущественно сельскохозяйственный Север сохранилась и в 20–30 гг. XX века. А после первых пятилеток индустриализации СССР стала еще более выраженной. Луганск превратился в крупный административный центр с десятками крупных (трудовые коллективы свыше 10 000 чел.) и более мелких предприятий. Политика «украинизации», характерная для этого периода во всей УССР и санкционированная органами центрального управления СССР, привела к усилению фактора украинского языка в формировании региональной и этнической идентичности региона. Если в период царской России национальный вопрос не являлся значимым для региона, то теперь соперничество русского языка, как языка бытового общения большинства населения промышленно-развитых городов и украинского, как «государственного» языка Украинской ССР и языка общения сельскохозяйственных регионов стало важнейшим фактором в культурном, научном, политическом развитии региона. А, следовательно, и весомым фактором, влияющим на региональную и этническую идентичность региона. Вопрос этнической или как сейчас принято говорить на Украине национальной идентичности стал инструментом для борьбы с советской властью со стороны иностранных государств. Так зародился фактор внешнего (иностранного) политического влияния на региональную и этническую идентичность региона.

Картина развития Ворошиловградской (Луганской) области существенно изменилась за годы Великой Отечественной Войны и ее послевоенного восстановления.

Свыше 200 дней Ворошиловградская область находилась под немецкой оккупацией. За это время гитлеровцы успели нанести колоссальный ущерб экономике региона. Бесчеловечное обращение с захваченным населением привело к непоправимым последствиям. Были замучены и расстре-

ляны тысячи евреев. Десятки тысяч граждан были украдены, превращены в рабов и вывезены в Германию. Причем преимущественно это были жители городов. Особенно сильно пострадали Краснодарский, Свердловский и Ровеньковский районы.

После окончания ВОВ началась вторая волна индустриализации Донбасса. Заводы и фабрики были восстановлены и модернизированы. Население восполнялось в значительной степени переселенцами из эвакуационных районов СССР. Это Татарстан, Башкирия, Чувашия некоторые территории Сибири и это были граждане, которые туда переселялись не только с территории УССР, но и Нижегородской, Воронежской, Белгородской, Тульской, Калининской (Тверской), Московской и др. областей. Для работы на предприятиях тяжелого машиностроения, и металлургических заводов сюда направлялись выпускники московских, ленинградских вузов. Вместе с вынужденными переселенцами на Луганщину ехали жить и работать коренные жители Татарской АССР (до сих пор на Луганщине проживают общины татар, которые бережно хранят культуру, национальные традиции, татарский язык).

Количество населения значительно возросло. Более половины населения были городскими жителями промышленно развитых центров. В силу объективных причин большая часть более или менее крупных городов сконцентрировалась в Южной части региона (исключением разве что стали промышленные города, выстроенные именно в послевоенный период СССР, это Рубежное, Северодонецк и Лисичанск).

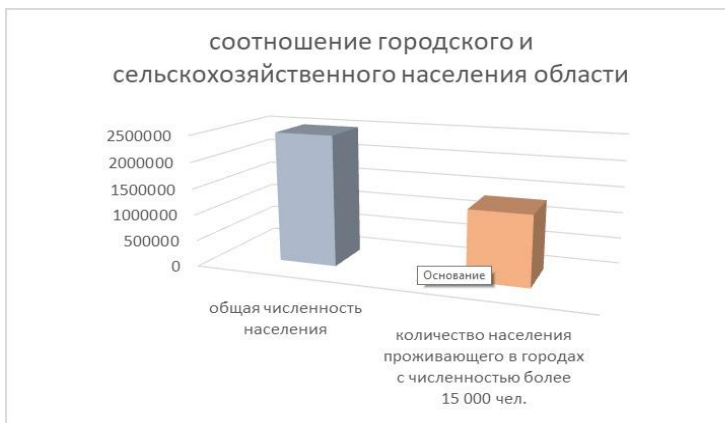

Таблица – 1 соотношение городского и сельского населения Луганской области

Заново пришлось отстраивать и колхозы. Строительные материалы, автомобили грузовые и легковые, трактора, комбайны и многое другое поступало со всех уголков Советского Союза.

Борьба с общим врагом в период Великой Отечественной войны, общие беды (разрушенное войной жилье, голод и разруха), общий порыв народа в желании поскорее наладить мирную жизнь, значительное смешение населения привели к формированию на пространстве советских республик такого феномена как «советский человек» и «советское общество» (и как производная от первых двух – советский гражданин).

Таким образом, период 1950-1980 гг., который можно охарактеризовать как период стабильного развития региона в составе СССР. Решающими факторами для региональной и этнической идентичности Ворошиловградской области стали:

- нивелирование «национального вопроса» и мирное сосуществование многонационального населения, большую часть которого составляли русские, русскоязычные украинцы и украинцы – носители украинского языка;
- дальнейшая индустриализация и формирование развитого экономического региона активно задействованного в обороноспособности СССР (на территории Луганской области находилась первая линия противовоздушной обороны и даже шахты стратегических ракет с ядерными боеголовками);
- особое внимание угольной промышленности европейской части СССР. Вплоть до идеологической опоры через «стахановское движение»;
- размещение некоторых предприятий, которые были в единичном экземпляре на весь СССР – «Ворошиловградский тепловозостроительный завод имени Октябрьской Революции»;

Безусловно, что с распадом СССР ситуация на Луганщине принципиально изменилась.

В 1990-е гг. началось активное информативное наполнение понятия «независимая Украина». Появление государственной границы, государственного флага и герба Украины стали очень быстро формировать у населения особенно у молодого поколения восприятие Луганщины как Украинского региона. Государственная граница наряду с глубочайшим экономическим кризисом стали серьезным затруднением в общении с родственниками, друзьями, знакомыми на российской части СССР и других бывших советских республик. Целенаправленная политика центральных органов власти при активной поддержке зарубежных организаций начали формирование «наци-

онального» украинского населения. Луганск в течение 1990-2014 гг. стал центром, через который велась работа с населением всего края. Наиболее активно себя проявил Луганский Украинско-Канадский центр. (В 2014 году деятельность центра прекращена) Эта организация занималась созданием библиотеки (что примечательно сперва на русском языке), которая предложила альтернативное изложение истории Украины. Деятельность Украинско-Канадского центра была налажена в педагогическом институте, что создало возможность непрерывного притока учителей истории в школы области с преподаванием нового видения истории.

Таким образом, появился новый фактор формирования региональной и в большей степени этнической идентичности – государственная политика по формированию гражданина Украины.

Фактически для формирования идентичности гражданина независимой Украины началось целенаправленное разрушение положительного образа «советского человека» путем выпирания на передний план исключительно негативных моментов истории СССР. Причем на первом этапе как некий элемент раскаяния советского общества и ошибок, затем восприятия истории СССР как набора исключительно негативных явлений в истории человечества, и как конечная цель – формирование восприятия гражданами Украины отождествления всего негативного с образом русского (под видом советского).

Еще одним фактором, который повлиял на трансформацию региональной и этнической идентичности Луганщины, стало активное вмешательство внешнего фактора западного влияния.

Начали работу гранты, программы по распространению идей вхождения гражданского сообщества Украины в состав Европейского Союза (ЕС) и блока Северо-Атлантического альянса (НАТО). При этом у жителей Украины, и Луганщины в том числе, сознательно размывали разницу между ЕС и НАТО. Путем сложных приемов манипуляции общественным мнением формировали у населения желание вступить в НАТО, подменяя его (как это нестранно звучит) понятием вступления в ЕС. Одновременно прививалась мысль о том, что сохранение экономического и культурного сотрудничества с Россией является бесперспективным и неприемлемым.

В силу причин, которые ученым еще предстоит в будущем не раз изучать и анализировать, Донбасс и Луганщина в частности, оказались наименее восприимчивыми к той идеологической работе, которую прово-

дили с украинским населением под руководством западных кураторов. Более того, на протяжении всей истории независимой Украины Луганский и Донецкий регионы прямо противопоставлялись идеологической линии, которую навязывали из Киева. Защита региональной и этнической идентичности носила более или менее эффективный характер до тех пор, пока в Украине существовала возможность озвучивания альтернативного мнения.

Государственный переворот 2014 года полностью зачеркнул любые альтернативные возможности развития Луганщины кроме как в парадигме националистического мышления и развития прямой конфронтации с Россией.

Именно это поставило вопрос региональной и этнической идентичности для луганчан настолько остро, что они взялись защищать свой образ жизни с оружием в руках. Ключевым вопросом для защиты своей идентичности для жителей Донбасса и Луганщины как его части стал вопрос защиты права разговаривать на русском языке, быть духовно причастными к русскому миру.

С 2014-по 2022 гг. значительная часть Луганской народной Республики оказалась под контролем украинских властей. В этот период власти Украины при поддержке США и государств Евросоюза уже перестали стесняться в выборе методов по насильственной нацификации населения Украины. ЛНР по сути, получила свою подструктуру деления на регион, охраняемый с помощью России, и регион подконтрольный Украине. И на этих территориях соответственно, как мы уже и говорили, длительное время действовали свои факторы формирования этнической и региональной идентичности.

Поле начала специальной военной операции вся территория ЛНР была освобождена, однако территории, которые до 2022 года включительно находились под властью Украины, получили статус освобожденных территорий.

Подводя итоги, хотелось бы сказать, что на сегодняшний день можно условно выделить несколько основных факторов, которые влияют на региональную и этническую идентичность Луганщины.

Во-первых, географический или природно-климатический фактор – наличие природных ископаемых, делающих этот регион экономически эффективным в развитии металлургии и тяжелого машиностроения.

Во-вторых, исторический фактор (в сочетании с географическим) – особенности исторического развития сделали этот регион пограничной зо-

ной, которая менялась с течением времени, но не перестала быть таковой и сегодня.

В-третьих, к историко-географическому фактору следует отнести в какой-то степени и политический фактор. Как уже было показано в разные исторические эпохи политика властей в отношении региона существенно менялась, но неизменно Луганщина была важнейшей частью социально-экономического и политического развития государств, которые владели ею.

В-четвертых, фактор внешнего влияния – он хотя и менялся с течением времени от турецко-татарских набегов до борьбы европейских держав с советской властью. А сегодня наш край стал передовой в войне коллективного Запада с Россией.

Литература

1. Алаудинов А.А. Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности / Автореф. дисс... канд. полит. наук. 2013. Москва, 28 с.

2. Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» // Политэксп: Политическая экспертиза. 2005. №1. С. 68-82.

3. Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А. Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 396-408.

4. Герасименко Т.И. Главные факторы трансформации региональной и этнической идентичности // Юг России: экология, развитие. 2020. Т. 15. №3. С. 144-154.

5. Головнева Е.В. Региональная идентичность и идентичность региона // Эстетика и философия культуры. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52511/1/iuro-2017-167-20.pdf> (дата обращения 11.03.2023).

6. Голованева Е.В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале сибирского региона) / Автореф. дисс... док. филос. наук. Екатеринбург, 2018. 38 с.

7. Горелик А.Ф. История родного края (Луганская область); отв. ред. Г.М. Намдаров. Ч. 1: С древнейших времён до начала XIX века. 1995. 227 с.

8. Даллакян К.С. Этнополитическое мифотворчество // PolitBook. 2016. №2. С. 119-131.

9. Докучаев Д.С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // Философия и культура. 2012. №12(60). С. 15-22.
10. Еремина Е.В. Понятие региональной идентичности и специфика ее формирования в современной России // Социально-гуманитарные знания. №5. 2012. С. 276-287.
11. Жильцов С.С., Пархомчук Л.А. Роль углеводородных ресурсов в развитии каспийского региона // PolitBook. 2017. №3. С. 121-138.
12. Иванова З.И. Проблемы этнической идентичности в условиях мегаполиса // Гуманитарное сознание: проблемы, поиски, перспективы. Труды Междунар. науч.-практич. конф. Москва: Изд-во МГСУ, 2006. С. 1-12.
13. Карпенко Н.М. Китайский легион. Участие китайцев в революционных событиях на территории Украины (1917 – 1921 гг.). Луганск: Альма-матер, 2007. 392 с.
14. Кононов И.Ф., Хобта С.В., Щудло С.А. Зазеркалье региональной системы Украины: Донбасс - Галичина // PolitBook. 2015. №3. С. 6-34.
15. Корепанов Г.С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. №1. 2009. С. 43-50.
16. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2625&j=85&jn=socis (дата обращения 27.03.2023)
17. Лисичанск. Лисичанский район, Ворошиловградская область. // История городов и сел Украинской ССР. URL: <https://ukrskr.com/lugan/lisichanskiy/lisichansk-lisichanskiy-rayon-voroshilovgradskaya-luganskaya-oblast> (дата обращения 17.02.2023).
18. Петров В.К., Савичев В.Л., Селиванов С.Г. Этнополитология и русский этногенез // Политическое образование. URL: <http://old.lawinrussia.ru/content/vk-petrov-vl-savichev-sg-selivanov-etnopolitologiya-i-russkiy-etnogenez-0> (дата обращения 25.03.2023).
19. Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.): сб. науч. ст. Москва, 1997. С. 5-18.
20. Скоробогатая А.А. Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие в Северной Башкирии. Москва: ТЕИС, 2008. 190 с.
21. Сосновский Д.В. Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (2001 – 2014) / Автореф. дисс... канд. полит. наук. Москва, 2014. 29 с.

22. Сыздыкова Ж.С. Глобализация и проблема этнической идентичности. URL: http://www.mirnas.ru/Globalizatsiya_i_problema_etnicheskoj_identichnosti/ (дата обращения 17.02.2023).

23. Хабенская Е.О. Этническая идентичность: подходы к проблеме. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-3.shtml (дата обращения 17.02.2023).

24. Шумилов А.В. Электоральная география: региональное пространство. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т, 2009. 159 с.

25. Яхшиян О.Ю. Омельченко Н.А. Политика идентичности в официальном дискурсе Российской Федерации // PolitBook. 2020. №4. С. 78-101.

References

1. Alaudinov A.A. Regional'naya identichnost' kak osnova formirovaniya obshchenatsional'noi politicheskii identichnosti / Avtoref. diss... kand. polit. nauk. 2013. Moskva, 28 s.

2. Achkasov V.A. Regional'naya identichnost' v rossiiskom politicheskom prostranstve: «kaliningradskii kazus» // Politeks: Politicheskaya ekspertiza. 2005. №1. S. 68-82.

3. Baklanov I.S., Dushina T.V., Mikeeva O.A. Chelovek etnicheskii: problema etnicheskoj identichnosti // Voprosy sotsial'noi teorii. 2010. T. IV. S. 396-408.

4. Gerasimenko T.I. Glavnye faktory transformatsii regional'noi i etnicheskoj identichnosti // Yug Rossii: ekologiya, razvitie. 2020. T. 15. №3. S. 144-154.

5. Golovneva E.V. Regional'naya identichnost' i identichnost' regiona // Estetika i filosofiya kul'tury. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52511/1/iuro-2017-167-20.pdf> (дата об-рaшчениyа 11.03.2023).

6. Golovaneva E.V. Konstruirovaniye regional'noi identichnosti v sovremennoi kul'ture (na materiale sibirskogo regiona) / Avtoref. diss... dok. filos. nauk. Ekaterinburg, 2018. 38 s.

7. Gorelik A.F. Istoriya rodnogo kraya (Luganskaya oblast'); otv. red. G.M. Namdarov. Ch. 1: S drevneishikh vremen do nachala XIX veka. 1995. 227 s.

8. Dallakyan K.S. Etnopoliticheskoe mifotvorchestvo // PolitBook. 2016. №2. S. 119-131.

9. Dokuchaev D.S. Regional'naya identichnost': ponyatie, struktura, funktsii // Filosofiya i kul'tura. 2012. №12(60). S. 15-22.

10. Eremina E.V. Ponyatie regional'noi identichnosti i spetsifika ee formirovaniya v sovremennoi Rossii // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. №5. 2012. S. 276-287.

11. Zhil'tsov S.S., Parkhomchuk L.A. Rol' uglevodorodnykh resursov v razvitii kaspiskogo regiona // PolitBook. 2017. №3. S. 121-138.

12. Ivanova Z.I. Problemy etnicheskoi identichnosti v usloviyakh megapolisa // Gumanitarnoe soznanie: problemy, poiski, perspektivy. Trudy Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Moskva: Izd-vo MGSU, 2006. S. 1-12.

13. Karpenko N.M. Kitaiskii legion. Uchastie kitaitsev v revolyutsionnykh sobytiyakh na territorii Ukrainy (1917 – 1921 gg.). Lugansk: Al'ma-mater, 2007. 392 s.

14. Kononov I.F., Khobta S.V., Shchudlo S.A. Zazerkal'e regional'noi sistemy Ukrainy: Donbass - Galichina // PolitBook. 2015. №3. S. 6-34.

15. Korepanov G.S. Regional'naya identichnost' kak bazovaya kategoriya sotsiologii regional'nogo razvitiya // Vlast'. №1. 2009. S. 43-50.

16. Kuvneva T.N., Manakov A.G. Formirovanie prostranstvennykh identichnostei v porubezhnom regione. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2625&j=85&jn=socis (data obrashche-niya 27.03.2023)

17. Lisichansk. Lisichanskii raion, Voroshilovgradskaya oblast' // Istoriya gorodov i sel Ukrainskoi SSR. URL: <https://ukrskr.com/lugan/lisichanskiy/lisichansk-lisichanskiy-rayon-voroshilovgradskaya-luganskaya-oblast> (data obrashcheniya 17.02.2023).

18. Petrov V.K., Savichev V.L., Selivanov S.G. Etnopolitologiya i russkii etnogenez // Politicheskoe obrazovanie. URL: <http://old.lawinrussia.ru/content/vk-petrov-vl-savichev-sg-selivanov-etnopolitologiya-i-russkiy-etnogenez-0> (data obrashcheniya 25.03.2023).

19. Remnev A.V., Savel'ev P.I. Aktual'nye problemy izucheniya regional'nykh protsessov v imperskoi Rossii // Imperskii stroi Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX v.): sb. nauch. st. Moskva. 1997. S. 5-18.

20. Skorobogataya A.A. Etnicheskaya identichnost' i mezhkul'turnoe vzaimodeistvie v Severnoi Bashkirii. Moskva: TEIS, 2008. 190 s.

21. Sosnovskii D.V. Protsessy formirovaniya regional'noi identichnosti v Krymu v kontekste polyarizatsii ukrainskogo obshchestva (2001 – 2014) / Avtoref. diss... kand. polit. nauk. Moskva, 2014. 29 s.

22. Syzdykova Zh.S. Globalizatsiya i problema etnicheskoi identichnosti. URL: http://www.mirnas.ru/Globalizatsiya_i_problema_etnicheskoy_identichnosti/ (data obrashcheniya 17.02.2023).

23. Khabenskaya E.O. Etnicheskaya identichnost': podkhody k probleme. URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/4030-3.shtml (data obrashcheniya 17.02.2023).

24. Shumilov A.V. Elektoral'naya geografiya: regional'noe prostranstvo. Cherbokary: Chuvashskii gos. ped. un-t, 2009. 159 s.

25. Yakhshiyani O.Yu. Omel'chenko N.A. Politika identichnosti v ofitsial'nom diskurse Rossiiskoi Federatsii // PolitBook. 2020. №4. S. 78-101.

У.А. Кукина

U. Kukina

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ
«ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ИУДАИЗМ»**

**THEORETICAL
UNDERSTANDING OF THE
CONCEPT «POLITICAL
JUDAISM»**

Аннотация

Отношения между иудаизмом и политикой представляют исторически сложный предмет, с течением времени эволюционировавший наряду с еврейским обществом и религиозной практикой, а также ввиду изменений в обществе в местах проживания евреев. Исследователи еврейских источников, – от Торы и раввинистической литературы до работ XXI века анализируют общность сегодняшнего иудейского учения с современной доктриной прав человека и международным правом, изучают поднимающиеся в них вопросы о правомерности ведения войн, – в том числе имеющие непосредственное отношение к государству Израиль, сущность и идеологическую концепцию сионизма как политического движения, специфику деятельности политических партий, выступающих за усиление галахического законодательства и ставящих своей целью решение социополитических и насущных вопросов в жизни еврейского народа в соответствии с Торой. Предложенное в 1998 году Аврухом Кевином понятие «политический иудаизм» в одной из статей, и, позднее, в 2022 году профессором Исраэлем Дацковским в качестве названия для авторского сборника ещё не успело утвердиться в отечественной и зарубежной научной терминологии. Цель статьи – на основе отечественных и зарубежных исследований, посвящённых взаимодействию иудаизма и политики, предложить наиболее точную интерпретацию понятия «политический иудаизм», объяснить логичность и уместность его применения в качестве термина.

Ключевые слова:

еврейская политическая традиция, иудаизм, политические технологии, политический иудаизм, сионизм.

Abstract

The relationship between Judaism and politics is a historically complex subject that has evolved over time along with Jewish society and religious practice, and in response to the changes in lifestyle of the society in the areas of Jewish settlements. Researchers of Jewish sources, – from the Torah and Rabbinic literature to the works of the XXI century – analyze the commonality of today's Jewish teachings with the modern doctrine of human rights and international law, study the questions raised there about the legality of waging wars, – including those directly related to the State of Israel, the essence and ideological concept of Zionism as a political movement, the specifics of the activities of political parties advocating the strengthening of Halakhic legislation and aiming to solve sociopolitical and daily issues in the life of the Jewish people in accordance with the Torah. The concept of «political Judaism» proposed in 1998 by Avruch Kevin in one of the articles, and later in 2022 by Professor Israel Datskovsky as a title for the author's collection, has not yet managed to establish itself in Russian and foreign scientific terminology. The purpose of this article is to propose the most accurate interpretation of the term "political Judaism" on the basis of domestic and foreign studies on the correlation of Judaism and politics, to explain the logic and relevance of its application.

Key words:

jewish political tradition, Judaism, political technologies, political Judaism, Zionism, political parties, political movements.

Отношения между иудаизмом и политической властью в любой стране, кроме Израиля, где евреи являются меньшинством, носят динамический характер, обоснованный переменами политики того или иного государства в сфере религии.

Иудаизм глубоко укоренен в еврейских Писаниях («Ветхом Завете»), однако интерпретирует их в соответствии с классическими раввинистическими комментариями Вавилонского Талмуда. В связи с непрерывным развитием иудаизма Талмуд грамотнее рассматривать как исходную позицию, а не окончательное положение [17]. Исследователи еврейских источников – от Библии и раввинистической литературы до работ XXI века анализируют общность сегодняшнего иудейского учения с современной доктриной прав человека и международным правом, изучают поднимающиеся в них вопросы о правомерности ведения войн, – в том числе имеющие непосредственное отношение к государству Израиль, сущность и идеологические концепции еврейских политических движений, сущность и историю еврейской политической традиции и мысли, взаимоотношения евреев с политической властью в различные эпохи.

Современная наука о истории политических учений выделяет четыре основные эпохи в истории еврейской политической мысли: библейскую (до римского правления), раввинскую примерно с 100 до н.э. до 600 гг. н.э.), средневековую (примерно с 600 до 1800 гг. н.э.), и современную (XVIII век до наших дней) [22].

Политическая организация во время Раввинской и Средневековой эпох обычно включали полуавтономное правление еврейских советов и судов (члены совета часто состояли исключительно из раввинов), управлявших сообществом и выступавших в качестве представителей власти вне еврейской общины. Начиная с XIX века наряду с расширением политических прав, предоставляемых отдельным евреям в европейском обществе, евреи присоединялись к широкому кругу политических движений и философий, привнося новый вклад в политическую теорию. Так, политическое лидерство – тема, фигурирующая в ТаНаХе, и несколько различных политических моделей описаны в еврейском каноне.

«И приведу вас в пустыню народов, и там буду судиться с вами лицом к лицу. Как Я судился с отцами вашими в пустыне земли Египетской, так бу-

ду судиться с вами, говорит Господь Бог. И проведу вас под жезлом и введу вас в узы завета» (Иезекииль 20:35-37) [9].

О власти человеческой в трактате Мишны отражены следующие слова мудрецов: «Будьте осторожны с властями, ибо они приближают к себе человека только для собственных нужд, прикидываются друзьями, когда им это выгодно, но не помогут человеку в трудное для него время» (Авот 2:3) [3].

Среди комментариев раввинов современности, поясняющих взаимоотношения евреев и власти следует отметить статью историка, Рава Адама Давидова «Политика в еврейской традиции»: «Евреи обязаны защищать свою страну, свой дом, с оружием в руках, но не могут насильственно менять власть, даже когда она противоречит еврейской традиции. Поэтому в современном Израиле до сих пор нет активного сопротивления власти, жестоко преследующей евреев за любовь к Эрец Исраэль». Рав также предполагает, что обязанность следовать духовному благополучию народов может быть одной из причин рассеяния евреев: «...благодаря евреям мир узнал такие законы, как не воруй, не убивай, не свидетельствуй ложно, не прелюбодействуй... Это Тора дала миру такие понятия, как милосердие и цэдока, справедливость по отношению ко всем существам». Раввин обращает внимание на то, что Тора не воспрещает участия в общественной жизни той страны, где живут евреи, однако ограничивает вмешательство в политический строй, предлагая довольствоваться иными доступными видами деятельности, при условии, что данная деятельность соответствует еврейской традиции [6].

Вплоть до настоящего времени в зарубежных научных исследованиях, взаимосвязывающих иудаизм и политику активно используется выражение «еврейская политическая традиция» [25; 26; 27; 28], в зарубежных, а также российских исследованиях фигурирует понятие «еврейская политическая мысль» [1; 2; 14]. Однако, в работе «Завет как основа еврейской политической традиции» Даниэль Элазар, исходя из исторической перспективы отмечает, что еврейская политическая традиция, основы которой можно обнаружить в библейской идее завета, в первоизданном своём виде, ввиду смены эпох и политических режимов, изгнания и рассредоточения евреев по миру – утрачена в наше время, и на пороге возобновления полноценной еврейской политической жизни нуждается в систематических усилиях по её восстановлению, чтобы она снова могла играть жизненно важную и необходимую роль в современной еврейской жизни, как в Израиле, так и в еврейской диаспоре [22]. Таким образом, использование понятия «еврейская полити-

ческая традиция» для обозначения всех направлений иудейской политической мысли в настоящее время не является достаточно точным.

До сегодняшнего дня понятие «политический иудаизм» в качестве термина не получило широкого распространения в отечественной науке. В результате предварительного анализа российских, израильских, иных зарубежных и международных научных электронных библиотек и порталов, как открытого, так и закрытого доступа (в частности: eLIBRARY, Cyberleninka, Hebrew University of Jerusalem Library «HUfind», Academia.edu, ResearchGate, Taylor&Francis Online, Library of Congress и др.) выявлено, что по запросу «политический иудаизм» предлагаются статьи с любой комбинацией слов «иудаизм» и «политика», содержащихся в названиях научных публикаций и ключевых словах, однако не словосочетание «политический иудаизм» как устойчивое, за исключением единственного варианта, полностью соответствующего запросу – статьи Кевина Авруха «Political Judaism and the post-Zionist era» (Политический иудаизм и эпоха пост-сионизма (прим. автора)) (1998 год) [21].

В русском языке данный феномен отчасти объясняется лингвистическим барьером, мешающим преобразовать слово «иудаизм» в политический процесс. С точки зрения семиотики суффикс «-изм», используемый в русском языке для обозначения политических, научных или эстетических учений, направлений, систем, а также качеств, склонностей, действий (библиизм, сионизм, габраизм и др.) уже содержится в слове «иудаизм» [18]. Таким образом, мы не можем сделать слово «иудаизм» более политизированным, научным или систематизированным посредством прибавления суффикса «-изм» (по модели «ислам» -> «ислаимизм») – это возможно лишь посредством прибавления к нему дополнительного слова-характеристики. В частности, возможно конкретизировать слово посредством прилагательного «политический», которое в современном понимании означает: во-первых, соотносящийся по значению с существительным: политик, политика; во-вторых, свойственный политику/политике; в-третьих, основывающийся на политике. Интересно, что до 1917 года «политическим» в Российской империи называли занимавшегося революционной деятельностью, участника революционного движения [8]. Писатели и филологи не раз выражали свои мысли о семантике «-измов». В повести «Прочерк» Лидии Чуковской можно найти строки: «из узенького, специфически профессионального, изобилующего «измами», звуковой какофонией, превращался он (словарь) в общерусский: общерус-

ский располагает неисчерпаемым словесным запасом». Теоретик либерального народничества, - Николай Михайловский, в книге «О Тургеневе» 1883 года писал: «Все эти реализмы, идеализмы и прочие измы ужасно захватаны и сплошь, и рядом люди, о них препирающиеся, разумеют под ними совсем разные вещи» [12].

Является ли, в таком случае, иудаизм, де-факто – политической идеологией, научным учением в восприятии носителей русского языка? Справедливым будет отметить, что в русском языке большинство мировых религий кроме ислама, христианства, конфуцианства заключают в себе суффикс «-изм» (буддизм, индуизм, синтоизм, даосизм, зороастризм), в то время как слова, оканчивающиеся на «-во» обозначают образование, управляемое или находящееся в подчинении одной личности, иногда – преобразованное в идеологию самими людьми и превозносимое ими: «Христос» -> «христианство», «Конфуций» -> «конфуцианство», «хан» – «ханство», «барин» – «барство», «царь» – «царство».

Тем не менее, понятие «политический иудаизм» было предложено преподавателем Торы, профессором Исраэлем Дацковским в одноимённом сборнике статей 2022 года по актуальным вопросам израильской жизни и политики, рассматриваемым через призму учения Торы. Как полагает автор, еврейские тексты даны не столько для «исторического» подхода – изучения, комментирования, получения небесной награды, сколько в качестве актуальнейших указаний для выполнения анализа настоящего и выбора правильного еврейского поведения в мире в настоящее время. Среди примеров политизированных действий, основанных на различных вариациях трактовок положений иудаизма, использования иудаизма как инструмента в целях изменения определенного общинного и общественного порядка автор приводит: подготовку реформистских раввинов в современной Германии, осуществляемую по ускоренной программе, при субсидировании правительством обучения и стипендий на проживание, наряду с отсутствием субсидий для подготовки харедимных раввинов при более длительном для них сроке обучения; использование страха перед уничтожением в стране рассеивания и идеи стабильности еврейской жизни в Израиле с целью привлечения большего числа репатриантов. Кодекс еврейских законов Шульхан Арух автор относит к первоисточникам капитализма и его следствия – международного разделения труда [7]. Данные, и многие другие примеры, приводимые автором, наводят на мысль о многогранности политических технологий, ос-

нованных на иудаизме. Обобщая их единым заглавием, на данном этапе своих исследований автор предлагает лишь идею о существовании феномена «политического иудаизма» без конкретной энциклопедической формулировки. На основании некоторых ярких примеров современных трудов, посвященных еврейской политической мысли и традиции, мы постараемся объяснить целесообразность применения данного понятия, допустимые случаи его употребления и возможность возведения в статус термина.

В 2020 году на базе Института Шалом Хартмана (Иерусалим, Израиль) состоялся симпозиум «Герменевтика еврейской политической мысли: иудаизм, гражданственность и демократия» [24]. Программу мероприятия составили исследования, посвященные влиянию первичных еврейских текстов (ТаНаХ и Хазал) на современные политические дебаты; исследования, посвященные изучению разрыва между вселенной текста и вселенной современного читателя.

Среди отечественных исследователей на текстуальный опыт обращает внимание антрополог, автор книги «Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество» - Александр Львов. Исследуя идентичность и восприятие еврейских заповедей субботниками, он отмечает наличие у данной общины собственного «закона»: «Эта странная группа, не знающая своего имени, хорошо знала, тем не менее, свой «закон». Детали этого «закона» могли меняться от одной общины к другой и с течением времени. Неизменными оставались сам термин («Моисеев закон», или просто – «закон») и представление о письменном характере этого «закона», определяющего жизнь общины... «А в Законе как написано?» – спрашивают субботники в случае сомнения. Конечно, не все читают «закон» сами, но «написанное» там известно всем. И рядом всегда находятся люди, готовые прочесть и истолковать «закон» для своих соседей» [11]. Таким образом, текстуальный опыт, передаваясь в социальное измерение, способен приобретать статус закона, в то время как ответственные за толкование закона, изначально получая доверие представителей текстуального сообщества заведомо приобретают более высокий статус и потенциальную власть над текстуальным сообществом, возможность трактовать закон исходя из собственных намерений. При рассмотрении политики не только как деятельности государственной власти, но и как деятельности общественной группы в области внутриобщинных и внешних отношений, определяемой интересами этой общественной группы, то «Моисеев закон» (в понимании иудействующих) – т.е.

принципы иудаизма (в широком смысле), как и сам иудаизм, приобретают статус «политического», а сам текст становится инструментом политики.

В статье «Исход из Египта – факты или миф?» на примере детской игры в «сломанный телефон» Гади Поллак, - автор детских книг харедим выделяет 8 примеров защиты первоначальной информации от искажения: 1. Переспрашивание. 2. Передача предмета. 3. Повтор слова многократное количество раз. 4. Наличие нескольких групп (команд) участников. 5. Установление чёткого, длительного срока игры. 6. Награда за точность. 7. Наказание за ошибку. 8. Убеждение в осознании участниками своей мотивации, ответственности, важности своего дела и его последствий [15]. Это упрощенный вариант объяснения выработанных веками принципов сохранения истинности Торы и детальности её передачи. Несмотря на данные принципы, а также заповедь «Не обманывайте и не лгите» (Ваикра, 19:12) [4], нельзя не учесть: а) человеческий фактор (в частности - субъективность восприятия, ограниченного рамками текстуального и практического опыта индивидуума); б) внешние факторы, препятствующие обеспечению корректности и неизменности передачи древних документов (в частности – погромы и гонения в истории еврейского народа). До разрушения Второго Храма в 70 году н.э. эталоном корректности для свитка Торы являлся «контрольный экземпляр», хранившийся в Священном Храме Иерусалима. После разрушения периодически осуществлялись глобальные проверки с целью выявления и уничтожения возможных ошибок. В настоящее время эксперты допускают погрешность от 25 до 1000 букв из 304805 букв Торы (что составляет приблизительно 79000 слов). Установление четкого регламента проверки и организация «глобальных» проверок, знание о наличии погрешности и возможность её использования в манипулятивных целях также можно назвать примерами политических технологий.

В книге «Еврейская революция» 1993 года, посвящённой теории сионизма, профессор, переводчик и дипломат, ректор Университета Бар-Илан (1968–1971 гг.) Гарольд Фиш описал поиск пути к духовному обновлению «олим» из России и западных стран, переплетающемуся с неудовлетворённостью привычной для них государственностью. Под «революцией» автор подразумевает не только стремление евреев достигнуть эмансипации и равных гражданских прав, но также - идею национального освобождения с последующим национально-территориальным решением и утверждением еврейской исключительности, угрозой которой представляет ассимиляция. Сущ-

ность сионизма, предложенного Пинскером, Герцлем и Нордау оказалась революционной на фоне в целом нетронутой традиционной структуры талмудического иудаизма на Востоке [20]. Учение Торы в данном контексте выступило обоснованием для дальнейших политизированных действий, в частности – для создания новых колоний в пределах определенных Торой границ, а строки из еврейских пророчеств из уст палестинофила, американского раввина и сиониста Цви-Гирша Маслянского, попавших в благодатную почву, затрагивая потаённые мысли и чувства публики, действовали сильнее политической пропаганды: И будет, в последствии дней утвердится гора дома Господня как вершина (всех) гор, и возвысится над холмами, и устремятся к ней все народы. И пойдут многие народы, и скажут: «давайте взойдем на гору Господню, в дом Бога Йакова, чтобы Он научил нас путям Своим, и чтобы пошли мы стезями Его». Ибо из Цийона выйдет Тора и из Йерушалаима – слово Господне (Йешаягу 2:2, 2-4) [10]. Автор приводит такие примеры политических технологий, как: проведение параллели (в частности – между процессом над Эйхманом и ролью страждущего раба), противопоставление (в частности – государства Израиль галуту с его вечными невзгодами и унижениями) и др. [20].

Профессор Алан Миттельман в книге «Политика Торы: еврейская политическая традиция и основание Агуда Исраэль» анализирует деятельность всемирного еврейского религиозного движения ортодоксальных евреев, объединённое в политическую партию «Союз Израиля» – партии, которая с момента своего образования представляла политические интересы наиболее традиционалистски-ориентированных членов еврейской общины [23]. В работе рассматривается вопрос о том, почему архитрадиционалисты обратились к политике, подробно исследуются конфликты, сформировавшие характер движения, исследуется связь движения с предыдущими проявлениями еврейской политической мысли и практики.

После 2010 года израильский кинематограф всё активнее начинает использовать как инструмент «мягкой силы» с целью продвижения того или иного течения иудаизма посредством идеализации образов героев, его представляющих, а также с целью популяризации традиционной еврейской культуры не только внутри Израиля, но и за его пределами. К примерам кинокартин с политизированной повесткой можно отнести: фильм «Неортодокс» (2022 год), демонстрирующий противоборство партии сефардов и партии

«Союз Израиля»; фильм «Женский балкон» (2016 год), представивший зрителю одну из вариаций еврейского феминизма в сефардской общине и др.

Подводя итог иллюстрируемому лишь несколькими примерами (использование положений иудаизма в качестве политических технологий и пропаганды; создание политических партий и движений, представляющих интересы последователей того или иного течения иудаизма; обращение ультраортодоксальных представителей к политике с целью продвижения собственных интересов и др.) складывается вывод о том, что случаи использования иудаизма и его положений в политических целях, а также священных текстов как инструмента политических технологий – многочисленны и многогранны, но при этом являются производными одного целого. При этом понятия «еврейская политическая традиция» и «еврейская политическая мысль» на данном этапе не способны охватить весь спектр политических действий в рамках иудаизма. Например, будет некорректным причисление еврейского (израильского, светского, «кошерного») кинематографа как инструмента «мягкой силы» к еврейской политической традиции, так как данная технология ещё не успела стать традиционной для иудейской политики – т.е. политических действий, предпринимаемых исходя из учения Торы.

Употребление понятия «политический иудаизм» в качестве термина целесообразным в случае необходимости: 1. Характеристики иудаизма как источника политической идентичности и действия. 2. Интерпретации любых политических действий посредством учения Торы. 3. Описания случаев использования положений иудаизма в качестве инструмента политических технологий. Понятие «политический иудаизм» может относиться к широкому кругу людей и групп, которые выступают за преобразование государства и общества в соответствии с принципами иудаизма.

Литература

1. Авинери Ш. Основные направления в еврейской политической мысли. Библиотека-Алия. 1983. 325 с.

2. Авинери Ш. Происхождение сионизма. Основные направления в еврейской политической мысли. Мосты культуры. 2004. 480 с.

3. Анаси Й. Мишна Авот 2. Вторая глава. Иудаизм и евреи. Толдот.ру. URL: https://toldot.com/articles/articles_29998.html (дата обращения 02.04.2023).

4. Ваикра. Кдошим. Глава 19. URL: <http://torah.booknik.ru/vaikra/kdoshim/> (дата обращения 02.04.2023).

5. Вайс Р. Евреи и власть. Москва: Текст. 2009. 256 с.
6. Давидов А. Политика в еврейской традиции. STMEGI Media Group. URL: https://stmegi.com/posts/20789/politika_v_evreyskoy_traditsii_12875/ (дата обращения 02.04.2023).
7. Дацковский И. Политический иудаизм. ЛитРес. Электронная книга. URL: <https://www.litres.ru/israel-dackovskiy/politicheskij-iudaizm/> (дата обращения: 02.04.2023).
8. Значение слова «политический». Толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/word/politicheskij.html#.Y0IEм3ZBy5с> (дата обращения 02.04.2023).
9. Иезекииль 20:35-37. BibleGateway. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=%D0%98%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D0%B8%D0%BB%D1%8C%2020%3A35-37&version=RUSV> (дата обращения 02.04.2023).
10. Йешая. Пророки: Книга Йешаягу. Иудаизм и евреи. Толдот.ру. URL: <https://toldot.com/limud/library/neviim/yeshaya/> (дата обращения 02.04.2023).
11. Львов А. Соха и Пятикнижие: Русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб.: ЕУСПб. 2011. С. 13-20.
12. Михайловский Н. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX — начала XX века. Ленинград: Художественная литература, 1989.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: АЗЪ, 1997. 944 с.
14. Печенин И.В. Еврейская периодическая печать Российской Империи в начале XX в. как источник изучения национально-религиозной идентификации и социально-политического мировоззрения еврейства: специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2013. 30 с.
15. Поллак Г. Исход из Египта – факты или миф? Наброски из-за угла: еврейская перспектива. Иудаизм и евреи. Толдот.ру. URL: https://toldot.com/blogs/gpollack/gpollack_4220.html (дата обращения 02.04.2023).
16. Правильность текста Торы. Тора и наука. Иудаизм и евреи. Толдот.ру. URL: https://toldot.com/articles/articles_567.html (дата обращения 02.04.2023).
17. Соломон Н. Иудаизм и этика войны. Международный журнал Красного Креста. 2005. Т. 87. №858. С. 79-97.

18. Суффикс «-изм». Толковый словарь русского языка Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info/word/-izm.html> (дата обращения 02.04.2023).

19. Чуковская Л.К. Прочерк. Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы: Сахаровский центр. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13148> (дата обращения 02.04.2023).

20. Фиш Г. Еврейская революция. Москва: АМАНА, Еврейский университет в Москве. 1993. С. 5-214.

21. Avruch K. Political Judaism and the post-Zionist Era. *Judaism*. 1998. №186. Vol. 47(2). P. 146-159.

22. Elazar D.J. Covenant as the Basis of the Jewish Political Tradition. *Jewish Political Thought*. Jerusalem Center for Public Affairs. URL: <https://www.jcpc.org/dje/books/kincon-ch1.htm> (дата обращения 02.04.2023).

23. Mittleman A.L. The Politics of Torah: The Jewish Political Tradition and the Founding of Agudat Israel. State University of New York Press. 1996. 222 p.

24. The Hermeneutics of Jewish Political Thought: Judaism, Citizenship and Democracy 2020 Symposium. Shalom Hartman Institute הרטמן שלום מכון. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gMRG7EO5mqo> (дата обращения 02.04.2023).

25. Walzer M., Lorberbaum M., Zohar N. The Jewish Political Tradition: Volume I: Authority. Yale University Press. 2000. 640 p.

26. Walzer M., Lorberbaum M., Zohar N., Ackerman A. The Jewish Political Tradition: Volume II: Membership. Yale University Press. 2006. 622 p.

27. Walzer M., Lorberbaum M., Zohar N., Kochen M. The Jewish Political Tradition: Volume III: Community. Yale University Press. 2018. 696 p.

28. Zohar N. The Jewish Political Tradition: Politics from the Outside? *Revue Internationale de Philosophie*. 2015. Vol. 69. №274(4). P. 415-424.

References

1. Avineri Sh. Osnovnye napravleniya v evreiskoi politicheskoi mysli. Biblioteka-Aliya. 1983. 325 s.

2. Avineri Sh. Proiskhozhdenie sionizma. Osnovnye napravleniya v evreiskoi politicheskoi mysli. Mosty kul'tury. 2004. 480 s.

3. Anasi I. Mishna Avot 2. Vtoraya glava. Iudaizm i evrei. Toldot.ru. URL: https://toldot.com/articles/articles_29998.html (дата обращения 02.04.2023).

4. Vaikra. Kdoshim. Glava 19. URL: <http://torah.booknik.ru/vaikra/kdoshim/> (дата обращения 02.04.2023).

5. Vais R. *Evrei i vlast'*. Moskva: Tekst. 2009. 256 s.
6. Davidov A. *Politika v evreiskoi traditsii*. STMEGI Media Group. URL: https://stmegi.com/posts/20789/politika_v_evreyskoy_traditsii_12875/ (data obrashcheniya 02.04.2023).
7. Datskovskii I. *Politicheskii iudaizm*. LitRes. Elektronnyaya kniga. URL: <https://www.litres.ru/israel-dackovskiy/politicheskii-iudaizm/> (data obrashcheniya 02.04.2023).
8. *Znachenie slova «politicheskii»*. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka Efremovoi. URL: <https://www.efremova.info/word/politicheskij.html#.Y0IEm3ZBy5c> (data obrashcheniya 02.04.2023).
9. Iezekiil' 20:35-37. BibleGateway. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=%D0%98%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BA%D0%B8%D0%B8%D0%BB%D1%8C%2020%3A35-37&version=RUSV> (data obrashcheniya 02.04.2023).
10. Ieshaya. *Proroki: Kniga Ieshayagu*. Iudaizm i evrei. Toldot.ru. URL: <https://toldot.com/limud/library/neviim/yeshaya/> (data obrashcheniya 02.04.2023).
11. L'vov A. *Sokha i Pyatiknizhie: Russkie iudeistvuyushchie kak tekstu-al'noe soobshchestvo*. SPb.: EUSPb. 2011. S. 13-20.
12. Mikhailovskii N. *Literaturnaya kritika. Stat'i o russkoi literature XIX — nachala XX veka*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989.
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: AZ"", 1997. 944 s.
14. Pechenin I.V. *Evreiskaya periodicheskaya pechat' Rossiiskoi Imperii v nachale XX v. kak istochnik izucheniya natsional'no-religioznoi iden-tifikatsii i sotsial'no-politicheskogo mirovozzreniya evreistva: spetsial'nost' 07.00.09 «Istoriografiya, istochnikovedenie i metody istoricheskogo issledovaniya»*: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Moskva, 2013. 30 s.
15. Pollak G. *Iskhod iz Egipta – fakty ili mif? Nabroski iz-za ugla: evreiskaya perspektiva*. Iudaizm i evrei. Toldot.ru. URL: https://toldot.com/blogs/gpollack/gpollack_4220.html (data obrashcheniya 02.04.2023).
16. *Pravil'nost' teksta Tory. Tora i nauka*. Iudaizm i evrei. Toldot.ru. URL: https://toldot.com/articles/articles_567.html (data obrashcheniya 02.04.2023).

17. Solomon N. Iudaizm i etika voyny. Mezhdunarodnyi zhurnal Kras-nogo Kresta. 2005. T. 87. №858. S. 79-97.
18. Suffiks «-izm». Tolkovyi slovar' russkogo yazyka Efremovoi. URL: <https://www.efremova.info/word/-izm.html> (data obrashcheniya 02.04.2023).
19. Chukovskaya L.K. Procherk. Vospominaniya o GULAGe i ikh avtory: Sakharovskii tsentr. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13148> (data obrashcheniya 02.04.2023).
20. Fish G. Evreiskaya revolyutsiya. Moskva: AMANA, Evreiskii universitet v Moskve. 1993. S. 5-214.
21. Avruch K. Political Judaism and the post-Zionist Era. Judaism. 1998. №186. Vol. 47(2). P. 146-159.
22. Elazar D.J. Covenant as the Basis of the Jewish Political Tradition. Jewish Political Thought. Jerusalem Center for Public Affairs. URL: <https://www.jcpa.org/dje/books/kincon-ch1.htm> (data obrashcheniya 02.04.2023).
23. Mittleman A.L. The Politics of Torah: The Jewish Political Tradition and the Founding of Agudat Israel. State University of New York Press. 1996. 222 p.
24. The Hermeneutics of Jewish Political Thought: Judaism, Citizenship and Democracy 2020 Symposium. Shalom Hartman Institute הרטמן שלום מכון. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gMRG7EO5mqo> (data obrashcheniya 02.04.2023).
25. Walzer M., Lorberbaum M., Zohar N. The Jewish Political Tradition: Volume I: Authority. Yale University Press. 2000. 640 p.
26. Walzer M., Lorberbaum M., Zohar N., Ackerman A. The Jewish Political Tradition: Volume II: Membership. Yale University Press. 2006. 622 p.
27. Walzer M., Lorberbaum M., Zohar N., Kochen M. The Jewish Political Tradition: Volume III: Community. Yale University Press. 2018. 696 p.
28. Zohar N. The Jewish Political Tradition: Politics from the Outside? Revue Internationale de Philosophie. 2015. Vol. 69. №274(4). P. 415-424.

РЕЦЕНЗИИ

**Е.С. Шевченко,
М.А. Бурда,
М.А. Бочанов**

**E. Shevchenko,
M. Burda,
M. Bochanov**

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ENSURING POLITICAL STABILITY AT THE PRESENT STAGE: THEORETICAL- METHODOLOGICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Аннотация

Рецензируется монография «Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски», актуализирующая основания и пределы социологического и политологического понимания политической стабильности сквозь призму современных информационно-коммуникационных и интеграционных явлений и процессов на национальном и глобальном уровнях. В качестве ключевых факторов политической стабильности в современном понимании авторами монографии формулируются внутривнутриполитическое реформирование, законотворчество, политическое участие граждан на региональном и местном уровнях, распространение политической культуры «нового формата». В качестве ключевых проблем и, соответственно, рисков политической стабильности в современном понимании авторами монографии называются трансформация геополитического пространства с использованием инструментария гибридной войны НАТО и США, информационное воздействие коллективного Запада, усиление дисфункциональности мировых и региональных политических институтов, негативизация последствий распространения COVID-19. В рамках междисциплинарного подхода фундаментально

Abstract

The monograph «Political Stability: Factors, Problems, Risks» is reviewed. It updates the foundations and limits of the Social and Political Science understanding of political stability through the prism of modern information, communication, integration phenomena and processes at the national and global levels. The authors of the monograph formulate domestic political reform, law-making, political participation of citizens at the regional and local levels, spread of political culture of the «new format» as the key factors of political stability in the modern sense. The authors of the monograph name transformation of geopolitical space with usage of the hybrid war tools by NATO and the United States, informational impact of the collective West, increased dysfunction of world and regional political institutions, negativization the consequences of spread of COVID-19 as the key problems and risks of political stability nowadays. Within the framework of an interdisciplinary approach the issues and problems of reforming the Russian political system and the structure of state authorities and local authorities of the Russian Federation, neutralization of negative consequences of multidimensionality and eclecticism of social nomenclature, re-

исследованы вопросы и проблемы реформирования российской политической системы и структуры органов государственной власти и местного самоуправления России, нейтрализации негативных последствий многомерности и эклектичности общественной номенклатуры, восполнения историко-архетипической и идейно-ценностной самобытности, преодоления межэтнических и межцивилизационных противоречий применительно к обеспечению политической стабильности. Особого научно-исследовательского внимания заслуживает также проблематика регулирования и контролирования информационно-коммуникационного и сетевого пространства в контексте специально разработанных критериев и индексов обеспечения политической стабильности и безопасности.

plenishing the historical, archetypal, ideological and value identity, overcoming interethnic and intercivilizational contradictions in relation to ensuring political stability is fundamentally analyzed. The problem of regulation and control the information, communication and network space in the context of specially developed criteria and indices of ensuring political stability and security also deserves precise scientific research attention.

Ключевые слова:

политическая стабильность, политическая система, политические институты, политические процессы, государство, общество.

Key words:

political stability, political system, political institutions, political processes, state.

Актуальная контекстуальная и смысловая специфика политической стабильности в представленной монографии рассматривается и исследуется сквозь призму множественных и фрагментарных общественно-политических трендов и тенденций, связанных с усилением конфликтности действующей политической элиты, поляризацией общественных ресурсов, утратой доверия к представленным политическим институтам и процедурам, проявлением социокультурных и этнокультурных фрустраций, интенсификацией информационно-коммуникационных и цифровых процессов, трансформацией личностных особенностей в политике современного формата, наблюдаемых сегодня в российской политической действительности и в мире. В глобальном смысле основополагающими индикаторами политической стабильности являются исполнение достигнутых межгосударственных договоренностей и соглашений, использование инструментария планирования и организации внешнеполитических действий, проявление открытости и благонадежности со стороны действующих политических игроков, подтверждение работоспособности существующих институциональных и процессуальных аспектов [22].

Необходимым также представляется оперирование соответствующим тезаурусом политических изменений и трансформаций, в качестве которых предлагаются, в частности, революции, контрреволюции, государственные перевороты, общественно-политические кризисы. И в данном контексте целесообразны разработка и апробация приемлемой системы раннего диагностирования и в последующем мониторинга факторов и условий потери общественно-политической стабильности исходя из отсутствия конструктивных способов развития политической системы и приобщения к неконвенциональным технологиям политической борьбы.

С этой точки зрения авторами монографии выказывается особый научно-исследовательский интерес относительно более углубленного и обстоятельного анализа реальных и вероятностных общественно-политических аномалий и гибридных формообразований в проекции геополитических и геостратегических размежеваний и деструктуризаций в контексте разработки и использования современных технологий и технико-практических инструментов моделирования политических изменений, манипуляции общественным поведением, деидеологизации общественно-политической жизни, корректировки масштабов активного виртуального пространства. Очевидным представляется тот факт, что наукометрическое качество исследуемого материала заключается в критериальной оценке продуцируемого извне политического воздействия наиболее влиятельных и сильных государств, а конкретно в оценке, с одной стороны, методологии, с другой стороны, создаваемого в результате инфлуентального мультипликативного эффекта указанных политических действий.

Понятийно-категориальный и терминологический базис понимания политической стабильности в рамках современной политической науки оформляется на основе научно-исследовательских разработок и работ российских (Г.И. Авцинова, М.Г. Анохин, С.М. Коломиец, В.Г. Ледяев, О.М. Ледяева, А.К. Сквоиков) и зарубежных социологов и политологов в рамках преимущественно системного, институционального, структурно-функционального и технологического подходов. В целом в качестве операционального и в последующем используемого в работе признается понимание политической стабильности в контексте жизнестойкости и устойчивости политической системы и государства в целом с точки зрения внутренней потенциальности и обеспечительности относительно опера-

тивного купирования или нивелирования негативных последствий структурных деформаций и функциональных разбалансировок [21; 26].

Теоретико-методологический и практический бэкграунд обеспечения политической стабильности авторским коллективом формируется на основе политико-исторического экскурса относительно политических событий, происходящих в Европе и на постсоветском пространстве на рубеже XX-XXI вв., связанных с либерализацией торгово-экономических отношений, обновлением геополитического пространства, демократизацией политических институтов и функциональных практик, политико-идеологическим обновлением [5; 6]. С учетом этого научно-исследовательской новацией является более предметное и концептуализированное «очерчивание» проблемного фокуса и ракурса понимания политической стабильности как таковой.

Безусловно, отдельного внимания заслуживает переосмысление нормативно-правовых и собственно институциональных особенностей обеспечения российской политической стабильности, в рамках чего наблюдается вполне обоснованная авторская обеспокоенность относительно проработки и восполнения существующих научно-исследовательских лагун – прежде всего, делается акцент на обзоре принятых за последние несколько лет нововведений законодательного характера (внесение поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году) и политико-административных изменений (актуализированное понимание возможностей и ограничений реализации должностных полномочий и политических функций исполнительных и законодательных органов государственной власти и органов местного самоуправления Российской Федерации). В данном отношении важное прикладное значение имеют результаты проведенного авторским коллективом формально-юридического анализа центральных позиций и положений действующих федеральных и отраслевых нормативно-правовых актов применительно к характеру и уровню подтвержденности и исполняемости со стороны правительственных структур и граждан.

Вполне резонно авторами монографии включена в контекст обсуждения политической стабильности проблематика соответствующих алгоритмов и механизмов продуцирования и восполнения оптимальности и эффективности избирательной системы государства. В этой связи делается предварительный вывод относительно того, что рамках обращения к

специфике проведения конкретных избирательных процедур в качестве одного из ключевых требований достижения общественного мира и согласия необходимо оперировать терминологией предсказуемости результатов принимаемых политических решений и учитывать оптимальность и сбалансированность запускаемых социально-экономических и кадровых изменений с опорой на предложенное О.Е. Гришиным определение политической стабильности как изменчивой (моделируемой) категории, которая определяет и фиксирует желаемое состояние политических отношений [11; 12]. С этой точки зрения в особенности показательна рефлексия на тему оценки конкретных особенностей российского опыта нормативно-правового обновления и переустройства политико-партийной системы на фоне распада СССР в сравнительной перспективе с введением конкретных параметров – во-первых, это численность членов политических партий, во-вторых, это количественные показатели результатов выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

Далее с развитием интерпретации феноменологии политической стабильности через электоральную специфику приводится соответствующая аргументация в пользу влияния на массовое общественное сознание, прежде всего, предлагаемого политического имиджа главы государства и актуализируемой в данной связи политической повестки (программы политического развития страны в долгосрочной перспективе), поскольку направленность и динамика реализуемого общественно-политического проектирования обуславливаются соответствующей общественной конъюнктурой [1; 2]. Другими словами, политическая стабильность государства и общества напрямую коррелирует с предлагаемой идеологической атрибутикой и идейно-ценностной основой политического развития, соответствующей или не соответствующей, с одной стороны, уровню политической культуры и характеру исторического менталитета, с другой стороны, имеющимся общественным запросам и представлениям [7; 8].

Особую научно-исследовательскую ценность представляют результаты сравнительного анализа политических решений и действий В.В. Путина и Д.А. Медведева на посту Президента Российской Федерации в рамках конкретных периодов реализации президентских полномочий. В данном смысле важна привязка к четко идентифицируемым событийным особенностям политической деятельности, понимаемым, соответственно, в качестве стабилизирующих и дестабилизирующих компонентов политиче-

ской системы и государства, – в частности, в качестве наиболее знаковых политических событий президентства В.В. Путина определяются как минимум включение Крыма в состав Российской Федерации и инициирование специальной военной операции на украинской территории (внешнеполитический аспект), в качестве наиболее знаковых политических событий президентства Д.А. Медведева определяются как минимум либерализация государственной модели экономического регулирования в ключе валютно-финансового кризиса 2008 года и усиление политической поддержки отдельных представителей российской экономической элиты (внутриполитический аспект). По данному вопросу в монографии весьма подробно и логично изложены аналитические и статистические данные. В результате при определенных оговорках становятся очевидными конкретные позитивные и негативные политические шаги руководства страны применительно к обеспечению политической стабильности.

Наконец, не менее значимым, соответственно, представляется политический потенциал органов местного самоуправления и общественных организаций, действующих по принципу «снизу вверх» [4; 25]. Наглядно и доступно это оформляется в виде специальных блок-схем и таблиц.

В смысловых рамках обеспечения политической стабильности формулируются соответствующие характерные особенности и уровни ранее упомянутой политической культуры «нового формата», являющиеся своего рода стабилизационными и дестабилизационными индикаторами в зависимости от конкретных исторических факторов и обстоятельств. В свою очередь, это облекается в форму проектирования межцивилизационных и межэтнических отношений и потенциально общественно-политических конфликтов, имеющих собственный дестабилизационный потенциал.

В культурологическом срезе политическая стабильность понимается авторами монографии с точки зрения проектирования и гарантирования поступательного идейно-духовного (мировоззренческого) развития государства и общества на основе существующих и объективно подтвержденных смысловых и архетипических особенностей. В этой связи ключевыми стабилизационными политическими трендами и тенденциями являются как минимум следующие:

- общественно-политическая интеграция с учетом действующих субкультур и контркультур;

- усиление общей ответственности правительственных и гражданских институтов и структур;
- обеспечение патриотического подъема общества на основе принятых политико-культурных ценностей;
- возрождение национальной политики в контексте преемственности и общности политико-исторического пути.

Придерживаясь избранной логики изложения, авторским коллективом монографии справедливо отмечается серьезное дестабилизирующее воздействие миграционных явлений и процессов в современных общественно-политических условиях полиэтничности и мультикультурализма, требующих, соответственно, волевых решений и грамотных действий от политических лидеров [19; 20]. В рамках избранных тезисов приводится не только качественная аналитика на основе вторичного анализа материала российских и зарубежных научно-исследовательских центров, но и практические кейсы в ключе рассмотрения европейского политического опыта реагирования на кризисные проявления этнофобии и мигрантофобии [17; 18].

Вместе с тем необходимо отметить, что миграционная повестка в монографии не рассматривается сквозь призму продуцирования непременно и абсолютно негативного общественно-психологического климата в государстве, что подтверждается, в свою очередь, некоторыми выводами относительно анализа ключевых положений российского вектора реализуемой миграционной политики [9; 10]. Основным научно-исследовательским посылом в данном смысле является использование в конструктивном ключе позитивных прикладных особенностей развития межэтнических и межконфессиональных отношений [23; 24].

Несомненно, одной из сильных сторон монографии является оперирование актуальной статистической информацией применительно к оценке информационно-коммуникационного потенциала российского гражданского общества в контексте обеспечения политической стабильности – в частности, весьма показательна численность активных Интернет-пользователей в мире, составляющая по состоянию на июль 2021 года около 5 млрд человек. Безусловно, расширение целевой аудитории и активизация использования таких площадок, как Zoom и Teams в рамках введения ограничительных мероприятий и процедур, связанных с распространением COVID-19, с одной стороны, способствуют повышению ком-

пьютерной грамотности и оптимизации получения новых знаний и навыков, с другой стороны, закладывают соответствующие риски и угрозы ослабления действующих контрольных механизмов и хаотизируют традиционные структурно-функциональные связи.

Столь динамичное и беспрецедентное развитие информационного общества нового типа и цифровой демократии обуславливает, во-первых, появление новых систем государственного управления, во-вторых, расширение используемого инструментария межинституционального взаимодействия, в-третьих, распространение иных электоральных практик и техник типа электронного голосования и медиатизации политической активности, в-четвертых, стирание четких и определенных границ общения и использования информации как политического ресурса [13; 27]. С учетом этого актуализируется проблематика отслеживания несанкционированных решений и действий и более-менее приемлемого упорядочения виртуального пространства, что в целом ставит под сомнение реальность и достаточность инфраструктуры и методологии обеспечения политической стабильности.

Отдельную нишу в иерархии продуцируемых связей и контактов политических и общественных институтов и субъектов занимают социальные сети, синтезирующие реальность и виртуальность. На внутривнутриполитическом уровне активизация и интенсификация использования социальных сетей проявляются в межсубъектном и межорганизационном взаимодействии по линии «горизонталь/вертикаль» и «горизонталь/горизонталь», при этом на международном уровне особое значение приобретает использование инструментария цифровой дипломатии, предполагающего в целом уход от доминирования сугубо национальной проблематики и опоры на глобальные политические институты и процедуры.

Не менее интересной в данном контексте представляется предложенная авторским коллективом монографии статистическая сводка относительно востребованности использования конкретных официальных источников информации – в частности, по состоянию на январь 2021 года градация выглядит следующим образом:

1. Первый эшелон (качественная пресса федерального уровня);
2. Второй эшелон (отраслевые СМИ и медийные издания);
3. Третий эшелон (региональные общественно-политические источники);
4. Четвертый эшелон (патриотические интернет-ресурсы);

5. Пятый эшелон (публикации лидеров общественного мнения);

6. Шестой эшелон (иноязычные проекты).

Понимание сущностной и функциональной специфики подобных информационно-коммуникационных реалий предполагает, соответственно, формулирование и реализацию грамотной информационной политики на уровне конкретных государств с учетом национальных интересов и приоритетов.

В целом обеспечение развития и в общем-то прорыва в разработке и внедрении современных достижений в области искусственного интеллекта, массовой коммуникации, генетики и биоинженерии способствует соответствующей трансформации принятых моделей и структурно-функциональных компонентов реализации политических целей и задач [15; 16]. Однако вместе с техническим упрощением большинства современных общественно-политических процессов и процедур актуализируется поиск приемлемых и подходящих вариантов и схем внесения необходимых изменений в действующие нормативно-правовые акты, минимизации случаев кибершпионажа и несанкционированного использования поступающей в распоряжение информации, проработки защитных механизмов применительно к существующей неоднородной и диверсифицированной ИТ-системе, упорядочения политико-статусной и политико-ролевой специфики.

В контекст экспертной оценки идейно-концептуального оформления и инструментария инициированной в феврале 2022 года российской стороной специальной военной операции вписывается система следующих базовых ограничений и блокировок реализации конструктивной внешне-политической деятельности государства как необходимого компонента обеспечения политической стабильности в глобальном измерении: насыщение провокационной тональностью используемой политической риторики, торможение миротворческих процедур и мероприятий (активизация переговорного процесса, обращение к институту медиации), манипулирование фактологическим материалом на международном уровне, организация открытых и скрытых диверсий на территории политического противника. В данной связи авторами монографии предлагаются такие индикаторы информационно-критериальной оценки предконфликтной политической напряженности, как, во-первых, информационно-коммуникационный фон, во-вторых, историко-культурная специфика, в-третьих, религиозная позитивность, в-четвертых, экономическая и финансовая динамика, в-

пятых, военно-политический потенциал, в-шестых, характер прямых и опосредованных связей и интеракций.

Наконец, выражается научно-исследовательская обеспокоенность относительно поиска и верификации сценариев и технологий минимизации общественно-политических и экономических последствий распространения COVID-19. С этой точки зрения разрабатывается следующий алгоритм совместных решений и действий государства и общества: углубленная рефлексия предварительных результатов осуществляемой государством борьбы с пандемийными вызовами и угрозами с учетом национального и международного опыта, осмысление допускаемых просчетов и ошибок в реализации концептуальных и стратегических мероприятий, разработка оптимальных и сбалансированных вариантов защиты общественно-политической системы, наращивание технических и инструменталистских мощностей государства в рамках принятия соответствующих политических решений.

Между тем, в тексте монографии формулируются и некоторые противоречивые и дискуссионные положения, которые необходимо выводить на обозрение и обсуждение научно-исследовательского сообщества, – в частности, приводятся парадоксальные статистические показатели увеличения внутреннего потребления КНР энергетических ресурсов при резком снижении деловой активности и введении санкционного режима (в 2021 году китайской стороной осуществлены закупки за рубежом 204 млн т угля, 526 млн т нефти и 103 млн т нефтепродуктов, 378 млрд кубометров газа). Это свидетельствует о том, что, безусловно, пока остается большое количество нерешенных системных вопросов и проблем теоретико-методологического и практического порядков, требующих, соответственно, коллективных намерений и усилий международного сообщества.

В рамках представленных обсуждений и рассуждений по обширной политологической проблематике авторами монографии дается следующее определение политической стабильности в качестве операционального и «рабочего»: политическая стабильность как сохранность при постоянстве интегративно значимых частей и компонентов политической системы даже с учетом некоторой институциональной и структурно-функциональной деструктуризации и дезорганизации с точки зрения обеспечительности и гарантированности политического развития и оптимального реагирования на политические трансформации. Вместе с тем ключевой смысловой по-

сыл заключается в формировании специального запаса прочности (страховочного фонда), предполагающем, во-первых, использование подходящих общественно-политических ресурсов, во-вторых, осуществление межинституциональной и межведомственной координации административно-политического управления [3; 14].

Литература

1. Амиантова И.С. Проблемы эффективности системы антикоррупционных мер в современном электоральном процессе // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы: Материалы Ежегодной Всеросс. науч. конф. с междунар. участием / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2020. С. 55-56.

2. Амиантова И.С. Факторы успеха партии «Новые люди» в ходе региональных выборов 2020 г. в России // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. №11(63). С. 3129-3139.

3. Бакшеева А.Р., Гусарская Т.А., Беляева В.П. Особенности реализации государственной антикоррупционной политики в современной России: механизм государственного контроля в контрактной системе государственных закупок // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. №3(55). С. 761-768.

4. Беспмятнова М.Н., Попов С.И. Перспектива гармонизации функций институтов местного самоуправления в контексте взаимодействия с общественными организациями // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. №4(68). С. 1103-1107.

5. Бочанов М.А. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: от истории к современности // Вестник государственного и муниципального управления. 2020. Т. 9. №1. С. 34-41.

6. Бочанов М.А. Формирование социального государства в условиях развития новых социально-политических рисков в современной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право. 2022. Т. 12. №4. С.133-145.

7. Бурда М.А. Миграционный кризис в странах Западной Европы и политические процессы // Материалы X Всеросс. научно-практич. конф. Государство, власть, управление и право. Москва: ГУУ, 2019. С. 29-31.

8. Бурда М.А. Проблематика реализации политики адаптации и интеграции внешних мигрантов в современной России // Материалы XI Всеросс.

научно-практич. конф. Государство, власть, управление и право. Москва: ГУУ, 2020. С. 45-47.

9. Волох В.А. Актуальные проблемы совершенствования управления миграционными процессами в Российской Федерации // Правовые и организационные проблемы обеспечения миграционных процессов: Сб. науч. ст. по итогам Междунар. научно-практич. конф. под общ. ред. М.В. Костенникова. Домодедово: Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2021. С. 28-32.

10. Волох В.А. Государственная миграционная политика: проблемы развития инфраструктуры организованных форм трудовой миграции // Осуществление государственной функции по контролю (надзору) за пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников: Сб. науч. ст. участников межведомственного круглого стола. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. С. 5-9.

11. Гришин О.Е. Обеспечение политической стабильности в современной России // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы: Материалы IX Всеросс. конгресса политологов, Москва, 16–18 декабря 2021 года. Москва: МГИМО, 2021. С. 145-146.

12. Гришин О.Е., Глебов В.А. Российская государственность: некоторые современные политологические взгляды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: государственное и муниципальное управление. 2022. Т. 9. №4. С. 351-359.

13. Давыдов В.Н. Отчуждение информации как политико-правовая проблема // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. №12(52). С. 2612-2626.

14. Жолманов А.С., Фоменко С.С., Гусарская Т.А. Международный опыт институционализации противодействия коррупции должностных лиц: к истории вопроса // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. №12(64). С. 3634-3640.

15. Зайцева И.А. Безработица в современном мире и меры ее преодоления: социально-политические аспекты // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. №1А. С. 21-28.

16. Зайцева И.А. Роль PR-деятельности в формировании имиджа учреждений социальной защиты // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. №4А. С. 35-40.

17. Михайлова Н.В., Бакарюхина А.В. Рост националистических настроений в Германии в контексте деятельности партии «Альтернатива для Германии» // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. №10(148). С. 86-95.

18. Михайлова Н.В., Карпова К.Р. Проблемы евразийской интеграции: политические аспекты // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. №4(154). С. 9-16.

19. Нестерчук О.А. «Новая» этнополитическая культура современного российского общества // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: Материалы Всеросс. науч. конф. РАПН с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2019 года. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 273-274.

20. Нестерчук О.А., Нгуен Т.А. Обеспечение и поощрение равенства политических прав между этническими группами во Вьетнаме // PolitBook. 2023. №1. С. 159-177.

21. Политическая стабильность в современном мире / Под общ. ред. М.А. Бурды, О.Е. Гришина. Москва: КНОРУС, 2022. 208 с.

22. Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски / Под общ. ред. В.Н. Давыдова, Е.А. Ивановой, И.С. Амиантовой. Москва: РУСАЙНС, 2023. 184 с.

23. Степанов С.А., Иванова Е.А. «Твиттер политика» как феномен современного политического процесса // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. №6(34). С. 14-22.

24. Степанов С.А., Иванова Е.А. Миграционные процессы как вызов современности // PolitBook. 2018. №4. С. 53-63.

25. Шарипов О.Р., Попов С.И. Цифровизация России. Первые оценки разработчиков IT-технологий и экспертов // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. №12(76). С. 3597-3601.

26. Шевченко Е.С. Цифровая безопасность как приоритетный концепт современной политики США: операциональные и смысловые пределы // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы Всерос. науч.-практич. конф. / Под ред. А.В. Соколова, А.А. Фролова. Ярославль: ООО «Цифровая типография», 2022. С. 114-120.

27. Davydov V.N. Alienation Of Information As A Political And Legal Problem // Political Science Issues. 2019. Т. 9. №4(34). С. 437-446.

References

1. Amiantova I.S. Problemy effektivnosti sistemy antikorrupsionnykh mer v sovremennom elektoral'nom protsesse // Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformatsionnye vyzovy i perspektivy: Materialy ezhegodnoi vseross. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoi, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeevoi. Moskva: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2020. S. 55-56.
2. Amiantova I.S. Faktory uspekha partii «Novye lyudi» v khode regional'nykh vyborov 2020 g. v Rossii // Voprosy politologii. 2020. T. 10. №11(63). S. 3129-3139.
3. Baksheeva A.R., Gusarskaya T.A., Belyaeva V.P. Osobennosti realizatsii gosudarstvennoi antikorrupsionnoi politiki v sovremennoi Rossii: mekhanizm gosudarstvennogo kontrolya v kontraktnoi sisteme gosudarstvennykh zakupok // Voprosy politologii. 2020. T. 10. №3(55). S. 761-768.
4. Bespamyatnova M.N., Popov S.I. Perspektiva garmonizatsii funktsii institutov mestnogo samoupravleniya v kontekste vzaimodeistviya s obshchestvennymi organizatsiyami // Voprosy politologii. 2021. T. 11. №4(68). S. 1103-1107.
5. Bochanov M.A. «Tsvetnye revolyutsii» na postsovetskom prostranstve: ot istorii k sovremennosti // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2020. T. 9. №1. S. 34-41.
6. Bochanov M.A. Formirovanie sotsial'nogo gosudarstva v usloviyakh razvitiya novykh sotsial'no-politicheskikh riskov v sovremennoi Rossii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya i pravo. 2022. T. 12. №4. S.133-145.
7. Burda M.A. Migratsionnyi krizis v stranakh Zapadnoi Evropy i politicheskie protsessy // Materialy Kh Vseross. nauchno-praktich. konf. Gosudarstvo, vlast', upravlenie i pravo. Moskva: GUU, 2019. S. 29-31.
8. Burda M.A. Problematika realizatsii politiki adaptatsii i integratsii vneshnikh migrantov v sovremennoi Rossii // Materialy XI Vseross. nauchno-praktich. konf. Gosudarstvo, vlast', upravlenie i pravo. Moskva: GUU, 2020. S. 45-47.
9. Volokh V.A. Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya upravleniya migratsionnymi protsessami v Rossiiskoi Federatsii // Pravovye i organizatsionnye problemy obespecheniya migratsionnykh protsessov: Sb. nauch. St. po itogam mezhdunar. nauchno-praktich. konf. pod obshch. red. M.V. Kostenniko-va. Do-

modedovo: Vserossiiskii institut povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2021. S. 28-32.

10. Volokh V.A. Gosudarstvennaya migratsionnaya politika: problemy razvitiya infrastruktury organizovannykh form trudovoi migratsii // Osushchestvlenie gosudarstvennoi funktsii po kontrolyu (nadзору) za prebyvaniem i prozhivaniem inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva v Rossii-skoi Federatsii i trudovoi deyatel'nost'yu inostrannykh rabotnikov: Sb. nauch. st. uchastnikov mezhdedomstvennogo kruglogo stola. Moskva: Moskovskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii im. V.Ya. Kikoty, 2019. S. 5-9.

11. Grishin O.E. Obespechenie politicheskoi stabil'nosti v sovremennoi Rossii // Rossiya i politicheskii poryadok v menyayushchemsya mire: tsenno-sti, instituty, perspektivy: Materialy IX Vseross. kongressa politologov, Moskva, 16–18 dekabrya 2021 goda. Moskva: MGIMO, 2021. S.145-146.

12. Grishin O.E., Glebov V.A. Rossiiskaya gosudarstvennost': nekotorye sovremennye politologicheskie vzglyady // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. 2022. T. 9. №4. S. 351-359.

13. Davydov V.N. Otchuzhdenie informatsii kak politiko-pravovaya problema // Voprosy politologii. 2019. T. 9. №12(52). S. 2612-2626.

14. Zholmanov A.S., Fomenko S.S., Gusarskaya T.A. Mezhdunarodnyi opyt institutsionalizatsii protivodeistviya korruptsii dolzhnostnykh lits: k istorii voprosa // Voprosy politologii. 2020. T. 10. №12(64). S. 3634-3640.

15. Zaitseva I.A. Bezrobotitsa v sovremennom mire i mery ee preodoleniya: sotsial'no-politicheskie aspekty // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2020. T. 9. №1A. S. 21-28.

16. Zaitseva I.A. Rol' PR-deyatelnosti v formirovanii imidzha uchrezhdenii sotsial'noi zashchity // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2021. T. 10. №4A. S. 35-40.

17. Mikhailova N.V., Bakaryukhina A.V. Rost natsionalisticheskikh nastroyenii v Germanii v kontekste deyatel'nosti partii «Al'ternativa dlya Germanii» // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2020. №10(148). S. 86-95.

18. Mikhailova N.V., Karpova K.R. Problemy evraziiskoi integratsii: politicheskie aspekty // Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura. 2021. №4(154). S. 9-16.

19. Nesterchuk O.A. «Novaya» etnopoliticheskaya kul'tura sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty,

proekty, aktory: materialy vseross. nauch. konf. RAPN s mezhdunarod-nym uchastiem, Moskva, 06–07 dekabrya 2019 goda. Moskva: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2019. S. 273-274.

20. Nesterchuk O.A., Nguen T.A. Obespechenie i pooshchrenie ravenstva politicheskikh prav mezhdru etnicheskimi gruppami vo V'etname // PolitBook. 2023. №1. S. 159-177.

21. Politicheskaya stabil'nost' v sovremennom mire / pod obshch. red. Burdy M.A., Grishina O.E. Moskva: KNORUS, 2022. 208 s.

22. Politicheskaya stabil'nost': faktory, problemy, riski / pod obshch. red. V.N. Davydova, E.A. Ivanovoi, I.S. Amiantovoi. Moskva: RUSAINS, 2023. 184 s.

23. Stepanov S.A., Ivanova E.A. «Twitter politika» kak fenomen sovremennogo politicheskogo protsessa // Voprosy politologii. 2018. T. 8. №6(34). S. 14-22.

24. Stepanov S.A., Ivanova E.A. Migratsionnye protsessy kak vyzov sovremennosti // PolitBook. 2018. №4. S. 53-63.

25. Sharipov O.R., Popov S.I. Tsifrovizatsiya Rossii. Pervye otsenki razrabotchikov IT-tehnologii i ekspertov // Voprosy politologii. 2021. T. 11. №12(76). S. 3597-3601.

26. Shevchenko E.S. Tsifrovaya bezopasnost' kak prioritetni kontsept sovremennoi politiki SShA: operatsional'nye i smyslovye predely // Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, / Pod red. A.V. Sokolova, A.A. Frolova. Yaroslavl': OOO «Tsifrovaya tipografiya», 2022. S. 114-120.

27. Davydov V.N. Alienation Of Information As A Political And Legal Problem // Political Science Issues. 2019. T. 9. №4(34). S. 437-446.

НАШИ АВТОРЫ

АНДРЕЕВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, гендиректор, областной телерадиоканал «Кузбасс» (Кемерово, Россия).

ANDREEV Andrey – PhD of political Sciences, director general, regional television and radio channel «Kuzbass» (Kemerovo, Russia).

E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

БИРЮКОВ Сергей Владимирович – доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, КНР), профессор кафедры социальной антропологии и межкультурных коммуникаций Сибирского института управления – РАНХиГС (Новосибирск, Россия), профессор кафедры политологии ТГУ (Томск), Россия, профессор кафедры истории КемГМУ (Кемерово, Россия).

BIRYUKOV Sergey – doctor of political sciences, professor, Senior Researcher at the Center for the Study of Russia of the East China Pedagogical University (Shanghai, China), Professor of the Department of Social Anthropology and Intercultural Communications of the Siberian Institute of Management – RANEPА (Novosibirsk, Russia), Professor of the Department of Political Science of TSU (Tomsk, Russia), Professor of the Department of History of KemSMU (Kemerovo, Russia).

E-mail: birs.07@mail.ru

SPIN-код: 6070-8058

БОЧАНОВ Максим Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, Россия); доцент Финансовый университет при правительстве РФ (Москва, Россия).

BOCHANOV Maxim – PhD in political science, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russia); Associate Professor Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: max8797@list.ru

SPIN-код: 4326-4510

БУРДА Михаил Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

BURDA Mikhail – PhD of political sciences, department of political science and political management, Russian Presidential Academy of National Economy a Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: byrdamix@mail.ru

SPIN-код: 7793-7164

ГРИЦКИХ Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления, Луганский государственный университет им. В. Даля.

GRITSKIKH Dmitriy – PhD of historical sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration, Luhansk State University.
Email: gritskih_d@mail.ru SPIN-code: 2338-4953

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов; Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

GRISHIN Oleg – PhD of political sciences, Associate Professor, Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Russian State Social University (Moscow, Russia).
E-mail: grishin_oe@pfur.ru SPIN-код: 1572-4533

ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович – доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН (Москва, Россия).

GUSELETOV Boris – doctor of political sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Europe Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: bguseletov@mail.ru SPIN-код: 1360-6779

ЕПРЕМЯН Мариета – аспирант кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

EPREMYAN Marieta – PhD student of the Department of Philosophy and Social Science, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).
E-mail: Mariepremyan@mail.ru SPIN-код: 5726-9532

ЗАВЬЯЛОВА Ольга Александровна – аспирантка кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

ZAVYALOVA Olga – PhD student of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).
E-mail: 89002860020@mail.ru

ЗЕТИ-КАТИЧ Полина Петровна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия).

ZETI-KATIC Polina – PhD of political sciences, junior researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia).
E-mail: zeti@yandex.ru SPIN-код: 1557-9350

КАЗБАН Елена Петровна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия).

KAZBAN Elena – PhD in political science, associate professor, department of public administration and political technologies, State University of management (Moscow, Russia).
E-mail: lensa13@yandex.ru SPIN-код: 3080-4645

КАНУШКИН Александр Викторович – заместитель директора по организационной работе, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

KANUSHKIN Aleksandr – deputy director for Organizational Affairs, Russian Language Institute, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).
E-mail: kanushkin-av@rudn.ru SPIN-код: 3029-3760

КИРКА Артем Викторович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия).

Область научных интересов: государственное управление.

KIRKA Artem – PhD of Political sciences, teacher of the Department of public administration and political technologies, State university of management (Moscow, Russia).

E-mail: seloff@gmail.com SPIN-код: 6359-6085

КИРЧАНОВ Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

KYRCHANOFF Maksym – doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Historical Faculty, Voronezh state university (Voronezh, Russia).

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com SPIN-код: 6547-1027

КУКИНА Ульяна Андреевна – соискатель, Отдел изучения Израиля и еврейских общин Института Востоковедения, Российская академия наук (Москва, Россия).

KUKINA Ulyana – post-graduate student, Department for the Study of Israel and Jewish Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: uliana.ocean7@gmail.com SPIN-код: 2088-8150

МАКАРОВА Елена Ивановна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, Луганский государственный университет имени В. Даля.

MAKAROVA Elena – PhD of economic sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration, Luhansk State University.

Email: 32oklena@rambler.ru SPIN-code: 9387-6823

СКИПЕРСКИХ Александр Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия).

SKIPERSKIH Alexander – doctor of political sciences, professor Department of philosophy and social Sciences, Yelets state university (Yelets, Russia).

E-mail: pisatels@mail.ru SPIN-код: 9734-7461

СОКОЛОВ Николай Николаевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления (Москва, Россия).

SOKOLOV Nikolai – PhD in sociological sciences, associate professor of the Department of public administration and political technologies, State university of management (Moscow, Russia).

E-mail: Nikolai.Sokolow@mail.ru

SPIN-код: 7620-8390

ЧЕРТКОВ Алексей Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой

рекламы и человеческих ресурсов, Московский университет им. С.Ю. Витте (Москва, Россия).

CHERTKOV Alexey – Phd of historical sciences, Head of Advertising and Human Resources Department, Moscow Witte University (Moscow, Russia)

E-mail: alexchertkov@list.ru

SPIN-код: 8179-3764

ЧИРУН Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент кафедры философии и общественно-политических наук, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия).

CHIRUN Sergey – doctor of Political Sciences, Associate Professor Department of Philosophy and Social and Political Sciences, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

SPIN-код: 1195-2355

ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна – преподаватель-исследователь, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия).

SHEVCHENKO Ekaterina – teacher-researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: katerina.shevv@yandex.ru

SPIN-код: 1890-3374

ЮРЧЕНКО Инна Вадимовна – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Южный научный центр, Российская академия наук (Ростов-на-Дону, Россия); профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия).

YURCHENKO Inna – doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia); Professor of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

E-mail: ivyurchenko@mail.ru

SPIN-код: 6113-5159

THE CONTENTS

NEW CHALLENGES TO POLITICAL STABILITY

B. Guseletov

RELATIONS BETWEEN EUROPEAN UNION AND CHINA AT PRESENT STAGE

6

I. Yurchenko, P. Zeti-Katic, O. Zavyalova

THE PROBLEM OF SOCIALLY RESPONSIBLE POLITICAL BEHAVIOR OF YOUTH IN CONDITIONS OF MODERN POLITICAL CONFLICTS (BASED ON THE MATERIALS OF THE KRASNODAR TERRITORY AND THE REPUBLIC OF ADYGEA)

23

A. Kirka, E. Kazban, N. Sokolov

INFORMATION TECHNOLOGY AND COMMUNICATION ASPECTS OF ENSURING RUSSIA'S POLITICAL SECURITY IN MODERN CONDITIONS

43

S. Biryukov, S. Chirun, A. Andreev

INFORMATION AND PROPAGANDA STRATEGIES AND TECHNOLOGIES OF THE UKRAINIAN ELITE IN THE INFORMATION WAR WITH RUSSIA

66

A. Skiperskikh, M. Epremyan

ARMENIA IN THE 1990S: A BRIEF HISTORY OF THE LEGITIMATION OF POWER

87

O. Grishin, A. Kanushkin

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY AS A SOCIO-POLITICAL CHALLENGE FOR GERMAN TRADE UNIONS

107

ARTICLES

M. Kyrchanoff

POLICY OF MEMORY OF LIBERAL ISLAM IN INDONESIA IN THE EARLY 2020S

120

A. Chertkov

ORIENTALIST CONCEPT "EAST-WEST" IN THE CONTEXT OF A.S. GRIBOEDOV
141

E. Makarova, D. Gritskikh

FACTORS OF INFLUENCE ON THE ETHNIC AND REGIONAL IDENTITY
OF RESIDENTS OF LUHANSK REGION IN THE POST-SOVIET PERIOD
151

U. Kukina

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE CONCEPT «POLITICAL JUDAISM»
165

REVIEW

E. Shevchenko, M. Burda, M. Bochanov

ENSURING POLITICAL STABILITY AT THE PRESENT STAGE:
THEORETICAL-METHODOLOGICAL AND PRACTICAL ASPECTS
178

OUR AUTHOR

194

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 20.05.2023
Дата выхода в свет 06.06.2023

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iopn.ru

Свободная цена
Индекс подписки по каталогу
«Пресса России» 15130

© НИИ общественных и политических
наук, 2023.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdansky st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
http://politbook.online

© Institute of Social and Political
Sciences, 2023.